

ISSN 0012-6756

Дружба народов

1/2026

В номере:

«И цыганка сама вдруг поверит благородным своим королям»

«Немец склонился к лунке, вытащил мяч, выпрямился и повернул его в вытянутой руке, как фокусник. Мяч крутанулся на кончиках длинных пальцев и на мгновение превратился в крошечную, словно кукольную, хорошенькую головку. С льняными волосами, трагическими бровками и лазурными хрустальными глазками, отчего-то очень отчётливыми. — Я вам представлю: Виллим Иванович Монц! — Пальцы шевельнулись — и снова стал мяч». Повесть Елены ЕРМОЛОВИЧ «Девять лунок» — магическая история-заклинание. В приморском городке играют в гольф отставной треш-стример и один из герцогов ада. Мяч скатывается в лунку — и катится на эшафот голова. Хроники королей, разбойников, принцесс, недолговечных кумиров. Повесть о переплетении поколений и хрупкости привычного мира. А последняя сказка спасла бы мир — будь этот мир реален.

«Жизнь продолженья требует»

Цикл стихотворений Сухбата АФЛАТУНИ «Январские святые» посвящён празднику Рождества Христова, святым Иосифу и Марии и святой Нине, просветительнице Грузии. В тонкой афористичной лирике Юрия КАЗАРИНА — вся полнота бытия, где «смешались крылья, снег и лыжи», а выше «только Бог и небо», но «с небом больно говорить». Стихи Ильи ФАЛИКОВА «Живую жизнь блюсти как жанр» — о любви, которая не проходит и никуда не уходит, даже когда случается невосполнимая потеря, когда «камена — верная вдова —/ обрела законные права/ на формат судьбы не по колодке». Подборка Сергея ПОПОВА «Детский вопрос» — про трудности нашего времени, и хотя «чёрные птицы поют о беде», но «с будущим быть полагают на ты». Владимир САЛИМОН предается воспоминаниям, как бы подглядывая «в щёлку между занавесок», и видит, что «мгновенья счастья,/ вереницей/ в неведомое держат путь».

«Кто чёрен и грешен, а кто светел и свят...»

«...Фельетон задел Казакова. Всё-таки “Крокодил” был популярен в народе, тираж — 1 500 000. Он говорил, что выдержал, стерпел, но сильно огорчились дома родители — Устинья Андреевна и Павел Гаврилович: “Ведь о ком фельетоны пишут? — о жуликах, ворах разных”. После фельетона, утверждал Казаков, его рассказы “повыкидывали” из журналов. Через пять лет, в 1966-м — мощь одного рассказа! — “Кабиасов” подвергнут коллективной пародии уже либеральные критики Сарнов, Рассадин и Лазарев». В рубрике «Культурный слой» — главы из будущей книги Сергея ШАРГУНОВА о Юрии Казакове: драматическая история альманаха «Тарусские страницы» и судьба его авторов и издателей, отношения, разговоры и переписка с К.Паустовским, И.Эренбургом, Ю.Домбровским...

«А ведь действительно, четверть века...»

«Горячая десятка» литературных критиков — о процессах, тенденциях и событиях литжизни нового столетия в сравнении с началом прошлого, о судьбе литературных манифестов и проектов и самых важных книгах и текстах. Александр МАРКОВ: «Классический модернистский сюжет “поиска себя”» сменяется сюжетом “сборки себя”. Евгений АБДУЛЛАЕВ: «Писать снова становится трудно и больно. Подул ветер истории, пока локально. ...Возникла необходимость не просто в поисках нового языка — а новой системы языкового мышления». Валерия ПУСТОВАЯ: «Лучшая литература — сейчас, потому что ни до, ни после не будет этого чудесного моего с автором совпадения в процессе жизни...»

Дружба народов

**Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Основан
в марте 1939 года**

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

**E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>**

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.11.2025.
Подписано в печать 22.12.2025.
Выход в свет 22.01.2026.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Денис
ГУЦКО
Вадим
МЕСЯЦ
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий КАЗАРИН. Гора во сне. Стихи	3
Елена ЕРМОЛОВИЧ. Девять лунок. Повесть	7
Сухбат АФЛАТУНИ. Январские святые. Из «Нового Тропария». Стихи	86
Андрей ВОЛОС. Правдивые сказки	91
Владимир САЛИМОН. В щёлку между занавесок. Стихи	152
Дмитрий ИСАКЖАНОВ. Два рассказа	158
Инна ВОЛОШИНА. А дальше — Воскресенье. Рассказ	168
Алёна ШВАРЁВА. Лето. Рассказ	174
Илья ФАЛИКОВ. Живую жизнь блюсти как жанр. Стихи	180
Сергей ПОПОВ. Детский вопрос. Стихи	185

ПРОЗА. ДОС

Игорь КЛЕХ. Планета одноклассников. Главы из книги	189

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН. Выемки и выкладки	202

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Сергей ШАРГУНОВ. Юрий Казаков: главы из жизни	212

КРИТИКА

Платформа искусства. Литература первой четверти XXI века: мысли вразброс. В круглом столе принимают участие: Евгений АБДУЛЛАЕВ, Ольга БАЛЛА, Мария БУШУЕВА, Владимир КОРКУНОВ, Борис КУТЕНКОВ, Александр МАРКОВ, Михаил ПАВЛОВЕЦ, Николай ПОДОСОКОРСКИЙ, Валерия ПУСТОВАЯ, Александр ЧАНЦЕВ	236

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. Любовь между землёй и небом (П.Надаш. «О любви земной и небесной»)	265

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Легенда об острове	269

SUMMARY	272

Юрий Казарин

Гора во сне

* * *

Тень голоса и тесный снегопад,
и выдох твой, и круглый крик без крика,
и ягоды, и невсядный яд:
черёмуха-смородина-черника;
и ягоды раздавленный зрачок,
и ягоды прохладная пружинка;
в соседнем небе плачет дурачок —
под языком качается снежинка;
и ягоды заочный алый взгляд,
и ягоды отъявленное зренье,
и ягоды как дети говорят,
не размыкая уст, стихотворенье;
и созревание вкуса и слезы,
и назревание вечности и боли —
вращают зрячий кубок стрекозы
в распахнутом глаголе.

* * *

Давай споём — сыграем
за жизнью, за сараем,
где ярко и темно
кончается кино.
Мы небом прирастаем
за жизнью, за сараем,
где раньше, чем окно,
кончается кино.
где падают по кругу —
крестом на крест — друг другу
влюблённые дожди...
и ласточка в груди.

Казарин Юрий Викторович — поэт, лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры истории театра и литературы ЕГТИ. Родился в 1955 году в г. Свердловске. Как поэт печатается с 1976 года. Окончил в 1981 году филологический факультет Уральского государственного университета имени А.М.Горького. Многочисленные публикации в журналах «Урал», «Октябрь», «Знамя», «Юность», «Новый мир», «Дети Ра» и др. Автор многих книг поэзии и прозы. Заведующий отделом поэзии журнала «Урал». Лауреат премий журналов «Юность» (1990) и «Урал» (1997), Всероссийской литературной премии им. П.П.Бажова (1999) и др. Живёт в г.Екатеринбурге.

* * *

Во сне на выдохе обомлел —
смешались крылья, снег и лыжи;
проснулся, Боже, онемел —
не обмелел, а побелел:
лежу на крыше
сарая, павшего с небес,
а, может, выше...

но выше только Бог и лес.

* * *

Взошли глаза. Вернулся крик.
Открылись жабры пазух зимних.
О, сколько в небе чистых книг —
нечитанных ночных и синих;
шумнула сойка, и, тишком,
летя в сугробах, снег спасает
и тень двукрылую комком
в зеркальный шар земли бросает;
в хрустальных трещинах кусты
несут сырой свинец с востока:
о, обойди по кругу око
внутри солёной слепоты;
вот-вот натопчешь тень свою,
где правый берег лёг налево,
а левый канул в полынью,
как в прорву гнева...

* * *

Высоко летаю-плаваю,
глубоко и впереди...
левая накроет правую.
если обе на груди.

впереди очей и взора —
волчья жажда, божья сыть.
часть реки и часть забора —
и запомнить, и забыть,

прыгнуть в небо с косягора:
я себя забуду скоро —
с небом больно говорить...

* * *

Качнуло — раз, два.
Небо дохнуло в темя.
Кружится голова.
Время.

Время считает капли.
Свет раздвигает лес.
Всюду снега ослабли,
кроме твоих небес.

Вечного кормят очи.
Смертного — боль и хруст;
слышно, как плачут ночи:
плач тишины короче,
если из первых уст.

* * *

Слышно ангела: стучит
клювом в древо золотое —
гладит капля Персеид
поле слов полупустое.

Поле влаги, тишины.
Кто-то умер. Время плачет.
Поле зренья полстраны
обоймёт, переиначит.

Цокот влаги ледяной
за иконой, за осиной —
чистой солью и слюной
время плачет надо мной.

Время плачет паутиной,
да некормленной скотиной,
да продрогшею струной.

* * *

Скрипит под сердцем, в коридоре
ночей, бессонниц и беды,
где вдоль песка болят следы,
где ветер лепит берег моря
сухими пальцами воды,

где время плещется вслепую,
где не горит вода в воде,
где жарят рыбку золотую
на золотой сковороде:
Свет настоящий потемнее
и темноты, и полной тьмы,
когда полощутся под нею
слепые мраморы зимы.

* * *

А.Репиной

Вспомнишь во сне: живу —
ночью ищу траву
лёгкой литовкой, взглядом,
солью, ресницей. Рядом
чувствую высоту,
шум пустоты и ту
судорогу познания:
будто висишь во рту,
жизни во мгле сказанья,
трогая наготу
смерти в одно касанье
губ и души в мороз
до выкипанья слёз...

Гора во сне

Гора во сне теснит меня —
и трудно дышится простору,
и влага лёгкого огня
течёт в стремительную гору.

Костёр поднялся и молчит,
и выдувает степь из хлеба,
и облачностью очи мчит
в зерно луны и в мякоть неба,

ручей, вскипев, давно исчез
и обнажил нутро взрывное:
согласных дымный умный лес
и гласных дно глухонемое.

Река и мысль теснят Утёс
над Чусовой с живой обновой:
осыпав щедро солью слёз,
оконным золотом стрекоз —
листок игольчатый, еловый.

Елена Ермолович

Девять лунок

Повесть

Когда одна палочка и девять дырочек
Остановят целое войско...

1. Цветник женщины, умевшей колдовать

Бархатно-чёрное небо, алмазные слёзы звёзд. Бриллиантовые дороги, по ним катятся к нам божьи колесницы. Фантазёры соединяют звёзды невидимыми нитями — и видят фигуры, недоступные простецу. Водолей, Стрелец, Две собаки, Большая Медведица и Малая...

А вот тёмные звёзды, чёрные дыры, те, что потихоньку, по капельке всасывают в себя весь мир, в небе не видны — чёрные на чёрном. Но они есть.

Холодный язык прибоя пробегает по камешкам — шорохом. Море вздыхает, ворочается, укладываясь спать. Вдоль горизонта брошена горсть апельсиновых мерцающих огоньков — литовская Клайпеда.

Мери сидит на песке, на пуфе-мешке у ступеней пляжного бара «Прожарка» и глядит на эту далёкую Клайпеду — слезящимися глазами сквозь слезящийся лёд. Лёд тает, виски светлеет. В телефоне булькают, всплывая, сообщения. Но Мери их не читает.

На барной стойке спит серый кот. Барменша Люба с красивым по-модному лицом, как у окуня — губищи, глазищи, скулы, — спускается к Мери и валится на соседний мешок.

— Через час закроюсь. — Люба закуривает, страстно втягивает дым. — Вы надолго к нам? Опять на всё лето?

Ермолович Елена Леонидовна родилась и живёт в Москве, училась в Московском технологическом институте (дизайнер по костюму). Автор серии исторических романов, в том числе «Саломея» и «Чёрный спутник». Лауреат премии «ДН».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 11.

Потому что в прошлом году Мери с внучкой жили в коттедже всё лето, с июня по август.

— Как всегда, — кивает Мери, делает глоток из запотевшего стакана. — Дед платит.

На ней полосатое платье-балахон с большими карманами — Мери зовёт его «ишак-моряк». Голые плечи лоснятся от загара, и кисти рук подо всеми бесчисленными серебристыми браслетами и перстнями черны, как у бабы Яги, но лицо белое, замазано гримом так, что вовсе не читаются природные черты. А волосы и губы — красные, одинаково кровавого колера. Мери то ли пятьдесят, то ли шестьдесят, денег полно. Они с внучкой живут в коттедже, в наивной гордыне именуемом отелем — «шале». Дед, тот, что платит, приезжает к ним в августе на неделю. Так было в прошлом году, в позапрошлом, значит, так будет и в этом.

Эти шале мягко сияют глазастыми окнами высоко на дюне, светятся сквозь тёмное кружево крон, как спрятанные сокровища. На крыше у каждого шале — маленький бассейн. Чуть дальше и выше, на мысе, — главное здание отеля, фальшь-маяк — чёткий контур на фоне неба в золотой диадеме иллюминации.

Вдоль всего берега дрожат уютные огоньки баров, и где-то совсем далеко, у самого мыса, от «Нимфы», слышится музыка. Скорее всего, превульгарнейшая, но издалека кажется прекрасной.

— Хороший у вас дед, — говорит Люба.

— Это пока его мало знаешь.

Люба тушит сигарету и поднимается в бар.

— Кыш!

Кот падает со стойки, как переспелый плод. Сбегает по ступеням к Мери и трётся у её ног. Мери вдруг мгновенным воровским движением вынимает из кармана канцелярский нож и срезает клочок шерсти с роскошных котовых штанов. Потом Мери встаёт, прячет в карман и нож, и свою добычу, и всходит по ступеням, ставит пустой стакан на стойку бара.

— Пока, Люба. Доброй ночи и удачи.

На дюну, к коттеджам, поднималась деревянная синяя лестница, с двух сторон озарённая фонарями. На нижних ступенях сидел мальчишка Ксанька семнадцати лет и с ленивой грацией объедал кислоющие ягоды с облепиховой ветви.

— Привет, Шура, — поздоровалась Мери. Она единственная в мире звала Ксаньку унижительным Шурой.

Мери запрокинула меловое, как у вампира, лицо и с тоскливым предвкушением поглядела на верхние ступени, столь далёкие.

— Каждый раз думаю, дойду ли? Или сердце разорвётся.

Ксанька не ответил — он полагал, что разрываться там у Мери нечему. За почти три лета он эту старуху узнал как облупленную.

Мери, не дождавшись ответа, пошла наверх, обманчиво легко, играя полосатым подолом платья «ишак-моряк». Ксанька повернулся и глядел,

как она поднимается — со спины вполне себе ничего, с пышным задом, с тонкой талией — и сказал ей вслед:

— Завтра!

Мери замерла на полпути, оглянулась и проговорила, запыхавшись на подъёме, задущенно, нежно:

— Ура...

Возле дома на дорожке лежали яблоки, расколотые от падения, истекающие соком. Ночные бабочки вылетали из ореола фонаря, садились на трещины и, трепеща крыльями, пили сок.

Мери вошла в дом крадучись, стараясь не шуметь. Открыла чемодан, не зажигая света, и принялась копаться.

— Буся! — позвала из спальни девочка. — Буся, это ты?

— Это я, зайчик, — успокоила Мери. — Спи давай! Спокуха нуха.

«Буся» — это значило «бабуся».

— Ты придёшь?

— Вот-вот приду, зайчик.

Мери отыскала в чемодане свечку и спрятала её в бездонный свой карман. Тронула выключатель, зажигая свет на крыше, и потом — поднялась наверх.

Отсюда видно море, чёрное его зеркало, далёкую Клайпеду и на горизонте — фонарики военных патрульных кораблей. Видны огоньки прибрежных баров, мерцающие, съедобно-тёплые, вот одно такое ожерелье огоньков погасло — это Люба закрыла «Прожарку». Луна висела над дюнами мраморная, глупо-важная, круглая, как фермерский сыр.

Здесь, на крыше, стояли розы в кадках, их лепестки летели в бассейн. Розы яростно, мучительно пахли, — аромат их ударял в грудь, как мяч ударяет школьника на физре. Мери зачерпнула горсть пепла из кадки, высыпала на бортик бассейна. Смешала с кошачьей шерстью. Потом укрепила свечу на краю бассейна, зажгла — и пламя отразилось в воде, высокое, яркое, огонь зашипел и сразу же встал солдатиком.

Сейчас по правилам следовало бы пропеть католический гимн, но Мери, к стыду своему, не знала ни одного, и она пропела просто песню, французский романс, но зато — его любимый.

Deux étions et n'avions qu'un coeur;
S'il est mort, force est que dévie,
Voire, ou que je vive sans vie
Comme les images, par coeur,
Mort...

Мери высыпала перемешанные пепел и шерсть — шерсть серого животного! — на зеркальную воду, стараясь вычертить некие знаки, но получились просто — пепел и шерсть в воде. И потом Мери прикусила себя фарфоровым клычком за палец, и когда выступила кровь, капнула ею в воду. Включила джакузи —

зеркало раскололось, забурлило, затащило в себя и пепел, и розовую кровь, и шерсть серого животного.

Блики от бурлящей воды легли на её лицо голубыми перламутровыми чешуйками.

Вот и всё. Береговая линия, круг луны, течение и фонтан. Всё здесь, на месте, значит, всё получится.

Мери спустилась вниз, в дом, погасила свет. Вошла в спальню, легла, не раздеваясь, поверх одеяла, прижимая к губам прокушенный палец.

— Буся! — позвала девочка.

— Я тут, маленькая. Спи.

В соседнем коттедже совсем не горел свет, нигде, и Мери не могла видеть, что делается на крыше.

Там, в таком же бассейне, в окружении роз и пузырьков джакузи, лежал турист Освальд Шемберг и представлял себя яйцом в кипящей кастрюльке. Молодой человек в львиной гриве выгоревших растаманских косиц. Косицы собраны на макушке в грандиозную гулю, чтобы не мокнуть. Этот Шемберг был давний артритник, доктор рекомендовал ему тёплые ванны.

Шемберг видел, как у соседей на крыше зажигается свет и рыжая женщина в полосатом платье бросает в воду разные вещи. Потом женщина ушла, и свет на соседской крыше погас. Свет погас — и мгновенно отпустила боль. И что-то сразу же заняло её место, что-то сотканное из бархатной черноты ночи, из болезненного запаха роз, из вкрадчивого лепета прибоя. Что-то новое.

Шемберг резко поднялся в бассейне, завернулся в полотенце. Перемахнул через край. Легко, как козлик, почти танцующей походкой спустился вниз. Остановился перед зеркальным шкафом, изучая своё отражение — с восторгом и любопытством.

Он даже дотронулся кончиками пальцев до нежно рдеющих ушей, до тоннелей в мочках. Клаасс... Тряхнул волосами — и львиные косицы со стуком рассыпались по плечам. Полотенце упало на пол, и он погладил пальцем татуированный герб на внутренней стороне бедра, бархатное тавро на едва загоревшей коже — рыцарский щит, увенчанный шлемом, и два щитодержателя.

Дивный конь, красивый, благородный, породистый конь, — у него роскошная грива и длинные ноги, на таком не стыдно и прибыть на свидание к принцессе.

Он потянулся, красуясь, любуясь собой, в темноте, потому что видел он в темноте — как кот. На журнальном столике валялся неотгаданный кроссворд и — поверх кроссворда — чёрный карандаш. Он взял этот карандаш, подвёл глаза вниз, по краю нижнего века, чуть растушевал. Вот теперь — и совсем хорошо... Он даже промурлыкал ту песенку, французскую, только что слышанную на крыше:

Deux étions et n'avions qu'un coeur;
S'il est mort, force est que dévie,
Voire, ou que je vive sans vie
Comme les images, par coeur,
Mort...

2. Держатели щита

А ведь он симпатяга, этот Оса фон Шемберг. Посмотришь — и уже его жалко. Вот и Шакал не стал его убивать, просто бросил...

Капитан Прокопов наблюдает сквозь стекло, как свидетель неуклюже, негнушимися пальцами помогает художнику рисовать. Что-то правит в рисунке, роняет стилус — и улыбается виновато и беспомощно. Так они провозятся до морковкина заговенья.

Прокопов глядит в окно. Грёбанный дождь. Стеной. Капитан листает в телефоне закладки с погодой: Зеленоградск — ясно, плюс двадцать два, Янтарный — ясно, плюс двадцать пять, и в Светлогорске, зараза, ясно. И только в Калининграде, дери его чёрт, в столице края, — как в деревне Гадюкино: дожди. Скоро квакать начнём.

На белёной стене дома напротив плесень нарисовала причудливые фигуры двуглавых птиц, раскинувших крылья. Разглядеть бы их ещё — за плотной ливневой завесой.

Когда они поднялись в номер, Шакала там, конечно, уже не было.

Перед зеркалом — обагрённая кровью бритва маэстро, одна из многих, и белые скомканные рубашки, и длинные волосы в сливе ванны. А в холле гостиницы полицию поджидала нечаянная радость — этот вот Оса фон Шемберг. Он раскатывал в кресле на колёсиках возле стойки регистрации и беспечно щебетал с портье. На своём дурацком картонном боливийском английском; портье, сам такой же полиглот, его прекрасно понимал. А вот по-русски наш фон барон не знает ни бельмеса.

Этот Оса — художник-неудачник, заложник. Шакал прихватил его на казахстанских своих гастролях, с персональной выставки в городишке Шимкент. Чем-то вот глянулся ему Оса. Хотя чем-чем? — папашей... Шакал таскал его с собой, как кот, играя, таскает полузадушенную птичку, донёс до гостиницы «Центральная», и тут, наигравшись, бросил.

Оса может ходить, пусть и с трудом, но Шакал предпочитал возить его в коляске. Быть может, за эти два месяца Шакал по-своему привязался к заложнику, во всяком случае, жалел его: капитан знал, это называется — Лимский синдром.

— Готово, — художник выходит из комнаты, протягивает рисунок.

Прокопов бредёт к столу, открывает в ноутбуке дело, сравнивает с рисунком месячной давности, сделанным со слов горничной из нижегородской

«Совы». Точь-в-точь. Так девочки рисуют — принцев, и так японцы в мангах рисуют — демонов. Длинные волосы, острые высокие скулы, узкие прищуренные глаза. Губы, сжатые так, словно он со злости скрипит зубами, и жёсткие складки у губ. Тима Шакал. Тимофей Фёдорович Шомберг, по другим данным — аж целый Сталин Фёдорович Шомберг. Девяносто пятого года, наш, доморощенный, место рождения — по одним данным Москва, по другим Люберцы. Документы о рождении утеряны или же намеренно потёрты. Тима Шомберг, дитя перестройки. Скромная гордость родины. Наёмник, киднеппер. Маэстро бритвы и заточенного шила. Неуловимый, никем толком не виденный. И, кажется, его не очень-то и рвутся ловить.

Прокопов листает дело дальше — до фотографии Освальда фон Шемберга. Из шимкентской светской хроники (наличие которой в природе само по себе забавно), постер с той самой выставки. Солнечный мальчик с летящими по ветру выгоревшими волосами. Глаза и сейчас у него такие — круглые, тёмные, как у птицы.

Прокопов шагнул к стеклу — благо, свидетель не мог его видеть, — и сравнил. Да, эта вот блуждающая дурацкая улыбка — осталась. И всё. Очень бледная, прозрачная кожа, в птичьих глазах — тоска. Короткие, лесенкой выстриженные чёрные волосы, торчащие в разные стороны, и даже на первый взгляд — кажущиеся упругими и нежными, как птичьи перья.

Прокопову припомнились тёмные волосы в сливе ванны. Интересно, почему Шакал его остриг?

Шемберг за стеклом трагически взвёл брови, непроизвольно искривил губы. Быть может, скучает. Вот это уже — синдром Стокгольмский. Заложник привязался к супостату, привык. Или ему опять больно. Или же он попросту истерик.

Артритник Оса фон Шемберг, сынишка — и единственный — боливийца фон Шемберга. Боливия с Россией дружит? Да вроде ещё как дружит. Потому что Шемберг-старший, из немцев, тех самых, и из поставщиков, и уже другого — того самого. Все эти чемоданчики в русских посольствах — там его товар. Но мы-то люди маленькие, задаём предписанные вопросы и глубже не копаем. Не по чину.

Возможно, Шакал надеялся содрать с папаши хороший куш. И, наверное, успел, содрал-таки — потому что он бросил Осу живым.

Шомберг — и Шемберг. Всего одна буква разницы, да приставочка «фон». Но глубже мы не копаем. Не велено. Не по чину.

Прокопов захлопнул ноутбук. Взял бумажную папку, машинально пролистнул содержимое. Поднялся с кресла, зашёл в соседнюю комнату.

Свидетель почтительно — или с любопытством — привстал со стула, и тут же с гримаской вернулся на место. Больно ему...

А переводчик, студентка, тот аж весь искрутился на своём табурете и от любопытства, и от собственной значимости.

— Степан Прокопов, капитан внутренней службы, — представился Прокопов. И переводчик перевёл, болван: «Капитано де сервисио интерно».

— Я же всё рассказал вашему коллеге, — проговорил Оса капризно, совсем по-детски.

Прокопов понял его, ещё даже не услышав перевода. Пообещал:

— Я не задержу вас надолго. И постараюсь не повторяться.

«Мягче с ним надо, мягче, — такое было распоряжение. — Не пугать. Инвалид, сын стратегического партнёра».

— Аделанте... — Оса откинул голову, полуприкрыл глаза.

И переводчик, гадёныш, перевёл, актёрски копируя его интонацию:

— Валяйте...

— Тимофей Шомберг, или же Сталин Шомберг по прозвищу Шакал... — начал Прокопов.

И Оса тотчас перебил его, весь подавшись вперёд:

— Сталин? Мне не говорили, что он ещё и Сталин...

И Прокопов опять понял его — ещё прежде перевода.

— Сталин — предположительно, — усмехнулся Прокопов, — оттого мой предшественник это и не озвучил.

— То есть где-то гуляют два его брата — Ленин и Троцкий? Или Иосиф и Виссарионович? — оживился Шемберг. — Как Ильич Рамирес Санчес — их же тоже было три брата, Владимир, Ильич и Ленин, и вот забавно, прославился именно тот, что с самым дурацким именем — Ильич. Божечки, а ведь он же тоже — Шакал! То есть наш Шакал — это может быть оммаж тому, первому...

Он тараторил, и переводчик переводил, давясь хихиканьем.

— Вы прожили с Шомбергом два месяца бок о бок — наверное, сможете припомнить о нём что-то ещё, дополнить то, что рассказали моему коллеге? Любые детали. Сведений о Шакале так мало, вы весьма и весьма выручите нас, господин Шемберг.

Шемберг, Шомберг — забавно их слышать в одном вопросе. Неужели нет связи?

— Я же не жил с ним — как семья, — смутился Оса. — Тима бросал меня в номере и отправлялся по своим делам. Мы почти не говорили. Дважды он вывозил меня в коляске в какой-то парк на острове — и молча катал по аллеям.

— Вы же художник, господин Шемберг, — тихо напомнил Прокопов, и глаза у Осы сделались — даже не птичьими, а совсем пустыми, как пупки. — Быть может, вы подметили что-то, какие-то детали, мелочи, на первый взгляд незначительные, — но для нас они станут спасением. Поворот головы, характерный жест, забавную привычку...

— Я давно не художник, с тех пор, как это у меня началось, — господин Шемберг укоризненно поднял скрюченную бессильную лапку. — В Шымкенте была выставка старых моих работ. А Тима — он начисто лишён индивидуальности. Он только выглядит красиво. При близком знакомстве — это ходячий набор штампов, манекен, восковая персона... Характерный, забавный — это оксюморон в его случае. Он — никакой.

Никакой... Ты уже не художник, Оса Шемберг, а Тима Шакал — он-то художник, вполне... Яркая индивидуальность — разве что на своём поле.

— Вот, взгляните. — Прокопов вытянул из папки фотографию и через стол бросил свидетелю. — Знаете что-нибудь об этом? Это — он исполнил уже при вас, на Кнайпхофе. Быть может, именно по этой аллее он вас катал?

— Нет! — Фотография затрепетала в пляшущих пальцах. — Я не знаю, я не помню...

Бумажный квадрат спланировал на стол — почти в руки Прокопову. Свидетель таращился в пространство, в круглых наивных глазах его закипали слёзы.

«Напугал, — подумал Прокопов злорадно. — И это тоже недурно. Хоть и не велено было пугать».

На фото — кафе в парке на острове Канта, то, что с попугаями в клетках, возле самого собора. Раннее утро. Четверо на плетёных стульях. Двое мужчин, две женщины. Четверо мертвецов. Хозяин кафешки обнаружил их на рассвете, когда явился открывать заведение. Кто-то рассадил их на стульях вокруг стола, как живых, тщательно выстроив мизансцену: пепельница, окурки, четыре чашки. Последняя вечеря. Четыре трупа, без документов, и до сих пор неизвестно — кто они. У каждого — крошечный прокол в области сердца, предположительно сделанный шилом. Автограф — Шакала. Сталина-Шомберга, — и ведь тоже лишь предположительно.

— Знаете, Степан, я вспомнил. — Оса шмыгнул носом и резко вскинул острый подбородок. — Кое-что новое. Слушайте...

И ведь имя запомнил...

— Да, господин Шемберг.

— Когда Тима писал моему отцу, он проболтался, совсем чуть-чуть, и о своём. Своём отце. Сказал, что завидует мне, — какой я счастливый сын. Его мать русская, а отец — немецкий студент. Жил в Москве два месяца по обмену. Тима никогда его не видел. Он говорил, что мечтает однажды явиться перед отцом во всём блеске богатства и славы. Поразить его своими совершенствами.

Прокопов тут же спросил вдохновенно:

— Возможно, вы с Шомбергом сводные братья? И произошедшее с вами — месть? Всего на одну-то букву отличаются — Шемберг и Шомберг. Капризы паспортистики...

— Что вы! — лучисто рассмеялся Оса. И всё-таки он был симпатяга! — Мой отец никогда и не бывал в России. Да он и не немец. Еврей с немецкой фамилией — прадед мой в войну едва не угодил в лагерь, ему пришлось бежать в Боливию. Нет, если ваша версия верна, — тогда Тима гениальный актёр, а это не так. Он никакой. Деревянный.

Вот интересно, — эти злые «никакой» и «деревянный», это переводчик добавляет от себя со всей дури, или Оса и вправду зол на похитителя? И ещё — он так славно, интимно всё время зовёт его — Тима.

— Как думаете, ваш отец заплатил Шакалу? — быстро спросил Прокопов.

— Вы же видите — я жив, — светло улыбнулся Оса, и птичьи глаза его увлажнились. — А Тима — уехал. Значит, сделка состоялась. И где-нибудь в одном из ваших moteлей уже валяется труп без документов, с перерезанным горлом. Вы... должны это знать.

Дверь приоткрылась, зашла Танюша, приблизилась, звеня тонкими каблучками-стилетами, и уронила перед Прокоповым два листа распечаток. Последние новости, с пылу с жару. Танюша развернулась на каблучках, плавно, словно яхта — похвастав округлым корпусом? — и процокала на выход.

— Как по заказу, — усмехнулся Прокопов. Труп в гостинице «Бриз», час назад. Горло перерезано, документов нет. Выходит, Шакал отбыл к следующей цели. Дамы и господа, Элвис покинул здание.

— Я угадал? — в голосе Шемберга зазвучало лукавство.

— Быть может, он просто сбросил вас, как балласт, а, господин Шемберг? — спросил Прокопов мрачно, тяготясь навязанными «господином» и мягкостью. — С чего вы так уверены, что сделка состоялась?

— Когда вы только вошли, вы дали мне слово не повторяться, — Оса насупился. — Но я не жадный, я покажу — и вам. Вот, любуйтесь.

Он отодвинулся от стола и негнущимися пальцами поднял повыше штанину легкомысленных колониальных шорт. Выше, ещё выше. На младенчески гладком бедре — кое-как наклеенный грязный пластырь.

— Я сниму его для вас, только пообещайте, что дадите мне новый, — почти кокетливо улыбнулся Оса.

И переводчик машинально улыбнулся, переводя.

Под пластырем обнаружилась татуировка — небольшая, но довольно отчётливая. Гербальдический щит со вздыбленным львом, увенчанный рыцарским шлемом. По бокам щита — два щитодержателя-арапа. Вернее, уже только один — второй арап был вырезан с мясом, квадратик кожи вырезан, словно картина из рамы, на его месте розовел подживающий глубокий рубец.

— Убедились? — в круглых глазах Осы не было ничего — бусы тёмного янтаря. — Я уверен, что мой отец заплатил, — когда получил от шантажиста вот такое послание. Тима не решился... забрать остальное, он и так боялся, что я у него умру.

«Никакого там Лимского синдрома, он попросту тебя выкинул, — подумал Прокопов, отчего-то злясь. — И ты напрасно приbedняешься, Оса — еврей, да с немецкой фамилией. Оба вы, Шемберги, нацисты — это немецкая баронская татуировка, рыцарское фамильное тавро, уж мне-то можешь не заливать. Видали уже такое — благо, тут у нас как раз Восточная Пруссия».

Прицокала Танюша с пластырем, помогла Осе заново заклеить рану — пальцы его дрожали. Теперь виднелся лишь уцелевший держатель щита — отчётливо-чёрный, в шароварах и в тюбране.

— Вы же отвезёте меня обратно в номер? — почти взмолился Оса. — Мне тяжело перемещаться самому, даже если на такси.

И переводчик, бедное его зеркало, тоже моляще заломил брови.

— А как же. И выставим в коридоре охрану, — пообещал Прокопов.

— Мне важно быть там, — проговорил Оса, нежно улыбаясь. — Тима сказал, когда уходил, что отец уже вылетел за мной. Он отнял у меня телефон, и сам я не мог узнать. Когда вы пришли, я как раз пытался звонить папе от портье, снизу. Это правда, Степан? Он вылетел за мной? Или вам нельзя говорить?

Сухбат Афлатуни

Январские святые

Из «Нового Тропария»

7 января

баю баюшки баю
спи Младенец на краю
времени
пространства

вот
вол сенцо — хрум-хрум — жуёт

Ирод — серенький волчок —
спит — во сне зубами щёлк —
видит рати и дворцы

на осяти — бубенцы:

динь-динь-динь — и Ты усни
ветер тербит огни
да тревожит сны волхва

дождь — кап-кап — едва-едва

Сухбат Афлатуни (Абдуллаев Евгений Викторович) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родился в 1971 году в Ташкенте. В 1993 году окончил философский факультет Ташкентского государственного университета. Главный редактор журнала «Восток Свыше». Диакон. Автор трёх сборников стихов, нескольких книг прозы, литературной критики и эссе. Лауреат многочисленных премий, в том числе «Русская премия» (2005, 2011), «Русский Букер» (2016), «Ясная Поляна» (2016), «Большая книга» (2019), премия журнала «Дружба народов» (2020) и др. Постоянный автор «ДН». Живёт в Ташкенте.

спят медведи и слоны
спят козлищи и овны
спят младенцы что пока
не убиты — и легка
их улыбка

спи и Ты
среди вселенской немоты
у пространства на краю
баю баюшки
баю

8 января

Иосиф не бойся не бойся

суха иудейская осень
дождлива зима
рубанок под ливнем и гвозди
да шум из окна

Иосиф не бойся Иосиф

приходят какие-то гости
толпится народ
а надо в Египет — и грозди
и грозди забот

а рядом как солнце — Мария
как зимнее солнце — Мария
и всё отпускает внутри
и ещё — Иисус

и в небе — внезапная просинь
и голос: не бойся Иосиф!

да я не боюсь...
не боюсь...

22 января

свеча поставлена под
кувшин: не видно свечи
правде залеплен рот
кричи — ни кричи
в Кремле кривда-матка живёт
на башнях поют сычи
кычет сова-
Москва

гарь да туман
слёзный
царь Иоанн
Грозный

солнце встаёт в крови
тучи в реке плывут
с кровель дождём стучит

владыко, благослови!
митрополит молчит

митрополит Филипп
царя не благословит
митрополит Филипп
обличит царя

говоря:

мы здесь приносим жертвы Богу
а за олтарём льётся невинная кровь
отколе сияет на небе солнце
не видано
не слыхано
чтобы цари благочестивые
возмущали собственную державу
столь ужасно!

трепещет свеча под
сосудом: сычи поют
митрополита ждёт
тёмный соборный суд
ризы сорвут
на дровнях Москвой провезут
ругающиеся
и мётлами биюще

сошлют в Тверь
во Отрочь монастырь

вспомнит Филиппа царь
зверя-Малюту шлёт
пусть мол благословит
на Новгород мой поход

образумился поди
на хлебе и воде!

опальный митрополит
царя не благословит
опальный митрополит
обличит царя

говоря:

делай что хочешь
но дара Божьего
не получают обманом!

свеча гаснет под
спудом: предсмертный хрип
опричник ладонь оботрёт
задушен Филипп

но новый встаёт восход
над телом святым
кровавый туман сойдёт
растает дым
правда в Кремль войдёт
прогонят с башен сычей
жизнь потечёт легчей

27 января

зима в Иверии
дождь в горах

страна в неверии
ложь и страх

с крестом из лозы виноградной
под серым дождём
жена красы ненаглядной
идёт

что это за река, пастухи?
это наша Кура
а далеко ли до Мцхеты?
очень, сестра, далеко

долго шла вниз по течению
и вошла во Мцхету
проповедовала учение
и вела ко Христу

освободилась Мцхета
от идольской тьмы
исполнилась света
солнце взошло

зима в России
голод и кровь

в блокаде стынет
град Петров

с крестом из лозы виноградной
по минным полям
жена красы ненаглядной
идёт

что это за река, солдатки?
это наша Нева
а далеко ли до Питера?
близко, гражданочка, да не пройти

в это время во Мцхете
молился один монах
равноапостольной Нине
об осажденном граде Петра

и святая вошла в город
полный смерти и неверия
и кропила хрустальными слезами
крестила виноградным крестом

освободился Питер
двадцать седьмого января
в день равноапостольной Нины
солнце взошло

радуйся просветительнице иверская
радуйся заступнице питерская
цевнице Духа Святого
моли Христа Бога
о нас

Андрей Волос

Правдивые сказки

Девушка из Поронайска

Пагубные последствия необузданного воображения.

Антоний Погорельский

Солнышко припекало.

Никифоров свернул во двор, чтобы срезать к проспекту, и, наконец-то оказавшись в тени, обратил внимание на малозаметный прямоугольник у приоткрытой двери полуподвала.

Фанерка была чуть больше крышки от посылочного ящика. Однако, судя по тому, что неровные буквы на ней, намалёванные белилами или, возможно, зубной пастой, складывались в надпись «КАФЕ ЧАЙКА», её следовало считать вывеской.

Из помещения тянуло дымом, слышались нерегулярные взбрыкивания плоского музона.

Он представил себе пол-литровую бутылку воды, к которой присосётся, как только свинтит крышечку, и стал спускаться по щербатым ступеням.

Неяркая лампа освещала барную стойку и куцей ряд бутылок сверху. Из полутьмы проступала белизна фартука на груди бармена.

Большая часть помещения, прежде служившего, скорее всего, кочегаркой или бомбоубежищем, пряталась в полумраке.

— Можно воды? — просительно сказал Никифоров. — Без газа.

На стойке появилась бутылка «Святого источника».

Он поставил портфель на высокий стул, освобождая правую руку.

В этот момент за ближайшим столиком что-то взметнулось.

Никифоров повернул голову.

Девушка вскакивала, её стул кренился, сидевший рядом взмахивал рукой.

Волос Андрей Германович — прозаик. Родился в 1955 году в г. Душанбе (Таджикская ССР). Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И.М.Губкина. Лауреат международной литературной премии «Москва — Пенне» (1998), Государственной премии Российской Федерации за роман «Хуррамабад» (2000), лауреат премий «Русский Букер» и «Студенческий Букер» (2013) за роман «Возвращение в Панджруд» и др. Дважды лауреат премии журнала «Дружба народов».

Предыдущая публикация в «ДН» — роман «Персей» (2024, № 7).

Никифоров не понял, схватить он её хотел или ударить, только заметил, что голова выкрашена малиновым. В сочетании с жирным белым лицом это производило впечатление зловещей клоунады.

Девушка крикнула и рванулась.

Малиновоглавец тянулся за ней. Невольно приподнимаясь, он ложился пузом на стол, валя бутылки и стаканы.

Никифоров не то ахнул, не то икнул. Возможно, его невнятное междометие должно было напомнить присутствующим, что он тут тоже есть.

Зачем нужно было об этом напоминать, он не знал. Может быть, наоборот, не стоило привлекать внимания. Но думать об этом всё равно было поздно.

Малиновоглавец воспринял смятённое восклицание Никифорова как проявление неожиданной агрессии — и с рыком бросился в его сторону.

Это был мощный бросок, так может кинуться на непрощенного гостя цепной пёс. С тем лишь отличием, что цепного пса останавливает цепь, а на этом цепи не было.

Первая фаза броска привела к тому, что вдобавок к бутылкам, частью уже достигшим бетонного пола, частью ещё летящим, чтобы брызнуть новыми осколками, начал валиться и сам стол.

На второй фазе Никифоров лёгким нырком ушёл от размашистого крюка нападавшего и автоматически сделал то, чему учили на ринге.

Яркоголовый стал медленно рушиться поверх стола, наискось растопырившего ноги.

Девушка схватила Никифорова за руку и потянула к дверям:

— Бежим, бежим, бежим!..

Её лицо было искажено сложной некрасивой гримасой страха и страстного желания избавления от опасности. Первым же взглядом он схватил и бледность, и распахнутые к нему серые глаза, полные ужасными ожиданиями и надеждой, — и этот взгляд лишил его способности к сопротивлению.

* * *

Метров через двадцать Никифоров опомнился.

— Подожди! — сказал он, высвобождаясь. — Что за ерунда?! Куда бежим? Я портфель забыл! Кто этот мужик?

— Какой портфель?! Тебя убьют!

Судя по срывающемуся голосу, она и впрямь была в этом уверена.

— Да ладно, — сказал он. — Прямо уж убьют. У меня там вся документация. Вот за неё меня точно завтра убьют. Подождёшь?

Он заново спустился к двери. Он не чувствовал себя виноватым и не боялся продолжений. Нужно было просто прояснить ситуацию.

Остановился в проёме, присматриваясь.

Бармен помогал малиновому вернуть на место стол.

— Слышь, мужик, — по-доброму сказал Никифоров. — Ты это. Ты извини, если что. Ты ведь сам на меня кинулся.

Стол проскрежетал ногами по бетону.

Малиновый утвердил рядом стул и плюхнулся на него, недовольно отдуваясь.

Бармен пошёл прочь, отрясая руки и крича куда-то в глубину неожиданно тонким для его комплекции голосом:

— Зина! Подмети тут! Серый опять всё поколотил к Елене Марковне! Шагу не ступить!..

Малиновый фыркнул.

— Кинулся!.. — презрительно повторил он. — Ты ещё не знаешь ни хера, как я могу кинуться. Если бы я всерьёз кинулся, мокрого места бы не осталось... Пиво будешь?

— Нет, — ответил Никифоров, беря портфель. — Пива не буду. Тогда без обид. Отдыхайте, мужики.

— Слышь, ты там с ней осторожнее, — с неясной озабоченностью сказал малиновоглавец. — За подляну не прими, но я предупредил. Какая-то она мутная. Больно уж шифруется.

— Базара нет, — уверил Никифоров. — Как с бомбой буду. Типа сапёр ошибается только раз.

Жирно-малиновый захохотал, отмахиваясь.

Отступая в солнечный проём, Никифоров уже представлял, как сейчас окунётся в её взгляд. И заранее шурился, словно это должно было оказаться ярче солнца.

Он поднимался по ступеням, готовый издалека помахать злосчастным портфелем — видишь, мол, всё в порядке, а ты боялась.

Но не тут-то было.

Слева у подъезда три женщины на лавочке, одинаково наклонив седые головы, пытливо наблюдали, как он топчется на пересечении дорожек.

* * *

Когда он вышел в переулок, асфальт под ногами затрепетал, заколебался. Ясное небо мазалось облачками.

А бутылка где? Крышечку не успел свинтить... Глупость какая.

Она тоже исчезла.

Разочарование было пустячное — неосознанное, детское. Показали конфету в красивой обёртке. А развернуть не дали. У-тю-тю.

Зато облегчение — взрослое: чувство человека, который ещё не поставил за правило при виде знакомого переходить на другую сторону улицы, но уже понял, что неплохо бы таковым обзавестись.

Вот именно, вот именно...

Он подумал о ней с неприязнью.

А то он таких не видывал... Что она в этом подвале-то делала?.. Как её туда занесло?.. Сразу не пришло в голову, теперь подозрения густо клубились.

Жирный этот с малиновой головой... что за человек? Типа панка, что ли. Что она с ним? Чего он от неё хотел?.. Ладно, ему какое дело... Что в ней такого?.. Верно этот малиновый сказал: какая-то мутная.

В это самое мгновение сущее снова потемнело, дрогнуло, шатнулось под гнётом нового облака, и он услышал:

— Эй!

* * *

Никифоров скосил глаза на оклик: схватил вспышку магазинных дверей... снова промахнулся... чью-то спину, разлив солнца на проезжей...

Поймал.

Ну — девушка и девушка. Ничего особенного. Накрашена не сильно — так, мазнуто кое-где наспех. На сиреновой футболке чёрным наискось: FREEDOM.

Года двадцать три. Или сколько там.

Стоит на подростковый манер — подошва кроссовки на согнутой в колене ноге упёрта в стенку киоска.

В другой раз не обратил бы внимания. Да просто бы не заметил.

— Ну и куда ты делась? — спросил он, хмурясь, чтобы не показать радости. — Вышел — нету. Туда, сюда...

— Да я там это, — сказала она, опуская ногу и глядя чуть исподлобья. — Ладно, проехали. Отдали портфель-то? Ну да, вижу...

Никифоров усмехнулся.

— Куришь?

— Бросила, — вздохнула она, равнодушно глядя, как он разминает сигарету.

— Правильно, — одобрил Никифоров. — Вред один. Я вот тоже всё хочу. — Он сморщился, затягиваясь, потом спросил, мешая слова с дымом: — А ты чего туда?

Она как будто не поняла:

— Куда?

— Да в бар этот... барчик. То ещё местечко, нет?

— Я по объявлению... А там этот крашеный. Дела не говорит. Ну, я и это...

Словно сообщив нечто вразумительное, она разъясняяще покивала.

— По какому объявлению?

— Комнату сдают. Но...

— Не сдают, что ли? — поторопил Никифоров.

— Да они там ваще! — Она махнула рукой и вместо продолжения сказала недовольно: — Если что, меня Риной зовут.

— Риной? Очень приятно, Рина. А я Сергей. Как говорится, будем знакомы... И что?

— Что?

— Что комната?

— Да что комната, — Рина снова пожала плечами. — Говорю же: не сдают они комнату.

— А что ты в бар-то? — поинтересовался он. — В бар обычно за выпивкой. Или там ещё чего. А за комнатой — это лучше в агентство.

— Ага, как умно! А то я не соображаю...

— А что тогда?

— Не могу я в агентство.

— Почему?

— Всё тебе расскажи.

— Понятно. — Никифоров хмуро загасил окурок о верхушку урны и бросил во тьму. — Ладно тогда. Бывай.

— Да подожди! — возмутилась Рина. — Что — «бывай»? Что ты обижаешься, честное слово!.. Я правда не могу. Я могу сказать, конечно, да что толку! Ну, скажу я, и что? — Она взглянула исподлобья. — У меня паспорта нет.

— Интересное кино... А зачем комната? Что, сами-то мы вообще-то не местные?

Она улыбнулась, и Никифоров пожалел, что пошутил: улыбка оказалась нехорошей. Скованная улыбка. Довольно жалкая.

— Ну...

— И куда он делся? — ушёл он в другую сторону. — Паспорт-то?

Она вздохнула.

— Паспорт? Да он это, ну... Долгая история.

— Заявление хоть написала?

Она помотала головой.

— Почему?

Рина задумалась.

Никифоров смотрел на неё с затаённым любопытством.

Задумалась, да. То есть можно подумать, что именно задумалась. Что не просто тупо молчит, не тянет волюнку, а тратит время на здоровое размышление.

Это в ней симпатично. Краткие раздумья позволяют предположить, что Рина не бросает слов на ветер. Ей не всё равно, что ляпнуть. Иной-то как: лепит первое что в голову приходит, и хоть трава не расти...

— Знаешь, давай об этом лучше не будем, — твёрдо сказала Рина. — Тебе проблемы зачем? Паспорт — это же проблема. Ты даже проверить не можешь. Может, меня даже и зовут не так. На самом деле, может, Катериной. Или вовсе Аделаидой. Верно?

Она смотрела с усмешкой.

— Верно, — согласился Никифоров. — Но можно пробить по ЦАБу. Время небольшое. По теперешним временам — просто мгновение.

Слегка хмурясь, Рина посмотрела в сторону. Потом согласилась:

— Да, по ЦАБу можно. А ты что, мент?

— Нет, — признался он. — Я не мент.

— Это ничего, — ободрила она. — Даже если не мент, всё равно можно. Просто небольшая взятка. Есть кому сунуть? Лучше чтоб в погонах.

— Вообще-то есть, — ответно обнадежил Никифоров. — Но за взятку я не согласен. Не так уж мне интересно, чтобы взятки давать. Я тебе просто поверю. Рина так Рина. Обычно-то Ирина... а тут на тебе — Рина. Странноватое имечко, но что делать.

— Ну и зря, — сказала она, картинно печалась о его доверчивости. — Но дело твоё. Тут я бессильна. А имя вообще-то японское.

— Ага. Задалбонское.

— Как скажешь, — сухо оборвала она.

Они помолчали.

— Ладно... И что, совсем некуда деваться?

— На вокзал можно.

— На вокзал? На вокзале-то не очень...

Рина пожала плечами.

— Ну, не знаю, — сказал Никифоров. — А, хочешь, можешь у меня переночевать.

— Ага, — усмехнулась она. — Спасибо. Сейчас, только вот разбежусь. Мало мне того жирного с красной головой.

Никифоров дёрнулся от негодования.

— Что ты дрянь-то такую говоришь?!

— Какую дрянь?!

— Да такую!

— Не так, что ли? Как будто я не знаю, чего вам всем надо!

— Да иди ты знаешь куда, — холодно сказал Никифоров.

Он повернулся и быстро пошёл прочь. Автобуса можно было не ждать, пешком две остановки.

— Серёжа! Ну, Серёжа же! — Нагнав, Рина схватила его за рукав. — Да не сердись, ну что ты! Ладно тебе. Ты далеко живёшь?

* * *

— Вообще-то у нас совсем маленький город... даже не знаю, сколько сейчас, тысяч пятнадцать, кажется. Раньше были два больших завода — целлюлозно-бумажный, он ещё до сорок пятого года был построен, и цементный. Бумажный жидкие отходы сливал в реку Чёрную, приток Пороная, это сказалось на экосистеме всей поймы. Твёрдые отходы и шлак угольной электростанции ссыпались в многочисленные терриконы к северу от города. Короче, оба их потом закрыли и ликвидировали, я ещё маленькая была.

Рассказывая, Рина то и дело переворачивала чайную ложку справа от чашки. Лёгкое нажатие двух пальцев: кувырк-кувырк... кувырк-кувырк.

Со вздохом оставила в покое, отпила глоток чаю.

— Что ещё?.. Ну, ведущую роль в экономике района играют топливно-энергетическая и рыбная отрасли. Топливо-энергетический комплекс представлен предприятиями областного значения. Сахалинская ГРЭС обеспечивает электроэнергией большинство районов острова. Угледобывающее предприятие о-о-о «Сахалинуголь-семь». Интересно?

— Захватываяще, — кивнул Никифоров. — Прямо заслушался.

Рина польщённо хмыкнула, взяла ложечку и стала чертить по скатерти черенком, словно подчёркивая фразы.

— В городе действует зверсовхоз «Поронайский». Раньше там выращивали норку и песка. Совхоз был награждён орденом «Знак Почёта», являлся неоднократным дипломантом вэ-дэ-эн-ха эс-эс-эс-эр. На территории Поронайского округа действует ещё более тридцати предприятий. Относительно крупные: о-о-о «Муссон», о-о-о «Берег», о-о-о «Залив» и эр-ка «Невское».

— Господи! — не выдержал Никифоров. — Как ты всё помнишь? А что такое «эр-ка»?

Владимир Салимон

В щёлку между занавесок

* * *

Как ни один метеоролог,
всё знает Пушкин наперёд —
мороз и солнце.
День недолог.
Но человек своё возьмёт.

И он, раздвинувши границы
пространственных и временных
пределов, встав на лыжи, мчится
вдаль впереди всех остальных.

Он семимильными шагами,
как будто что-то навестать
спешит,
как будто хочет камень
на холм высокий затолкать.

Огромный, страшный, неуклюжий
карабкается по холму,
по лесу скованному стужей
он пробирается в дыму.

Издалека клубами дыма
нам сосны кажутся, они
стремятся ввысь неудержимо,
туда, где звёзд зажглись огни.

Салимон Владимир Иванович — поэт. Родился в 1952 году в Москве. Главный редактор журнала «Золотой век» (1991—2001), заместитель главного редактора журнала «Вестник Европы XXI век» (2001—2011). Автор многих книг стихов. Лауреат Европейской поэтической премии Римской академии (1995), Новой Пушкинской премии (2012), премии «Венец» (2017) и др. Постоянный автор «Дружбы народов». Живёт в Москве.

* * *

Как в синем небе голуби,
раздетых догола
людей в крещенской проруби
полощутся тела.

Барахтаются, плещутся:
старик, совсем юнец,
купчиха, иль помещица,
и бравый молодец.

Смеясь, играет мышцами
он, выйдя из воды,
сверкает ягодицами,
что круглы и тверды.

Тут — все свои, все — местные.
Поля. Луга. Леса.
А ангелы небесные —
зажмурили глаза.

* * *

Лыжни две узкие полоски
на ярком солнце зимним днём,
как свежеструганные доски,
горят незримым нам огнём.

Идём, как по мосткам скрипучим,
чьей-то заботливой рукой
проложенным на всякий случай
по краю рощицы нагой.

Поскольку так или иначе —
и в мирной жизни, и в бою,
и те, кто слепы, и кто зрячи,
мы все у бездны на краю.

Толпимся, мнёмся, принимая
за явь оптический обман,
что широка страна родная.
За полный всклень — пустой стакан.

* * *

В щёлку между занавесок,
между шторами в проём
вижу крошечный отрезок
жизни я одним глазком.

Жизни той, что существует
независимо от нас,
где снег сыплет, ветер дует,
бьют часы двенадцать раз.

Как из гроба император,
встав с постели в час ночной,
дворник наш, гремя лопатой,
в сад выходит под луной.

И в её неверном свете
этот дюжий молодец,
хоть и смугл, как юга дети,
крайне бледен, как мертвец.

Но лицо его спокойно.
И рука его тверда.
Разве только непристойно
он бранится иногда.

* * *

Жизнь продолженья требует,
как публика — кина,
коль так — оно последует,
хоть велика цена.

Но траты все окупятся,
поскольку всё равно
забавное получится,
весёлое кино.

Поскольку, чем мучительней
жизнь наша, тем смешней
киношка, уморительней,
забавней, веселей.

Подчас я с отвращением
смотрю на жизнь свою,
с укором и презрением.
С трудом её терплю.

Держусь, чтоб не подумали
невесть чего друзья
те, что ещё не умерли.
И ты, любовь моя!

* * *

Устройство глаза и не только
не позволяет заглянуть
мне в день грядущий, как ни горько,
чтоб свой земной продолжить путь.

Не дальше собственного носа
я вижу:
лишь пустынный двор —
глаза поэту застит проза —
сарай, некрашенный забор.

Но будущее существует,
о чём, всё зная наперёд,
вдали кукушечка кукует,
что нашей жизни счёт ведёт.

Сидит на ветке пташка божья,
пичужка скромная вполне
ненастным днём средь бездорожья,
еловой рощи в глубине.

И, что Господь ей вложит в уши,
на связь прямую выйдя с ним,
на всю одну шестую суши
вещает голосом грудным.

* * *

Прислушиваюсь поневоле
к тому, что мальчик за стеной,
день из дня готовясь к школе,
читает вслух учебник свой.

Мне нравится, когда под вечер
звучит моя родная речь
в устах мальчишки,
этой речи
красотами не пренебречь.

Он всё твердит, не умолкая,
о том, что ласточка к нам в дом
воротится,
в начале мая
в весеннем небе грянет гром.

Ему с трудом громокипящий
даётся слово, нелегко.
Но, словно леденец хрустящий,
он пробует разгрызть его.

* * *

Свои стихи читали гении
на фоне тёмного окна,
и простиралась в запустении
у них за спинами страна.

Морозной дымкою сокрытая,
она проглядывала вдруг:
равнина, реками изрытая,
и чёрный лес, и белый луг.

Там что-то чёрное белеется.
Там белое — черным-черно.
Там в будущее слабо верится,
а прошлое — прошло давно.

Базар-вокзал утих, на улицы
ложился снег,
луна была,
как глаз пустоголовой курицы,
что страшной смертью умерла.

Стихи стихами, проза прозою —
подумаешь и загрустишь,
Аи в бокале с чёрной розою
когда себе вообразишь.

* * *

Словно ниточка иголку,
отыскав январским днём
в городской застройке щёлку,
солнце вспыхнуло огнём.

И мгновенно осветилась
ярко комната моя,
как к слепому, возвратилось
зренье, что утратил я.

Скучно, бедно, то, что было
нажито за много лет,
всё измылилось, как мыло:
книжный шкаф, диван, буфет.

Но и той толике малой
бесконечно был я рад.
Мебелишке обветшалай.
Солнцу в небе. Окнам в сад.

* * *

Под лестницей, где батарея,
как чайка сломанным крылом
бьёт, никого давно не грея,
на самом деле — кошкин дом.

Но те, кто сказки обожают
читать и в прозе, и в стихах,
об этом ничего не знают,
так как витают в облаках.

Реальности не замечая,
вслед за кошатницей они,
по шаткой лестнице ступая,
крадутся втайне от родни.

Тихонько, как за синей птицей,
чтоб ненароком не спугнуть
мгновенья счастья,
вереницей
в неведомое держат путь.

Дмитрий Исакжанов

Два рассказа

Автоматон отца Кондратия

1

Улицей и переулками, над домами, над клёнами и вязами, одолевавшими всё и числом, и умением, дрожал, спешил, семенил и рассыпался колокольный звон. Видно было, как во втором этаже сухопарой башенки, с краю, некто перед высокой деревянной рамой, как перед ткацким станком, сучил руками и даже, кажется, ногами, так, что звуки — тонкие и высокие, короткие и длинные, низкие, отрывистые, протяжные, глуховатые, гулкие — сплетаясь в пёстрый узор, заполонив всё пространство, поднимались как будто уже и в самые небеса, достигая всех девяти чинов ангельских, и даже, может быть, выше. Отец Кондратий остановился, с удовольствием прислушался. Слава Богу, всё сложилось так, как и желать было нельзя, и душа его теперь успокоилась: механическое устройство, установленное вместо окончательно спившегося звонаря Алёши Треплина, радовало слух и даже вблизи было неотличимо от живого человека. Отец Кондратий перекрестился и который раз помянул добрым словом щедрого дарителя, фабриканта Савву Никитича Пузатого, чьим старанием и был приобретён дивный сей механизм в самой Швейцарии за десять тысяч швейцарских золотых франков. «Не хуже торрианиева монаха, прости Господи, — повторил он. И добавил, вознесясь: А может, даже и получше...» (Отец Кондратий, в миру Серафим Пахерин, был человеком просвещённым, окончил, прежде семинарии, Казанский Политехнический и в механике, электричестве, месмеризме и вопросах космогонии разбирался поболее любого образованного человека Российской империи начала двадцатого века. Семнадцать годовых комплектов «Учёных записок московского университета», по всем пяти отделам, в скромном его жилище вытесняли не только тараканов, но даже и самый воздух, отчего дышалось всякому там несколько стеснённо, конечно, но всё же затруднение

Исакжанов Дмитрий Константинович — прозаик, поэт. Родился в Омске в 1970 году. Образование высшее юридическое. Печатался в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность». Лауреат премии журнала «Дружба народов». Живёт в Подольске. Постоянный автор «ДН».

некоторое ощущалось, может быть, и по иной причине, а именно — от восторга, охватывающего при виде несомненных примет просвещённого человека.) Всё было славно. Солнышко светило, теплынь стояла такая, словно было лето в начале своём, а не осень; на Воздвижение обещал пожаловать сам даритель, полюбоваться, так сказать, на косвенное дело рук своих, а там, глядишь, и на ремонт храма жертвование от него подоспеет, и регент хор обещал расширить, а может, и до антифона с Божьей помощью доберутся в следующем году — святой отец любил музыку, — нет, право же, всё было как нельзя лучше. Только, среди прихожан поползли глупые слухи о том, что у батюшки теперь в колокола звонит чёрт, но батюшка на них особенного внимания не обращал. «Не исключено, — полагал он, — что сам Алёшка эти слухи и распускает...» Первое время появились, конечно, опасения, что смущённые прихожане отвернутся от прихода, но, к счастью, этого не случилось. Наоборот, привлечённые небылицей, любопытные горожане даже умножились в числе своём и валили на служения толпами и много загодя, дабы — хотя автомат из дворовой ограды, снизу, и не был виден — самым слухом и разумением своим приблизиться к диковине. И церковная касса, пусть и медными деньгами — люд в округе жил в основном неизысканный — наполнилась паче меры.

По мере приближения праздника просвещенный пастырь пересчитывал суммы и прикидывал, чем сможет ещё украсить вверенное ему место на радость руководству и прихожанам.

Время шло, службы исправно отправлялись, колокольный звон плыл над городом, а щедрый меценат слал из Парижа депеши, подтверждающие намеренье прибыть с пятого на десятое в родной город и посетить питомца.

2

Однажды, серым промозглым утром, отец Кондратий поднялся на колокольню, дабы проверить, всё ли в порядке с инструментом — погоды всё-таки в наших местах не чета европейским, — и не поверил своим глазам: звонарский помост был пуст. Пуст! Место механического труженика прямо-таки зияло наличием отсутствия. Благочинный судорожно сглотнул. Перекрестился и зачем-то потрогал столбик. Снял скуфью, но ветер не охладил разгорячившегося лба, а лишь застудил виски. «Алёшка! Алёшка, ссс...семя Антихристово, Иродово племя, пропил!» — мелькнула догадка. Ледяная капля, сорвавшаяся с балки, упала на темя и жгла, жгла, проникая как будто всё глубже, в самую душу. «Пропил, пропиинииил!.. Что же теперь... Надо, пока ещё не поздно, может быть...» Стуча сапогами, жертва злодеяния протискивалась сузившейся меж колен каменной глоткой к земле, спеша застать вора во тверёзых глазах, дабы показал он, кому продал машину. (Вчера через город, кстати, проходил цыганский табор.) «Я его... Нет, пускай... Я настоятелю, пусть настоятель, сам. Сейчас главное, чтоб показал, главное, не напился чтоб...»

Алексей был трезв и клялся, что машину не трогал.

3

Собственные розыскные меры — хотя какие там меры, по совести говоря! — так же ничего не дали. Цыгане, как подтвердили многие, прошли через город не останавливаясь, отчего пропали в нём лишь три курицы и одна полоумная девка семнадцати лет, две же тёмные личности из кухтеринских номеров, подозреваемые в фальшивомонетничестве, по заверениям полового, последние три дня не казали на свет божий носу, маясь попеременно то зубной болью, то похмельем. Свидетель небывалого происшествия попробовал разузнать что-либо среди собственной паствы, но осторожные расспросы лишь напугали старушек-прихожанок и заставили их с опаской смотреть друг на друга.

Ни пьяной похвальбы удачно провёрнутым дельцем, ни внезапно разбогатевшего обывателя или ничем необъяснимого отъезда какого-либо мещанина из родного гнезда, ни даже странных находок на улице вроде, скажем, какой-нибудь заковыристой пружинки, или медного болтика, или тряпицы — ни-че-го! Городок жил обыденной, чуть сонной своей жизнью. Укрывался подоспевшими в срок снегами, дымил трубами. В беспокойстве был лишь отец Кондратий. Да что там «в беспокойстве», он был в панике! Приближался праздник Рождества, необходимого по такому случаю колокольного звона было не избежать и ссылка на техническое обслуживание сложного иностранного механизма, как это длилось уже второй месяц, не годилась: в самом деле, сколько же можно его обслуживать? Кроме того, даритель! О, святые отцы-угодники, даритель, меценат и благодетель Савва Никитич, словно охолонув от европейских своих развлечений, слал депешу за депешей, в которых интересовался, как поживает его механический музыкант, и неизменно грозился прибыть в аккурат к празднику.

Мысли, как избежать позора и скандала перед паствой и дарителем, одолевали бедного пастыря и были одна безумней другой, и все — равно невыполнимы. Закрыть храм на ремонт под предлогом всеобщего обрушения? Сказаться больным и уехать на воды? Просто бежать или измыслить причину, прямо запрещающую употребление музыки, инсценировать стихийное бедствие, порушившее автоматон в клочки, притвориться сумасшедшим и невинным в своей болести, во всеуслышанье объявить о чуде исчезновения, свалить казус на параллельные миры? Всё не годилось, ибо предлагало меры паллиативные либо просто невероятные, а прихожан, опытных в делах веры и житейских перипетиях, не проведёшь. Простая и суровая реальность раскачивалась перед носом отца Кондратия бритвой Оккама, отсекая всё лишнее, нелепое, надуманное, грозя отсечь и его собственную голову. В фигуральном, конечно, смысле.

Тем временем поползли слухи, что в приходе у батюшки не всё гладко. Благодичный вяло отвечал на каверзные вопросы богомольцев и всё больше рассуждал в себе о неказистой собственной жизни: дочь, выйдя замуж о позапрошлом годе, уехала в соседнюю губернию и не пишет, как сгинула; бывшая же супруга, напротив, несмотря на то, что ушла жить к торговцу тканями, продолжает через суд донимать претензиями по материальным вопросам и, через сплетни, — по поводу своей неудавшейся жизни; Алёша всё так же пьёт и, несмотря на замену его, не вполне гласную кстати, вовсе отстранён от дел быть

пока не может; регент стал что-то чрез меру нахваливать хор в соседнем уезде... А ведь когда-то Серафим Пахерин хотел стать художником!

Его влекло к себе очевидное совершенство форм всего сущего, даже самая мелочь, с самого детства, да, совершенство форм, а также нечто этих форм, пребывающее вне, но такое же несомненное и значительное во всякой жизни, может быть, даже самое значительное, и он удивлялся, как папенька и маменька не видят всего того, что так ясно видится ему. «Отчего мне дано так хорошо видеть то, чего не видят они?» — спрашивал он себя. Когда приходил к отцу на службу, то, слушая голоса, возносящиеся под своды, смотрел на запертые алтарные врата и размышлял о том, что сокрыто за ними: превосходящем всякое разумение, невидимом, и всё же неявно и всегда сообщаемом со всем остальным миром и, значит, с ним тоже, и чувство этого тайного единения будто поднимало его на тёплых волнах, отдающих ладаном и солёным свечным воском, и несло куда-то, несло...

4

А слухи катились уже один нелепее другого. Одни говорили, что Рождества в этом году не будет, потому что из Эфиопии к нам летит Апокалиптическая Комета, покамест из-за кривизны Земли ненаблюдаемая, но чьё продвижение по небу регистрируют все мировые новостные агентства и передают секретными донесениями в Петербург; кто-то якобы видел отца Кондратия в своём доме пляшущим без музыки в одном исподнем; кто-то — замечал странного господина в пышечной, что в Среднеконюшенном переулке. Немногословный, тот каждый вечер приходил к чёрному ходу и за пятак покупал у кухонного рабочего Заура-Оглы-Мамай-Богдыхан Мачульского ведро масла, в котором, умножаясь в объёме и не прибавляя в весе, варилось весь день специальное аэронавическое тесто, чтобы превратиться в знаменитые на всю округу пышки. Покупал, переливал в штоф, с коим, обойдя заведение, с парадного уже входил в зал и сидел там до закрытия, издавая по мере употребления покупки звуки всё более возвышенные и мелодичные.

К батюшке же, далеко уже за Покров, пришёл однажды прохиндеистого вида мужичонка, кривой на один глаз и с какими-то гнусного колеру перьями на голове — там, где у порядочных мужей к сорока годам образуется плешь, — и, не то похабно помаргивая, не то благодарственно кося, предложил обобранному судьбой ветряную музыку вместо молчания на воздушных полотах, на что страдалец сдуру согласился и даже получил обещанное, вот только система тяг и шаров по собственному произволу выдавала вместо, например, трезвона к Литургии то «Амурские волны», то «Боже царя храни» — произведения, бесспорно, значительные, но всё же непристойные месту, устремлённому к Небесам, и возликовавший было горемыка велел убрать всю эту музыку и договорился со звонарём соседнего прихода, чтобы тот днём позже звонил у него все полагающиеся по уставу. Мастеру же в оплате отказал, сославшись на неприемлемость результата. И всё более грустил он, и всё более усиливался постигнуть разумом причины такого прискорбного нестроения своей судьбы, и не мог, будто всё те же алтарные врата возвышались перед ним.

5

Он тайно ходил на Среднеконюшенный. Поскольку собственных денег не хватало, приходилось, ради благого дела, брать временно из кассы. Полушубок, от мелочи тяжёлый, как царь-колокол, тянул к земле. И раз, и другой, и третий взяв три бублика и сырники с чаем, он, укрывшись за выступом, наблюдал за таинственным господином — тот и вправду приходил каждый вечер, — не решаясь ни подойти к нему, ни хотя бы окликнуть. Наблюдал, запоздало раскаиваясь в том, что прежде слишком мало приглядывался к механизму для того, чтобы узнать его сейчас в лицо или хотя бы по одежде (впрочем, одежду тот мог уже и сменить), что глаза, испорченные чтением, отказывались видеть даже то, что есть, а очков, растоптанных по оплошности самим же ещё в прошлый год, отдать в починку так и не удосужился — наблюдал в общих чертах, сидя до закрытия, а после пешком шёл к себе в Амвросиевский и, не снимая ни сапог, ни прочего, валился на кровать. Валился, чтобы утром, отправляя службу, в сотый, в тысячный раз задаваться вопросом, почему так всё случилось, и в поисках ответа подходя к чему-то общему, лежащему, может быть, в основе всех несчастий и бед, сваливающихся на людские головы, и в робости отшатываясь обратно, к частному, к своему, и не находя в том ничего, за что мог бы быть наказан таким оригинальным способом. От усердных поисков ему становилось грустно и до невозможности жаль себя, он взял привычку, предаваясь невесёлым своим размышлениям, выпивать рюмку-другую лафита.

Тем временем выпало в нелёгкой доле отца Кондратия большое поущение: как раз за неделю до возвращения в родные палестины Савва Никитич помер от апоплексического удара прямо за игорным столом, благодаря чему обошлись на Рождество без греха и позора, но малым запоздалым звоном одолженного причетника. Однако, несмотря на такое событие, душа батюшки продолжала томиться и даже, кажется, давление неких обстоятельств усилилось на неё, отчего батюшка, подобно порицаемым Писанием гадалеям, вздумал обратиться к толкованию снов, дабы понять, не было ли ему накануне пропажи какого знака, и по всему выходило, что знак был. То голая Олимпиада Петровна, бывшая супруга его, похабно крутя пышным, как купеческая подушка, задом, казалась ему дулю, то мальцом он брал гуська, а игрушка в руках таяла, словно ледяная, и от таких прозрений невольные слёзы текли по лицу, отдавая воспоминания.

Отошед от себя, он снова обратился к общему и, судя по всему, возвращаться обратно уже не собирался, ибо там, среди людских скорбей, нашёл и свою собственную скорбь, и стал служить ей как всеобщей, и сокрушаться над нею как над всеобщей, единственно в согласии с тем находя себе облегчение. Одного он только не мог понять: если явлены были ему знамения, то зачем они были явлены, раз неизменно всё? «И ещё, — думал он, — следует ли считать случившееся чудом? И приобщился я к оному вследствие того самого тайного избранничества, которое чувствовал в себе с детства, или же в силу одного лишь

случая? И где начинается, и где заканчивается чудесное, отделено ли оно от людей невидимой стеною или имеет в миру некий истончающийся след?» В предначертанности мнилось отцу Кондратию что-то бесовское и механическое и, чтобы подавить ужас, возникающий в себе, а так же за недостатком денег уже и в церковной кассе, он перешёл с лафита на самогон, который гнала горбатая баба, жившая через улицу.

...А то вспоминалось вдруг, как матушка его, известная сновидица, всё допытывалась различными деликатными способами да околично у сына, как раз когда жена его завела амуры с купцом, всё ли у него в порядке, а он, пребывая в другом городе на курсах музыкальной науки и ни о чём не подозревая, простодушно уверял её, что, конечно, всё в порядке, Липушка дома сидит, хозяйство образцово содержит, и любит её, и велит ей кланяться. И дивился странной такой матушкиной настойчивости...

Когда отца Кондратия лишили сана, он, кажется, этого даже и не заметил, ибо давно сам перестал приходить туда, где сокровенное поманило его когда-то своей невозможной тайной.

6

Снег шёл с утра и до вечера, хлопья летели с небольшим уклоном, наводя на мысль о маятнике Фуко и, кажется, за день лёт их несколько раз менял направление: то справа налево, то слева направо, то опять. Кот, сидя на подоконнике, внимательно следил за движением снежинок. Сосредоточенность отца Кондратия всё тяжелела, доходя до сконцентрированности решающего задачу, чей секрет обещает неисчислимые блага для всего человечества или же грозит окончательным и сокрушительным сумасшествием приблизившемуся к ней, внешне же напоминая усилия человека, старающегося припомнить, что он ел позавчера на обед.

Дальнейшая судьба бедолаги малоизвестна. Одни говорили, что его забрала жить к себе в Тихорецк дальняя родственница, и там он тихо сходил себе с ума, пока не скончался, другие — что видели его в компании с тем странным господином, который дул отработанное масло, а третьи и вовсе уверяли, что поп исчез по весне при невыясненных обстоятельствах, исчез, словно рассеялся, и в рассеянии своём целиком перешёл в те сферы, что прежде доступны были лишь Елисею. Кто знает, может быть и так, может быть и этак — в нашем мире всё возможно. Впрочем, насчёт дружбы со странным господином, это враки — многие, и уже несомненно, видели, как гимназисты летом играли на пустыре головой механического человека, сделанной, как оказалось, из папье-маше и шёлка, да вертели ручку, в профиль точь-в-точь сходную с его левой рукою, впрочем, и это тоже уже маловажно, поскольку очередная революция (которая уж по счёту?) закружила вскоре в бешеном своём огненном колесе всех, и всё забылось.

Инна Волошина

А дальше — Воскресенье

Рассказ

Близился Великий пост, и в этот раз Вера решила собраться с духом и пойти, наконец, в рост, как говорил её духовник, отец Борис. Она и сама чувствовала, что хилое, слабое деревце её религиозной жизни то и дело гнулось к земле, а если и росло, то как-то вкривь и вбок, а хотелось-то — как те сосны с их прямой величавой осанкой, в которой не проглядывало ни капли чванства.

Отец Борис в разговорах с ней сделался строже: дескать, так и останешься между небом и землёй, — уловив её затянувшуюся вялость и какую-то усталость от всего церковного. То, что было некогда таким живым, горячим, поплёкло и еле теплилось в ежедневных молитвенных правилах и редких причастиях, после которых раньше ещё несколько дней ощущался лёгкий след от прикосновения, несоизмеримой ни с чем земным удивительной радости. Теперь она жила в каком-то непрозрачном тумане, потеряв из виду когда-то ясную, светящую только ей путеводную звёздочку.

Рыжебородый, похожий на былинного героя, отец Борис исповедовал её утром, в Прощёное воскресенье, а вечерним звонком предложил: вот, Вера, великопостное послушание для тебя: есть одна женщина семидесяти лет, тяжело больная — после аварии ноги ампутировали, к тому же диабет, с сердцем неполадки. Лежит, прикованная к постели уже почти десять лет. Живёт вдвоём с разведённым сыном. Он только и успевает перед работой по утрам покормить её да вечером, по приходе домой, памперсы поменять и ужин соорудить. А целыми днями она одна, пред телевизором. Разве что соседка-пенсионерка изредка забежит что-то подать да убрать на скорую руку. Зовут болящую Зоя Павловна. Когда сможешь, навещай её во время поста. Как там нам и сказано: «Положи душу за друзей своих», — произнёс отец Борис, явно улыбаясь в трубку. Он всегда как-то по-домашнему цитировал Евангелие, будто вспоминал

Волошина Инна Евгеньевна — журналист, искусствовед. Окончила Кейптаунский государственный университет, факультет истории искусств. Автор искусствоведческого цикла и ряда интервью в журнале «Фома». Печаталась в журналах «Знамя», «Юность». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 3.

премудрости богобоязненного деда, оставленные детям и внукам в наследство. Для посторонних отец Борис слыл «некнижным», но Вера-то знала его истинные дары, припрятанные за этой полуюродливой манерой сельского попа-простеца. Он из тех, от чьего в нужный момент сказанного слова с души сметало любую хмарь. Предложи ей эту болящую кто-нибудь другой, она, скорее всего бы, отказалась. Но отец Борис — это особое дело...

В начале поста, договорившись с сыном Зои Павловны, Вера, слегка волнуясь, подъехала к семнадцатипятиэтажному панельному дому в Текстильщиках, предварительно купив подарки и разной мелочи, всегда необходимой лежащей: лосьоны для протирки, салфетки, футболки, ночнушки. Выбирала хлопковые нежно-голубые или ярко-оранжевые с солнечным настроением. Мыло купила душистое, земляничное, чай в пузатой банке в виде русского самовара, а ещё и всякой всячины к столу, которой каждый день пенсионеры не балуются. Кураги с черносливом прихватила: у лежащих обычно проблемы с пищеварением.

Дом Зои Павловны окружали нестерпимо одинаковые сине-белые многоэтажки, где промеж налеплены «Пятёрочки» и «Перекрёстки». Деревьев почти нет, окна по утрам в весенний сад не распахнёшь. В центре, где жила Вера, тоже не зелено, но она привыкла к обжитому уюту пречистенских переулков. Гуляя с мужем вечерами, заглядывала в окна подновлённых дворянских особняков с их торжественной, неподвластной времени осанкой. Все эти «балконы, львы на воротах» — среда её обитания, с которой всегда чувствовала прямокровную связь. Другой Москвы она толком не знала, — если только короткими заездами по делам, не задерживаясь среди этих меланхолических окраинных улиц, повинующихся прозаической руке застройщика. Хотя есть те, кто и здесь поэзию находит...

Она зашла в подъезд, где жила Зоя Павловна, — сырой, с тяжёлым спёртым запахом — водопроводные трубы прорвало, что ли, — Вера поморщилась. Взглянув на часы, заторопилась — к трём нужно быть на работе. Она вела частную психологическую практику, снимала кабинет в сталинке на Фрунзенской набережной, принимая несколько пациентов в день. Когда десять лет назад они с мужем и дочерью вернулись из Парижа, где муж работал по контракту, она с жадностью погрузилась в свою профессию, создававшей в её жизни правильный баланс, не давая нырять в тягучую дурь ничегонеделанья при богатом муже. Хотя по Парижу всё же скучала. Стройная, изящная, она всегда носила в себе парижанку.

Дверь в квартиру открыл сын, крепкий, черноволосый, похожий на цыгана. По возрасту — за сорок; засуетился от неловкости у порога, извиняясь за ремонт, за тесноту, за затёртые тапочки. Сама Зоя Павловна лежала в комнате на высокой кровати, оборудованной всякими держателями, шнурочками, кнопками — сын позаботился о её удобствах. Это была грузная женщина с коротко стриженными седыми волосами. Она устроилась на приподнятых подушках, в чистой, отглаженной по случаю гостя, футболке. На подоконнике, возле кровати, — мобильный старого образца, Вера удивилась: такие ещё работают? Стопка газет и журналов, чашка с недопитым чаем и колокольчик для вызова сына из соседней комнаты. На потолке грязно-желтоватые разводы

от соседских потопов, пыльная мебель давних советских времён, когда за типовую «стенку» нужно было по ночам в очереди отмечаться. Здесь всё — про попытку, отчаянно барахтаясь, не пойти окончательно ко дну, — мелькнуло у Веры в голове, когда, проходя в ванную мыть руки, она заглянула в комнату сына: тёмную нору, заваленную ящиками с пивом и ворохами тёмного тряпья на кровати, таящую тоску одинокого мужика. А за стенкой мать-страдалица то и дело в колокольчик звонит... На минуту Вере сделалось жутко. Что-то неотъёмное от владельца всегда есть в самом облике дома, в почерке бытовых мелочей, выдающих или хозяйское умение, или бессилие поладить с жизнью.

Сама она любила квартиры старой московской интеллигенции, где больше места, чем хозяева с их нуждами, занимают картины да стеллажи с книгами, располагая к задумчивости и тишине. В живописи ценила малых голландцев за вкус к домовитости, к той самой хвалёной бюргерской основательности. Бывая в Европе в музеях, всегда подолгу задерживалась перед их картинами: давно исчезнувшие комнаты, выписанные светлой охрой молочные кувшины, пёстрые игральные карты, тени на шероховатых стенах, серебряная посуда, детские деревянные башмачки. Среди этих набросков чужой жизни, будничных вещей она с волнением узнавала что-то родное, своё, будто сама поздними сумерками смотрела некогда в это окно в свинцовой раме в полутёмной кухне с видом на освещённую часть улицы и берег канала; открывала по утрам увесистую Библию в затёртом переплёте; ставила на ночь деревянную грелку у подножья кровати и улыбалась солнечным бликам на клетчатом, как шахматная доска, полу, убегающем через анфилады комнат во дворик, огороженный зелёным забором. Она пыталась представить жизнь, протекавшую в тех старых стенах, за далью времени, окрашенную почти сказочной таинственностью.

Зоя Павловна поначалу вела себя насторожённо, слушала Веру сдержанно, разглядывая её, но постепенно расслабилась и даже попросила сына достать с антресолей семейные альбомы — это вечное и сомнительное угощение для малознакомых гостей. Надев очки, Зоя Павловна принялась монотонно комментировать чёрно-белые поблёкшие фотографии: вот я, ещё до того, мне тут лет тридцать. Видишь, какая стройная была.

Вера вглядывалась в хорошо сложенную молодую женщину на фото, в юбке чуть выше колен и туфлях на танкетке по моде семидесятых, — как нецеремонно болезнь и старость расправляются с женской красотой! Где в этой бесформенной, неподъёмной глыбе без ног, с одутловатым лицом распознать привлекательную девушку с фотографии, когда-то вызывавшую пылкие желания. А ведь было время, когда эта девушка прихорашивалась перед зеркалом, ходила на педикюры-маникюры, химическую завивку делала, туфли-лодочки покупала, ладно сидевшие на аккуратных ножках. Зоя Павловна рассказала, что когда-то работала в бухгалтерии, с первым мужем-алкоголиком развелась, и сын её тоже с женой разошёлся. Цепь из развалившихся звеньев, от поколения к поколению разорванная неблагоклонной судьбой.

Сын принёс им чаю, без угощений, чёрный, с пакетиком в чашке. Поставил у кровати и ушёл в соседнюю комнату, явно смущаясь Вериного присутствия.

Вера засобиралась — ещё час до Фрунзенской добираться. Сидя в метро, думала, что для первого раза всё прошло неплохо, и, может быть, отец Борис не зря всё это затеял.

Она стала приходить по четвергам каждую неделю, быстро сближаясь с недавно ещё совсем чужим человеком.

Больше всего в Зое Павловне Веру поражала эта отстранённая манера говорить о своей жизни. Зоя Павловна вспоминала, как после аварии попала в больницу с ногами, а вышла уже без.

— Представляю, как это было тяжело, — вздохнула Вера.

Зоя Павловна лишь отмахнулась, монотонно и безучастно продолжая:

— Ну и что. Я в больнице тогда со вторым мужем познакомилась, у него проблемы были с позвоночником. Мы телевизор вместе смотрели вечерами в холле, и через две недели, выписавшись, он мне предложение сделал. — Понадеявшись было хоть на малый всплеск страстей в лирической теме, Вера и здесь вынуждена была смириться — в лирики Зоя Павловна не годилась: — Я и не влюбилась в него. Предложил — и вышла, к тому времени уж пять лет в разводе была. Он неплохой был, заботливый.

— Вот так, прошло две недели и поженились? — зачем-то настаивала Вера, внутренне протестуя против этой пугающей, ко всему безучастной манеры не только говорить, но и жить: что давалось, то и бралось — без благодарности, но и без ропота. Печали, заботы, драмы, скудные радости — всё едино в этом безотрадном лоскутном коврике, сшитом из случайных, под руку попавших блёклых лоскутков.

— Ну, мы нормально жили, — вяло продолжала Зоя Павловна. — Да и многие, что ли, по любви женятся? Он не бил меня, как первый. Выпивал, но не запойно. А первый-то кровушку сосал у меня и у сына. Нос мне в молодости перебил, до сих пор кривой, смотри, — Зоя Павловна узловатым пальцем провела по носу, указывая на искривлённую переносицу. Воспоминания о первом муже-кровопийце нисколько не оживили её.

Она буднично пробиралась по пыльным, заросшим тропинкам пережитого, лишь памятно, по-бухгалтерски точно отмечая даты и годы главных жизненных вех: да, в шестьдесят авария была, ну, а дальше, через пять лет, ещё диабет поставили; сын развёлся в тридцать пять; муж второй умер в две тыщи пятнадцать. А я последние десять лежу вот, не встаю.

Казалось, она не живёт, а в зрительном зале смотрит кино про свою жизнь — затянутае, скучное, уже надоевшее, но никак не кончающееся кино — и не слишком-то задумывается, зачем ей всё это показывают днями, месяцами, годами. Тоскует она по-настоящему о чём-то? Радует? — внутренне не унималась Вера, вслушиваясь в безразличный голос Зои Павловны.

По пути домой Вера гадала: смирение ли это, приписываемое обычно простому русскому народу, или неспособность прорасти корнями в глубь. Зацепятся коротеньким корешком где попало, хоть в овраге сухом придорожном, и держатся, кто сколько сможет, пока случайным февральским ветром их не сорвёт неведомо куда, а то и вовсе не сметёт с лица земли.

Когда Вера звонила договариваться о встрече, она неизменно слышала звук телевизора в комнате, заглушающий голос Зои Павловны. Вера пробовала приносить ей аудиокниги, лекции по москвоведению с городскими легендами, один раз даже притащила диски с записями древних сирийских мистиков. Зоя Павловна равнодушно благодарила, а затем сын убирал всё это на верхние полки, где дары собирали пыль в одном ряду с прочим полузабытым хламом.

Выдав скудный запас своих личных историй, при встречах Зоя Павловна перешла на обзор недавних передач Малахова. Всё убавленное, недостающее, потерянное в своей жизни Зоя Павловна добирала из жизни тех — чужих, далёких людей из телевизора. Обрамлённые экраном, придававшим значительность самому ничтожному их слову и делу, люди эти стали единственными желанными гостями в её доме, защищая от испуга, тоски, отчаяния, от скрытого ужаса перед обездвиженным телом, в любой самой интимной нужде зависящим от милости ближнего. А где эти ближние? Сын, забегающий утром и вечером в задыхании своих дел?

Подарки, приносимые Верой, Зоя Павловна принимала охотно, рассматривала, вертела в руках, пыталась выяснить цену.

«Дорого, наверное», — деловито щупая ткань подаренной цветастой шали, выпытывала Зоя Павловна, глядя хитрым глазом. Каждый раз Вера искала для неё что-то особенное — хотелось, по слову отца Бориса, поухаживать и потрудиться. Однажды принесла маленькую фигурку летящего ангела, купленную ещё в Париже на одной из воскресных антикварных ярмарок. Это был не представитель бездарного глиняного ширпотреба, ежегодно появляющегося в магазинах среди рождественских подарков, а хрустальный, молчаливый ангел. Зоя Павловна неожиданно искренне обрадовалась ему, попросила поставить на подоконнике у головы и всякий раз следила, чтобы никакой предмет не загораживал её любимца.

Но, оказывается, она была способна и на сильные чувства, да ещё какие!

Как-то Вера сообщила, что в их встречах будет небольшой перерыв: она начинает цикл семинаров по психологии и потребуется время на подготовку. Зачем-то упомянула и тему семинаров: «Быть, а не стыдиться», — поставив Зою Павловну в полный тупик самим названием.

— А чего стыдиться-то? И где быть? — недоумевала Зоя Павловна, нахмутив брови и глядя на Веру с недоверием, — морочат, мол, людям головы эти психологи. Но, вопреки обычному, Зоя Павловна проявила неожиданный интерес к Вериному начинанию: — И сколько таких семинаров будет? И когда? А человек-то сколько придёт?

Не подозревая подвоха, Вера выдала своё расписание, удивляясь этому проснувшемуся вдруг интересу. Ещё больше поразила её вечернему звонку Зои Павловны после семинара:

— Ну, и как всё прошло?

Падкая до сухих формальностей, Зоя Павловна желала знать все подробности в цифрах: сколько народу было, сколько в следующий раз придёт? — она привычно сводила в голове дебит с кредитом.

Разгадка пришла в следующий Верин визит. Зоя Павловна без промедления перешла к делу:

— Ты вот психолог, а как твоя фамилия-то? Всё забываю узнать.

Нечто насторожило Веру в этой необычно нарастающей настойчивости:

— А зачем вам моя фамилия? — уже суше откликнулась она.

В глазах Зои Павловны мелькнуло что-то недоброе:

— А ты налоги-то государству платишь за семинары свои? — суровым, почти прокурорским тоном выдала вдруг Зоя Павловна. — А то тут по телевизору показывали таких психологов, — Зоя Павловна неодобрительно хмыкнула. — Они на миллионы обманывают государство! Целые залы собирают. Голову людям морочат и на эти деньги дворцы себе в Европе строят. И ты вот во Францию свою едешь, зачем? — Зоя Павловна настойчиво добивалась какой-то своей правды, припоминая недавние Верины каникулы в Париже.

— Какие налоги? Какая Франция? — ошеломлённо застыла Вера.

До неё с трудом дошёл негодующий пафос Зои Павловны, патристически и искренне беспокоящейся о казне государства. Жизнь из телевизионной воронки наконец прямоком излилась и заполнила её неказистую комнатёнку: оказывается, Вера — ровно как те скандальные блогеры, о которых вторую неделю кричат по всем программам. Зою Павловну настигло дуновение живых событий, и она, Зоя Павловна, может быть, даже станет пособником правосудия. В её чертах теперь просвечивало что-то деловое и серьёзное, расчётливое и даже сообразительное.

Так вот для чего ей моя фамилия — поразила Вера, едва приходя в себя. Для налоговой! «Смешались в кучу кони, люди» в бедной её голове. Забурлили, вспенились волны народные...

Вера сухо попрощалась с Зоей Павловной. Было грустно и в то же время смешно. Предвечерняя Москва шумела своей обычной жизнью. Хотелось к отцу Борису, обо всём поговорить. А ведь она даже полюбила визиты в эти суровые Текстильщики: было жаль той беспричинной радости, порой охватывающей её после этих поездок. А теперь... словно клякса на выходном платье.

Верин муж решительно советовал закончить эти походы — незачем, мол, поддерживать стукачество даже несчастной, одинокой и больной старухи.

В Страстной четверг Вера встретила с отцом Борисом.

— Бывает... Случается, — выслушав, отец Борис смотрел куда-то в сторону, с ответом не торопился. И вдруг заулыбался по-доброму: — Как это тебе удалось, Вера, пройти точным великопостным маршрутом от «осанна» до «распни»?

— А дальше-то что? — напряжённо, не до конца уловив мысль отца Бориса, спросила Вера.

— Ну, а дальше ты и сама знаешь *что*, — ещё шире, от души улыбнулся отец Борис. — А дальше — Воскресенье.

Алёна Шварёва

Лето

Рассказ

Если жизнь принять за лето, то во всех отношениях стоял июль. Я родила в тот год. Вдобавок лифт накрылся. Пришли ребята в комбинезонах, дрели затрещали, всё покрылось белой пылью. Пару дней с девятого этажа и обратно коляску с ребёнком ещё удавалось кое-как затаскивать. Когда моя футболка от пота поменяла цвет, а из окон лестничных проёмов начали прорастать оранжевые хребты фиолетовых гор и тут же на глазах развеиваться позвонки за позвонком в простые кучевые и перистые, я постучалась к председателю. Тот выдал ключ от подсобки на первом этаже, но предупредил, что барахла много. Почти до потолка. А что поделаешь? Сына одетым в кроватке оставишь, сама вниз. Коляску из-под потолка, опять наверх, ребёнка в охапку и на первый. Обратно ещё веселее.

Только когда чудом выжившие в городской застройке тополя и клёны расцвели бабьим летом, лифт вновь открыл навигацию. Ликованье! Сын по ночам орал. Укропная вода не помогала — газики.

Хорошо, что внизу квартировали дворники. Им газики младенца — что тихий час на скотобойне. Квартирка у них меньше воробьиного крыла, кухня три на четыре, а народу — сорок сороков. Днём дворники тихо подметали лестницы, на газонах прибирались. А по ночам вдруг раздавался крик, конское ржание, удары хлыста, свист, что-то схлопывалось, раскрывалось и уходило за горизонт событий.

«Кочевые, — объяснял сосед Александр, — лютые. А я, — говорит, — знаю. Нагляделся. Лётчиком мечтал, да колени подвели, вот окопы рыть и сунули. Считалось, повезло. Тех, кто годен, в Афган, отправляли, а меня только в стройбат в Таджикистане. Я же, когда из армии вернулся, месяц ни с кем не разговаривал. Мать, царство ей небесное, яичницу, котлету с пюре на стол

Алёна Шварёва — драматург. Училась в СПбГАТИ на факультете сценических искусств, в магистратуре на курсе Н.С.Скороход «Драматургия и проектирование спектакля». Работает в театре. Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 4.

выставит, а я есть не могу, отвык. Сковороду возьму, лука нарублю, томат-пастой залью, обжарю и жру».

Александр музыку любил. Каждое воскресенье — «концерт». Всю свою рукотворную аппаратуру с выведенным через восемь колонок звуком врубал на полную, взхлёб так, чтобы с девятого до четвёртого пробить. На четвёртом у него какие-то заклятые неприятели жили. Переехала я в этот дом относительно недавно, и единственный, кого знала с четвёртого, это «грустный врач», так он сам представился. Ни имени, ни отчества, просто сказал: «Сам-то я врач», — правда, не уточнил какой. Мы вместе ехали в лифте. Ещё на том, нечиненном, крайне неспешном. Пока дверь на этаж откроется, можно было надеть перчатки, поправить шапку, передумать, нажать стоп и уплыть обратно. Так вот, это был единственный раз, когда «грустный врач» со мной заговорил. Вернее, до того дня он был вовсе весёлый, вполне уверенно поправлял на шее французский узел из кашемира, щедро разбрасывал запах дорогого одеколona. Это уже после глаза его стали похожи на обваренных раков, и как-то сразу стал очевиден безбожный минус, а может, плюс, хотя теперь, собственно, плевать, его глаза хотели на подходящие формулировки. В одно мгновение плащ его разошёлся трещинами, а из ушей проросли волосы. После того раза, столкнусь я с ним хоть нос к носу, он бы не заметил меня, не узнал. А в тот день он был чрезвычайно разговорчив, посмеивался. «У меня сегодня ночью все погорело, — сказал он. — Позвонили утром. Вот, еду с женой, она уже у парадной. Ждёт. Сейчас поедет. Все: дочь, зять и двое внуков. Все сгорели. Дом сгорел. Даже забор сгорел. Они на даче были, дом там, ночью пожар, и всё — больше никого. Всех хоронить. Едем с женой. Вот так».

Грустный врач точно не мог претендовать на роль мишени.

Да и вообще, Александр был добрым. На него только по воскресеньям находило. Сядет у приоткрытой железной двери. Через порог угадывается початая бутылка, рюмка с мерцающими в темноте кубиками льда, пепельница из консервной банки, табачная взвесь в воздухе кружевами и тёмные узлы плеч с вплетёнными нитями побелевших пальцев. Рядом заряженный пистолет. Александр — профессиональный охранник. Музыка, конечно же. Эрик Сати, Клод Дебюсси, бывало, и Кейджа поставит. Сидит он так и ждёт, когда уроды с четвёртого этажа ругаться придут. Ни разу не пришли.

Так что плачь моего сына для дворников — тишина. Особенно после воскресных концертов. Я долго так и думала, пока Александр не сказал, что дворники на пятом живут, а подо мной — пенсионерка Анна Гавриловна.

Пенсионерку я сразу же провела. Она с бульдожкой — единственные собственники чистенькой распашонки, обе с аккуратными катарактами на глазах, во двор выходят, друг друга прогуливают. Анна Гавриловна уже сотый десяток разменяла, Канта перечитывает, говорит: «Дворники в этом году сущие ангелы». В последний их визит, когда те любезно принесли ей из «Пятёрочки» мешок с картофелем и пару упаковок арабики, заметив четвёртое издание «Критики чистого разума» в твёрдом переплете в её руках, завели чудесную дискуссию о том, что внутренний закон ничем не отличается от внешнего!

«Представляете? Вопрос только в том, как скоро ты это поймёшь! И что звёздное небо — оно не над головой, а в голове. Хотя бы потому, что голова — это тоже звёздное небо. С той только оговоркой, что звёздное небо — это всё же не голова. Впрочем, всё дело в дискурсе, но если заглянуть за слова и всмотреться, например, просто в ежедневную работу дворников, которые, повинаясь какому-то тайному закону, подобно звёздным светилам, каждый божий день встают в пять утра и идут наводить порядок на газонах, лестницах и в лифтах, то можно увидеть хоть что-то кроме самого себя».

— А эти дворники нелегалы? — спросила я.

— Может быть, очень может быть, я забыла, знаете ли, у меня с памятью плохо, ранний Альцгеймер.

— И живут они разве не на пятом этаже?

— Что вы, милая, я ещё в своём уме, конечно же, на третьем. Я по четвергам спускаюсь к ним обсудить Хайдеггера.

Подвергать сомнению слова Анны Гавриловны не было никаких причин.

— А по поводу того, мешает ли мне спать по ночам плач младенца, вы не переживайте, — улыбнулась она беззубым ртом, — мне мешает спать исключительно плохая память, а газики младенцев — это память хорошая.

* * *

— Я только на прошлой неделе к ним заходил на пятый этаж, отдавал лопату, — уверял меня при встрече на площадке первого этажа Александр.

Тут же в шахте лифта завывало, заскреблось. После пары гулких ударов двери раскрылись. Вышла Анна Гавриловна. Очень кстати.

— Анна Гавриловна, добрый вечер! Помните, мы говорили про дворников с третьего этажа, вот Александр утверждает, что они живут на пятом.

— Ну что вы, дворники, сущие ангелы, живут на третьем.

На этот раз она улыбнулась, оголив ровные плоские зубы с превосходным цветом эмали. Вставная челюсть смахнула с лица Анны Гавриловны десяток-другой одним махом.

— Анна Гавриловна, я в среду, на прошлой неделе вечером, заходил к ним на пятый лопату отдать. Мы с дворниками хоронили чижа, и вместе же поднялись к ним на пятый этаж с лопатой. Ко мне залетел чиж. Сломал крыло. Я решил его выходить, почти получилось, я три месяца носил ему червяков и ловил мух, всё шло по плану, думал, что отпущу недели через две, хотя порядком привязался, но в среду зашёл на балкон, а чиж лежит кверху лапками и на горле огромный зоб. Чиж умер. И я его хоронил вместе с дворниками. Эти парни хоть и суровые, но птиц любят, особенно чижей.

— Да, но вечером в прошлую среду дворники пили чай за моим столом под остролистой агавой и дискутировали об идеях Платона, Пещере и тенях. Три дворника с третьего этажа. Я у них бываю каждый четверг. У меня плохо с памятью, поэтому для меня очень важно помнить, вот, у меня записано.

Анна Гавриловна вынула блокнот из кармана, там чёрным по белому: дворники — третий этаж.

— У меня и фото есть, всё так быстро забывается, поэтому важно фиксировать.

Анна Гавриловна достала стопку фотографий из другого кармана. Она бережно принялась перебирать карточки: вот малыш в кремовом чепце и комбинезоне с глазами, похожими на две спелые удивлённые вишни; вот девочка с косой чёлкой, двумя белыми бантами и гладиолусами, за спиной ранец; вот по набережной бежит стайка девушек, все с хорошими спинами и тугими кичками, как у танцовщиц; а вот и те самые дворники, агава, чай. Чёрным по белому.

В шахте лифта снова задрожало, нити тросов натянулись, заскрежетало. Из лифта выглянул грустный врач.

— Я больше не практикую, — сразу предупредил он.

— Скажите, пожалуйста, вы не знаете, на каком этаже живут дворники?

— Это не мой профиль.

— Скажите, ведь вы вчера видели, как я с дворниками хоронил чижа? Вы проходили мимо.

— Правда. Да. Было часов шесть, 18:30.

— Дорогой мой, вы же в 18:30 зашли ко мне за пустырником и должны были видеть, что дворники пили чай у меня?

— Точно, так и было. — Грустный врач вздохнул и вышел.

Анна Гавриловна записала что-то очень важное в блокнот.

— Хотите, я покажу вам могилу чижа? — предложил Александр.

— С удовольствием, — согласилась Анна Гавриловна.

Я тоже не против — сына из детского сада забирать только через час. Бульдожка снисходительно промолчал, но внимательно внюхался в сквозную щель между дверьми и шахтой лифта.

— Можно, я вас сфотографирую? — спросила Анна Гавриловна.

— Конечно, — киваем мы. — Это очень важно.

Анна Гавриловна распаковывает фотоаппарат, который всегда весит у неё на шее в чёрном чехле, точно у туриста, наводит резкость, выставляет экспозицию, глубину кадра, делает фото.

* * *

У могилы чижа.

Земля пахнет дерьмом и липой. Жирные комья кишат насекомыми, скоро зацветут розы.

Анна Гавриловна закуривает папироску, бульдожка уже не щенок, чтобы пробавляться хабариками, но особо ароматный всё же проглатывает, — тут как раз место перекуров воспитательниц из детского сада, так что можно полакомиться тонкими, с вишнёвым или шоколадным фильтром. Клумбы с петуньями отдыхают в тени.

— Хороший был чиж, ласковый, — Александр указывает на газон.

Ничто не выдаёт захоронения: нет ни холмика, ни камня. А как хоронят птиц? Возможно, их вообще не хоронят.

— Одно могу сказать: дворники — странные ребята, — говорит Александр. — Один из них утверждал, что знает язык птиц, второй уговаривал первого обучить меня птичьему языку, чтобы я чижа выходил, а третий учил, что птицы — это что-то вроде телеграфа, который доставляет вниз послания свыше, и знать их простым смертным не полагается. Однажды они уже одного научили, тот видел, как дворники с птицами разговаривают, и сам стал упрашивать: научите да научите. Отговаривали, предупреждали, но он не отставал. Выучили. Так вышел этот человек как-то на балкон, а чайка ему: «Эй ты, да-да, вот ты, в штанах, да-да-да, сегодня этот в штанах, то есть ты, пойдёт на работу и забудет выключить утюг, которым себе гладит рубашки. Вот ты, да-да, ты, в мятых штанах, сегодня вся твоя квартира и всё имущество сгорят ясным пламенем!» Поблагодарил человек чайку и пошёл на работу в мятой рубашке, с работы вернулся, а всё хорошо: дом стоит на месте, утюг на антресолях.

Через какое-то время на прогулке в парке подслушал человек у воробьёв, что вот решит он сейчас сократить путь до дома через гаражи, а он и правда собирался именно так и поступить, потому что хотел успеть к началу трансляции футбольного матча, а за гаражами на него свора отморозков нападёт, зуб выбьют, ножичком пригрозят, новый телефон отберут, часы, кроссовки снимут и ещё заставят перевести с кредитки всё, за что год не расплатишься.

Поблагодарил человек воробьёв и пошёл длинным путём, к началу трансляции даже не опоздал. Игру в тот день начали позже, так что ничего человек тот не пропустил.

Но однажды, только из парадной вышел, трясогузка трещит: «Ты сегодня умрёшь, и ничто не поможет. Смерть сегодня придёт, у неё уже в графе с твоим именем галочка стоит».

Испугался человек. Побежал к дворникам, так и так, что же делать? Почему? А они ему: «Мы тебя предупреждали, незачем человеку язык птичий знать. Слышишь звон, да не знаешь, где он. Вот и всё понимание. Смерть тебе шанс давала!» При этих словах разом обернулись на этого человека птицы всех дворов и переулков города. «Откупился бы недвижимым имуществом, деньгами, часами, выбитым зубом. А ты сам решил не пользоваться предоставленной возможностью!» Птицы вспорхнули и с шумом улетели. «Смерть старалась, но, увы».

— Так и умер?

— А что тут поделаешь?

— А вы что же, птичий язык изучаете?

— Дичь какая!

* * *

А однажды Александр пропал. Камеры видели, как он вышел из лифта на первом этаже, спустился по ступенькам, открыл входную дверь и растворился в столбе уличного света.

Полицейские опрашивали жителей подъезда. Но тщетно. Когда я им рассказала про врагов с четвёртого, полицейские крайне удивились, ведь на четвёртом этаже было всего две квартиры. Одна принадлежала грустному врачу,

а вторая стояла пустая уже лет десять. Жила там одна женщина, младший научный сотрудник кафедры орнитологии местного университета, но вышла замуж, кажется, за пианиста, переехала, счастлива где-то, и даже за квартиру исправно платит, хотя можно было бы сдавать. Банально ни о чём.

В охранной фирме «Македония», где работал Александр, тоже не знали, куда он мог сгинуть. Было только за день до исчезновения смс от него, что не придёт на работу, так как «подхватил лихорадку». Коллеги-охранники резонно посчитали, что речь идёт о пагубных для здоровья последствиях после очередного воскресного концерта, какая же лихорадка в наши дни?

Дворников опросить, к сожалению, не удалось, так как те ещё полгода назад улетели к себе то ли в Киргизию, то ли в Узбекистан и, кстати, жили они на втором этаже, председатель специально выделил жильё в доме для хозяйственных нужд, на днях туда въедут новые дворники. Уже и договор оформлен. «Так что потерпите. Скоро будет чистота и порядок», — говорил председатель, пока мы поднимались в лифте на девятый. А я за его спиной в зеркале разглядывала первые седые волосы.

Если бы жизнь можно было принять за лето, то к тому моменту прозябший ноябрь свернулся калачом, приготовившись к зимней спячке, отчего дворы казались тихими, промытыми, припухшими от бесконечной мороси, а по утру зеркала луж заботливо покрывались тонкой паутиной льда. Хотя всего несколькими ступеньками выше меня ждала весна, только-только начали проклёвываться нежные молодые побеги. Взахлёб щебетали птицы, гремела капель. Сын поступал в институт.

«Летом произошло решающее сражение на реке Гидасп. Несмотря на наличие двухсот боевых слонов и личную храбрость, Пор не смог устоять против македонской военной машины. Александр занял весь Пенджаб и приказал своим ветеранам двигаться дальше, в долину Ганга. Однако вскоре выяснилось, что который год в бесконечных походах утомил даже самых стойких воинов. Горячую речь Александра встретило угрюмое молчание, и тому не оставалось ничего другого, как повернуть назад», — заучивал он наизусть очередной билет.

— Мам, а правда, что Александр Македонский не проиграл ни одного сражения?

— Сложно сказать, сынок, никогда не знаешь, какой бой ведёт человек и какая победа для него — поражение, а какой провал — на самом деле заслуга. Возможно, он полный неудачник.

Илья Фаликов

Живую жизнь блюсти как жанр

* * *

Между тридцатью и сорока
отвердела лёгкая рука,
зренье круг обзора уточнило,
и, сжигая старые мосты,
сердце пело влажно и уныло
на пороге взятия Москвы.

А когда свершится оный факт,
этот лжелирический захват,
ничего хорошего случиться
до финала века не могло —
пошатнётся стойкая столица,
небо разобьётся, как стекло.

Пробежал, ведя условный счёт,
пару жизней, дважды сорокот,
мимо полустанка посередке,
и камня — верная вдова —
обрела законные права
на формат судьбы не по колодке.

Фаликов Илья Зиновьевич — поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1942 году во Владивостоке. Окончил филологический факультет Дальневосточного университета. Печатается как поэт с 1960 года. Автор десяти книг лирики, четырёх романов в прозе, двух сборников эссеистики и нескольких книг в серии «Жизнь замечательных людей». Лауреат премии журнала «Дружба народов» (2018) и других литературных премий. Постоянный автор «Дружбы народов». Живёт в Москве.

* * *

Жить до старости, до седины
жёны обязаны и должны...

Б.С.

В том, что жёнам мужей пережить надлежит,
ошибается Слуцкий, рыдая навзрыд
над покойницей Таней.
Не заметил от слёз фронтовой политрук
этих нищих, седых, беспризорных старух,
их сиротских скитаний.

Породив километры стихов про старух,
фронтовая камена проделала круг
в смутах послевоенных,
чтобы впрячься в бессрочную лямку вдовства,
чтобы в кривоарбатских стояла Москва,
чтобы в кривоколенных.

Происходит старух колченогий парад
меж столичных прилавков, больничных палат
и собачьих площадок.
На старухах лежит отпечаток густой
сверхнасыщенной, долгой истории той,
не застой, но упадок.

Александровский сад, по совету врача,
посетят, по собянинской плитке стуча
железяками палок.
Неизвестно куда торопясь поутру,
ношу памяти нашей себе заберу,
самопальный подарок.

Никакие подарки уже не нужны —
не бездействует воздух здоровой весны
без конца и без края,
согласуя бессмертную душу и плоть.
Но тебя пощадил милосердный Господь,
у меня забирая.

* * *

С твоими стихами живу, как с тобой,
встаю поутру и иду на покой,
в своём ареале и в веке чужом,
в пределах отчизны, не за рубежом, —
мы рядом, мы вместе, вчера и всегда,
в садовой черешне, на ряби пруда,
в заштатном проулке, на трассах больших,
где давит народ автосервисный шик, —
твоими стихами спасаюсь, живу,
как будто ещё не уехал в Москву
из белой пещерки на том берегу,
где горку жемчужин тайком берегу.

А слово забуду — бросаюсь в ночи
к источнику света — скажи, не молчи,
включи освещение на всю глубину,
чтоб, претерпевая глухую вину,
спуститься к сокровищам в тайный подвал,
которому должного не воздавал.

* * *

Безоглядна была и смела,
нищеты не страшилась нисколько,
беспорточную жизнь приняла,
платных плакальщиц не принимала,
по ночам в оправдание своё
не мечась, не крича и не плача.
На твоё положиться чутьё
мне велела слепая удача.

Не ища прописной похвалы,
ты жила ожиданием лада
на краю одинокой скалы
у ворот соловьиного сада.
Остро пахла морская звезда,
и звала соловьиная флейта,
и гремели всю ночь невода
не Фиалты, так Фиолента.

Думал — чуйка, а это был ум,
женский ум, а не девичья чуйка.
И хватало серебряных струн,
и не таяло золото дюн,
и кричала плакучая чайка.

* * *

Была нефритовой скала,
а ласточка — простая.
Когда-то родина была
окраиной Китая.
Неисчислимых стад и стай
поток неразличаем,
и упомянутый Китай
ещё не стал Китаем.

Вот-вот на горных рудниках
закончатся скитанья
не отражённых в родниках
чжурчжэня и киданя.

Тайфун продует берега,
уйдёт по следу айна
тысячелетняя тайга,
растаявшая тайна.

Весь век бежать как на пожар
и с самого начала
живую жизнь блюсти как жанр
до самого финала.
Сгореть в излюбленной строфе.
А тигра отловите,
найдя отчётливое Ф
в китайском алфавите.

* * *

Переулок был тихим,
а когда ты ушла,
стал крикливым и диким
от угла до угла.
А столица стояла,
закалялась, как сталь, —
из стекла и металла —
и шумела, как встарь.

То не книжная полка,
а вселенский содом,
и опять барахолка
на Арбате моём.
И пожар, и попойка
вперемешку и врозь —
удалась перестройка:
поломалось — срослось.

Ибо то и другое
началось при тебе,
и ходили мы двое
по народной тропе
мимо цирка и ЦУМа
и глухого угла,
но московского шума
ты терпеть не могла.

* * *

Утро грянет с «Пятёрочки», что ли,
что-то вроде того,
ибо от позапрошлых застолий
не осталось давно ничего.
Ливень света приму для затравки,
душу высушит простыня,
и бегучий негроид доставки
пожелает хорошего дня.

Выйду в город, вполне дальноток,
и в начале Арбата звучат
золотой самовар и «семь-сорок»
от скрипачки из русских девчат.
И верней, чем иная цитата,
оборвётся назначенный путь —
как от велика и самоката,
от бессмертия не увильнуть.

От страстей, настоятельно лютых,
от неверия в благодать
я уйду на голодный желудок
в недалёком пространстве блуждать.
Жил как жил, удалился и ожил
для тебя лишь одной
и соседей уже не тревожил
диким воем в пещере ночной.

* * *

То, чему ты тихо улыбалась,
видела в пространстве только ты,
воздух воровала — и попалась
на пороге вечной мерзлоты.

Светится сиреневая ветка,
против ветра весело гребя.
Встречные прохожие нередко
оборачивались на тебя.

Так и ёлка, став нежданно скрипкой,
остаётся собственно собой.
Ты была блуждающей улыбкой,
веющей по улице весной.

Сергей Попов

Детский вопрос

* * *

Где, отражаясь в текучей воде,
чёрные птицы поют о беде,
сходит вода и приходит вода,
песня берёт и сдаёт города.

Где дождевой отзывается шаг
победоносною болью в ушах,
птичий язык непомерно горяч
для окроплённых слезами удач.

Это пернатое воинство впредь
речитативу не даст умереть —
ноты пробитой грозой пустоты
с будущим быть полагают на ты.

Стоит лишь только расправить крыла —
и для полёта округа мала,
где безответственно детский вопрос
в чистое пение весь перерос.

* * *

Он приговаривает: «Ерунда».
И расцветает над ним звезда,
зыбкая, как вода.

«Всё, — сообщает он, — ничего.
За исключением одного —
страшно всего.

Попов Сергей Викторович — поэт. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Автор многих книг стихов, в том числе «Травы и тропы. Книга стихов» (М., 2020), «Вся печаль». Книга стихов» (М., 2021) и прозы: «Отдел теней и лавров. Стихи, проза, пьесы» (Тамбов, 2017), «Крылья над крышами» (Воронеж, 2021) и другие. Лауреат премии журнала «Дружба народов» (2024) и многих других. Живёт в г. Воронеже.

Зыбкой звезды в кочевой ночи.
Двери, где стопорятся ключи.
Сна, что ищи-свищи.

Право, причина не знаю где —
будто ключи глубоко в воде —
отблески их везде».

Звёздная пыль в никуда спешит,
словно течение судьбу решит.
Временем свет прошит.

Выйдешь во двор — и над крышей рябь.
Чёрным — под крышей его окно.
Перекури, воротник ослабь, —
если решения не дано.

Побестолковься в пустых дворах,
чтоб рассмешил ширпотребный страх
вдрызг на семи ветрах.

И укротила вода свой бег
там, где гнездится подзвёздный смех.
И не грозит ночлег.

На ерунду не держи души —
что её без толку кантовать.
Вещи безвременья хороши:
лавка сподручнее, чем кровать.

* * *

Северонравный ветер с юга,
зайдясь, хватает за шкибот...
Неузнаваема округа,
когда вот-вот и занесёт,

когда вот-вот и станут вехи
листвою, канувшей в снегу —
с ней не заигрывать вовеки
и ты смогла, и я смогу.

И не трудить башку и душу
талант приладится в крови.
Я обещања не нарушу —
лишь только сроки назови.

Черным-черно — и, значит, рядом...
Но кто раскроет день и час
переболевшим листопадом —
распадом прожитого в нас?

* * *

Ветром переворачивается страница —
потому в твоей голове и ветер,
что наука прошлого сторониться
одолима хуже иных на свете.

Ангел праха непоправимо робок
для бесчинств по полной своей программе —
в тугоплавкой тьме черепных коробок
лишь искрит потерянными дарами.

Утром переворачивается вечеря
с боку на бок — будто подруга рядом,
и оглядываешься, глазам не веря,
и окно возможностей ищешь взглядом.

Римский профиль времени беспредела
вырисовывает рассвет на шторе,
и война по призрачной кромке тела
проступает в присном своём повторе.

Понимаешь — рядом слеза и только —
и не рядом, а в глубине порядка,
где сердечных камер противотока
гробовая радость слепа и кратка.

Светом переиначивается горнило,
оттого твой свет и важней расплава —
что бы тьма в заглазнике ни хранила,
пишешь слева сызнова и направо.

И слова на ветер выходят боком —
головным распадом, грудным разрывом...
И любовь в неведении глубоком
разрушает время над мелким Римом.

* * *

Стихосложенья осевший дым
не представляет собой угрозу
городу, что представал родным,
родине, что перешла на прозу.

За вычитаньем опасных рифм
следует разукрупненье мира —
воспоминания входят в Рим
и превращаются в сердце Рима.

Там, где империи тьма и свет,
обобществления честь и слава,
множит Эвтерпа прекрасный бред
и Каллиопа царит кроваво.

Этих неблагополучных дам
очарованье теперь в пролёте —
разве что призраки по пятам
преображенья на гиблой ноте.

Эмблематичная роза лжи
вправлена в лацкан любви до гроба —
Клио горазда на виражи
как императорская особа.

И поднимается дым беды,
преображая начинку речи —
свет замечает свои следы
и опускается тьма на плечи.

И криминал окаянных строк
в силу античного чувства долга
слепо мотает последний срок
по междометьям дурного толка,

по городским закоулкам сна
и по разъятым пределам яви...
Родина правом слезы красна
без разговоров о римском праве.

Игорь Клех

Планета одноклассников

Главы из книги

Предупреждение:

Никогда ничего не пишите, а если уж написали, — никому не давайте читать.

И сами не читайте — себе дороже будет.

Моя школа для дураков

После университета по распределению я угодил в жившую по собственным понятиям и законам сельскую среду в меру экзотичным для неё представителем совершенно чужеродного ей города, учитывая тогдашнюю длину моих волос. Не было здесь такого места и минуты, где и когда ты не оставался бы на виду у всех и не подвергался изучению и наблюдению деревенской сестрой оруэлловского Большого Брата, идёшь ли по безлюдной улице, мочишься в чистом поле или где-то что-то сказал кому-то. Будучи старше своих учеников всего на несколько лет, я не мог не вызывать у них дополнительно скрытого жгучего интереса к себе. Кое-кто из старшеклассников от моего обращения на «вы» поначалу впадал в ступор от неожиданности — никто ещё и никогда к ним так не обращался. В свою очередь, меня озадачивало принятое в сельских семьях обращение детей к собственным родителям на «вы», лишённое теплоты и возводящее эмоциональный барьер в отношениях между ними. Возможно, взаимонепонимание и разница восприятия многих вещей нами и не носили этнического или цивилизационного характера и объяснялись попросту консервативностью и архаичностью рустикальной среды, сохранявшей в неприкосновенности множество представлений, предрассудков и пережитков прошлого даже после принудительной советизации.

Клех Игорь Юрьевич — прозаик, эссеист, критик, переводчик, редактор. Родился в 1952 году в Херсоне (УССР). Окончил филфак Львовского университета. Работал реставратором. Публиковался в «Дружбе народов», «Знамени», «Новом мире» и других журналах. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 6.

В той сельской средней школе под Львовом, где я проучительствовал год, сошлись ученики из четырёх непохожих сёл. Самыми продвинутыми и сообразительными оказались лихие голубятники, приезжавшие учиться на рейсовом автобусе из большого села при ж/д станции, построенной ещё австрийцами. В нём во время польско-советской войны расквартирован был штаб конармии Будённого с представителем реввоенсовета товарищем Сталиным, которые три месяца готовили кавалерию к так и не состоявшемуся штурму Львова, упорствуя и отказываясь присоединиться к триумфальному походу Тухачевского на Варшаву, закончившемуся в результате «чудом на Висле» для поляков. Здесь смертельно тосковал, маленько мародёрствуя с казаками и околачивая груши, назвавшийся Лютовым красноармеец Бабель, писавший в фронтовой печати одно, в дневниках другое, а позже в «Конармии» уже третье, и единственное из всего имеющее цену. Но по-настоящему громкую известность приобрело это село, когда через полвека оказалось, что ликвидировавший после войны Бандеру чекист-перебежчик был его уроженцем, за что само это место сделалось проклятым для бывших участников, скрытых сторонников и тайных почитателей бандеровского движения, а позднее и для всех «свидомых» соседей, распространивших свою ненависть на обитателей села с их голубятнями и голубями.

С противоположной стороны из-за кольцевой автодороги в школу добирались ученики из ближнего пригорода — двух богатых сёл огородников, уже в нескольких поколениях торговавших на городских рынках ранней зеленью и овощами из собственных теплиц. Эти дети предприимчивых куркулей были самыми неприветливыми, недоверчивыми и знающими себе цену, посверкивая через одного золотыми коронками на порченных зубах.

Самыми же депрессивными выглядели дети местных жителей, потому что всего в нескольких сотнях метров от их домов по полю протекала речка с канализационными стоками огромного города, распространяя по ветру или в дождь сызмалу привычное зловоние окрест, а сама школа теснилась в двухэтажном здании австро-венгерской молочарни, с глубокими желобами для стоков молока, что ли, или фекалий в цементном полу полутёмных школьных коридоров.

Вдобавок в половине классов за первыми партами даже на школьных переменах сидели смирно и безучастно не замечаемые сверстниками дети, которых учителя никогда не поднимали отвечать, чтобы не вызвать бурю веселья в классе, выводя им троечки за год по умолчанию при переводе в следующий класс. Оказалось, им разрешил посещать занятия и согласился принять в среднюю школу её директор, вняв слёзным просьбам родителей, наотрез отказавшихся сдавать своих чад в специнтернаты для умственно отсталых, и это лучшее, что я знаю о них всех: похожем на дятла директоре школы и парторге совхоза одновременно, безвестных родителях и несчастных детях. Ни в чём так остро не нуждался этот край, как в приходе Спасителя или хотя бы в милосердии, но после демонтажа жёсткой коммунистической утопии ему предложен был взамен языческий кровожадный идол — кукла Бандеры, вскоре растиражированная и установленная на городских площадях и сельских майданах.

И вот одна из таких учениц — бледная и безмолвная сирота-девятиклассница в стоптанных туфлях и с обвисшими физкультурными рейтузами под юбкой — вдруг вместе со всем классом сдала мне ученическую тетрадку со своим сочинением по русской литературе на проверку. Учительница украинского языка и литературы ревниво донимала меня потом, подловив в коридоре: «Как вы это сделали?!» Да никак, по причине отсутствия у всех книг всего лишь читал им на уроках вслух, пересказывал сюжеты и обсуждал с ними произведения, из-за чего от непрерывного говорения к концу занятий пересохшее горло у меня становилось будто стеклянным, так что больно было глотать слюну.

Не я разбудил дремлющее сознание Марийки. Это сделали произведения русских классиков — Островского и Тургенева, пробившие потёмки её сознания нечаянным лучом и взволновавшие девичье естество так, что лёгкая рябь пошла по его поверхности, а из глубин потревоженной девственной души стали всплывать такие слова, о существовании которых нельзя было и подозревать. Остальное доделали гормоны вступившей в возраст полового созревания дебильной девушки и её контуженный в полную голову злой гений — сорокалетний плотник из Карпат, собравшийся на ней жениться и пообещавший её бабке за это починить их покосившуюся хату с земляным полом. Этот местный холостой шабашник и по иронии судьбы однофамилец одного из древнерусских князей сочинил и собственноручно вручил директору школы письменное послание с просьбой дать возможность его будущей жене доучиться оставшиеся полтора года, чтобы она смогла получить аттестат зрелости и «находиться на уровне современного среднего образования». А ей самой жених объявил, что она обязана будет сперва отработать потраченные им на неё средства и для этого возить тачкой речные камни для фундамента задуманной им пристройки к своей хате на склоне горы, после чего родить ему в ней ребёнка, причём роды у неё он примет сам.

В гремучей смеси сострадания, мизантропии и чёрного юмора мне тогда померещилась галицийская злая пародия на богородичный миф в этой разворачивавшейся на глазах у её бабки, школы и всего села истории связи, а на зимних новогодних каникулах ещё и побега кроткой и нищей духом девятиклассницы Марийки со спустившимся с гор плотником Иваном, дикий план которого с тачкой камней для невесты больше походил уже на карпатскую гиньольную версию мифа о Сизифе. В советское время Марийку вернули к бабке всё же, а Ивана как психа даже не посадили.

Но на этом полукриминальная и гротескная история не закончилась и имела неожиданное продолжение. Оказалось, когда после всей этой истории Марийка вернулась восвояси, через несколько лет на неё неисповедимыми путями вдруг свалилось потрясшее всё село наследство из Америки, на которое они с бабкой смогли купить себе новый каменный дом, в котором она продолжила жить так же незаметно, как морковь в земле. Плотник же, оставшийся доживать свой век бобылём в хате-развалюхе на склоне горы, на этом не утомился, и я нечаянно пересёкся с ним вновь двадцать лет спустя. Это случилось уже в девяностых в захиревшем горнолыжном посёлке, где до выхода на пенсию работал лесничим мой дядя. Похититель Марийки развернул здесь широкомасштабную предвыборную кампанию как самовывдвиженец

на пост президента Украины, исписав заборы, стенки и даже опоры мостов призывами к землякам голосовать за него: «Хорива президентом!» Но грешно мне потешаться и сыпать соль на раны Украины, которой и без того несладко живётся сегодня в Незалежной.

А в тот год недолгой работы учителем меня восхитил бред заикленного и топчущегося на месте больного сознания, напоминавший литературные приёмы модернистов, на которых в молодые годы я был помешан. Так в сочинении по «Отцам и детям» главной героиней у Марийки оказывалась социально близкая ей Фенечка. Влюбившись в Базарова, после поцелуя с ним она «обнимает его своими руками за шею» и переезжает к нему в дом — хеппи-энд; «Базаров умер, а она повесилась» — трагедия; «Базаров попадает в беду и забывает о ней» — драма. Три версии развязки этой мнимой истории — и все три отсебятина, как и вся она! За это сочинение Марийка получила первую в своей жизни четвёрку, тетрадку с сочинениями я присвоил, а объяснительную записку директору школы с не менее бредовым изложением истории её отношений с Иваном и своего «похищения» переписал в учительской от руки. Возможно, небесная канцелярия прониклась не меньше моего и послала моей ученице заокеанское наследство не столько за земные страдания, сколько как гонорар за её школьные сочинения и эту объяснительную записку. У меня нет другого объяснения.

В некотором смысле и незалежность на Незалежную свалилась похожим образом из-за обрушения СССР, — откуда-то с неба, наложенным платежом и тоже вдруг. Во Львове в дни ГКЧП самые горячие митинговые патриоты смиренно сидели по домам на самоизоляции, крутя ручки радиоприёмников и дожидаясь, чем всё это может обернуться для них. Место их сходов «Клумбу» с голым до поры высоченным флагштоком — репетиционную площадку и робкую предшественницу будущих киевских майданов, — словно метлой вымело. Я-то помню. Письма мне тогда приходили из Санкт-Петербурга (уже) на улицу Степана Бандеры (так же уже).

Моя Украина

Жили-были «у» и «на», да вдруг сверзились с той трубы, где сидели прежде и не тужили буквы А и Б. Спрашивается: какой срок понадобится, чтобы закачать в неё столько «г» с «н» и выкачать из неё столько «d» с «€», чтобы хватило на всех и не передрались меж собой заглавные буквы К с такими же П и другими прописными буквами, вытолканными из игры в «царя горы» и отчаянно карабкавшимися обратно — от А вплоть до Ю и Я, — пока не выскочила вдруг, как чёртик из табакерки, строчная крошка «z» с труппой ряженных и ярмарочным кукольным вертепом?

На чём кириллический алфавит, места на трубе и представление заканчиваются и начинается другая, какая-то и совсем гиблая, история. Но повторюсь, не с руки мне здесь изгаляться над бывшими земляками и соплеменниками из приведённой ими на заклание Украины. Поживём — увидим.

Владимир Гандельсман

Выемки и выкладки

* * *

Статья о Мандельштаме и Бродском — «Оси координат».

* * *

Есть религиозный и атеистический пути в искусстве. Им соответствуют: смирение и бунт. Смирение принимает тот язык, который есть. Религиозный человек принимает мир, сотворённый не им — Богом. Каков бы он ни был. Бунт создаёт свой язык. Никакого Бога. Всё делаем заново.

* * *

Если ты стучишься в дом, никогда не войдёшь. Потому что там никого, кроме тебя, нет, а ты из-за стука не услышишь. Два вывода: 1. В дверь стучаться — в дом не войти. 2. Войти в дом можно только открыв дверь.

* * *

Крохотный городок. Сельмаг. Церковь в основном на замке. Кладбище, на котором покоится много больше людей, чем живёт вокруг. Матч выигран с большим перевесом.

* * *

Смущённое свидание с девушкой в фетовском «Зное» заканчивается строфой:

И как будто истомою жадной
Нас весна на припёке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

Из ничего сделано всё. (Мгновенно вспоминается из Георгия Иванова: «Только в мутном пролёте вокзала,/ мимолётная люстра зажглась...»)

Гандельсман Владимир Аркадьевич — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в Ленинграде в 1948 году. Окончил электротехнический институт. Автор более двадцати сборников стихов и записных книжек «Чередования». Лауреат «Русской премии» (2008), премии журнала «Интерпоэзия» (2014) и журнала «Дружба народов» (2022). Живёт в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге.

Предыдущие публикации в «ДН» — 2024, № 1.

Вообще — существенность его концовок. Как в «Упрёком, жалостью внушённым...»:

О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив!

И ещё в пандан к словам «в той вон аллее» в другом стихотворении Фета:

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

Это указание потом поддержит Набоков: «...Запомнишь вон ласточку ту?»

Вечности указывают, где она должна быть: здесь и сейчас — над *той* горой и в *этой* ласточке.

* * *

Женщина после смерти любимого (и известного) мужа, лет через двадцать, в интервью: «Лишний кусок жизни остался».

* * *

Ноев ковчег — больной зуб.

* * *

Бывает, моешь посуду, а она не кончается.

* * *

Я думаю, простая гениальность Пушкина недоступна не только школьникам, но и неопытному взрослому читателю. Школьников мучают образами Татьяны, Ленского, рассказывают, что Онегин нехороший человек и т.д., а потом школьник становится тем самым «неопытным взрослым».

Говорить надо о самих стихах.

Объяснить, почему так прекрасна пушкинская речь, невозможно, но то и дело я предпринимаю рациональные попытки это сделать. Вот из «Онегина»:

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,

Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир.

Ясный покой, ровно длящийся. Какая-то целомудренная невозмутимость. Звук же не просто безукоризненный, нигде не выпирающий, но интуитивно мастерский.

Обратите внимание на третью строку от конца «Смиренный грешник, Дмитрий Ларин», на то, как этот «надгробный памятник» стоит на четырёх «р». Не стоит, а покоится. То же происходит с третьей строкой от начала — «Перед супругом двери гроба» — те же четыре «р». Нет, это не сознательный приём, не умышленная игра в симметрию. Это гениальный слух, и это стихи, запоминающиеся с первого прочтения.

* * *

Особенная тоска в городах проездом.

Местные — как они живут? Туристу их жизнь представляется завершённой и даже конченной, поскольку расписана и разлинована в соответствии с жизнью их родни, с самим чертежом города, режимом учреждений и транспорта, тогда как у твоей нет здесь ничего предначертанного (судьбы). А что есть? Неизвестное и «чарующее» продолжение.

Та же ошибка восприятия у аборигена: турист — что за бессмыслица этот скучающий господин, учащённо заглядывающий в кафе, глазающий на витрины и зевающий на достопримечательности, или уже сытый и влачащийся ко сну?

Хорошо, если в таком восприятии преобладает жалость, а не презрение. Причина ошибки? Отсутствие энергии, рассредоточенность, желание во что бы то ни стало удержаться на поверхности заведённого порядка общения. Нецелостное, фрагментарное существование, небрежность «чтения». Беглый раб самого себя, никогда не обретающий свободы. Пусть не грех, но он несомненная погрешность, которая есть залог прижизненной маленькой и добровольной смерти. «Заграница — маленькая смерть».

* * *

Концовка пастернаковского «Лета»:

И это ли происки Мери-арфистки,
Что рока игрою ей под руки лёг,
И арфой шумит ураган аравийский,
Бессмертья, быть может, последний залог.

В гениальных стихах звук опережает смысл, и опережает так, что смысл углубляется, не зная об этом.

Мандельштам услышал прежде всего звук, когда мимолётно, увидев в гостях книжку, прочитал эту концовку и воскликнул: «Гениальные стихи!» Он никак не мог знать тех смыслов, которые обнаружили потом исследователи. (Например, что Мери — это Зина, жена Нейгауза, которая из пианистки превратилась почему-то в арфистку... Почему? Потому что надвигался ураган аравийский, шумящий арфой. Действительно, чем ещё шуметь урагану?)

Как только Пастернак вышел из звука, так сразу всё поблёкло в строке «бессмертья, быть может, последний залог».

Характерная черта Бориса Леонидовича в записи о поэме Маяковского «Человек» в исполнении автора: «Вещь необыкновенной глубины и приподнятой вдохновенности». Мало просто вдохновенности, ему подавай тавтологичное усиление: приподнятую вдохновенность. Но он знал, что говорил.

* * *

У неё безвкусная фигура, но развитое обаяние.

* * *

Женщина в мобильник: «Дыни пока в горшке, не знаю, пересаживать в землю или рано... А огурцы в этом году такие масенькие-масенькие...»

* * *

Всю свою читательскую жизнь возвращаюсь к Фолкнеру. И всякий раз поражаюсь. Откуда ощущение, что это происходит в вечности? Оно возникает почти мгновенно, с первой страницы. Мифологичность человеческой жизни. Её нетленное протяжение во времени. Как если бы речь шла о каких-то богах, хотя это самые простые люди.

Фолкнер переживает жизнь как что-то абсолютно значительное.

* * *

Борис Годунов после известия, что в Кракове появился самозванец, и разговора с Шуйским, в котором он хочет увериться, что Дмитрий был воистину убит (ему ли не знать?!), произносит монолог:

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась — и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилось убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвёт с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй — и нет его.
Так решено: не окажу я страха, —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

(Обращает ли внимание читатель на строки «вся кровь моя в лицо/ мне кинулась — и тяжко опускалась...»?)

Этот монолог — одно из свидетельств того, как гениально Пушкин усвоил уроки Шекспира. Явление призрака, напоминающее явление Банко на пиру в «Макбете»... И весь строй монолога, и рифмованная концовка, как это бывает у Шекспира для выражения сильной эмоции.

Другой пример — сцена Самозванца и Марины Мнишек (чудесно, что в сцене дважды звучит её фамилия в преображённом виде: «Не мнишь ли ты...» — сначала этот оборот употребляет Марина, а затем Самозванец). Марину интересует Самозванец

только в том случае, если он истинный царевич Дмитрий и сын Ивана Грозного. Сколько драматических поворотов на трёх страницах! Признание Самозванца, что он не Дмитрий, отчаяние Марины и её угроза выдать его, затем резкий поворот Самозванца от любви к «не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?» И вновь надежда Марины на то, что трон будет у него, пусть он не истинный наследник престола...

Двойственная глубина сцены ещё и в том, что Марина не может знать точно, кто он. А если он проверял её любовь и хотел вызнаться, будет ли она любить в нём просто человека, а не Дмитрия?.. Нет, не будет.

Здесь Марина напоминает леди Макбет, для которой главное — захват мужем королевской власти.

Не знаю, указывал ли кто-нибудь на любопытный факт: «Макбет» написан между 1603 и 1606 годами, и это время — время действия в трагедии Пушкина, соответствующее историческим событиям.

* * *

О Гоголе написаны тома, и эта писанина никогда не кончится, потому что разгадать его невозможно. Я предлагаю краткую и романтическую разгадку. Причём не только Гоголя.

Она — в «Портрете», в сцене, когда художник Чартков, заворожённый и напуганный живыми глазами, глядящими на него с портрета, засыпает, а затем трижды просыпается из одного страшного сна в другой, пока, наконец, не просыпается окончательно и не обнаруживает в портрете клад — свёрток с 1000 червонных. Они ему снились в его вешем сне.

(В одном из тех снов, где время идёт в обратном направлении, — он видит во сне то, что ему ещё предстоит увидеть наяву, — то есть энтропия, необратимое рассеяние энергии, уменьшается; однако события, уменьшающие энтропию, как было показано когда-то в мысленном эксперименте итальянского физика Макконе, не оставляют информационных следов, а значит, их невозможно изучать; добавлю от себя: сон таких следов не оставляет.)

Вот так миру снится Гоголь, пока мир с какого-то раза не просыпается окончательно и не обнаруживает, что это — литературное сокровище, свалившееся на него с неба. Энтропия благодаря такому сокровищу уменьшилась. Но мир, подобно Чарткову, пускается в дешёвый разврат, наполняясь чичиковыми и прочими плюшкиными, и гибнет. Распад берёт реванш.

В отличие от единичного случая Чарткова, случай так называемого мира — многократный: мир периодически воскресает, приходит в себя, затем ему снова снится Гоголь и т.д.

Разгадка в том, что ни Гоголя, ни мира на самом деле нет, поскольку нет окончательного пробуждения.

А вот и заключительное предложение «Портрета», когда после долгой речи сына художника на аукционе, из которой выясняется, что это портрет ростовщика из Коломны, дьявола, а не человека, что портрет по праву должен принадлежать ему, сыну художника, что отец просил перед смертью это дьявольское изображение уничтожить, — портрет исчезает:

«И долго все присутствовавшие оставались в недоумении, не зная, действительно ли они видели эти необыкновенные глаза или это была просто мечта, представшая только на миг глазам их, утруждённым долгим рассматриванием старинных картин».

* * *

Заезженная пластинка: «Писать стихи после Освенцима — варварство, и это подтачивает и само осознание того, почему сегодня невозможно писать стихи». Из этого высказывания Адорно следует, что уйма писавших и пишущих после Освенцима поэтов — варвары. Но ведь так и есть. На то они и варвары, чтобы не останавливаться в своих стремлениях.

Всё же надо уточнить: речь о плохих поэтах, а поскольку плохой поэт не поэт, а графоман, постольку речь о графоманах (варварах).

Поэты бывают только великие, и для них Освенцим никогда не прекращается. На их стихах — всегда печать трагедии. И тут мнение Адорно вздорно (прошу прощения, рифмовать не собирался). Стихи писать возможно. Каждый невинно убитый — освенцим, и каждое стихотворение это помнит. Оно есть покаяние и искупление вины тех, кто не помнит.

Замечательное стихотворение Ахматовой:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить её предстоит.
И только могильщики лихо
Работают, дело не ждёт.
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идёт.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,
Но матери сын не узнает,
И внук отвернётся в тоске.
И клонятся головы ниже.
Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

Эти стихи — покаяние и искупление вины сына, не узнающего свою мать (погребённую эпоху), и внука, отвернувшегося в тоске. Они не хотят помнить. Они варвары.

Трагизм подчёркнут очевидной аллюзией на трагедию «Гамлет», на утопившуюся и плывущую по реке во многих стихах и на многих картинах Офелию. А раз уж Ахматова говорит о погибшем Париже, то мы неизбежно и прежде всего вспомним строки из «Офелии» Рембо: «По сумрачной реке уже тысячелетье/ плывёт Офелия, подобная цветку...»

Есть память разума, но человек легко его теряет, и для этого не обязательно сходить с ума, и есть память сердца, которое имеет обыкновение охладевать и черстветь.

Поэт по определению не может очерстветь сердцем и утратить память. Батюшков: «О, память сердца! Ты сильнее/ рассудка памяти печальной...» (Добавим с грустной иронией: поэт, потерявший на склоне лет рассудок, знал, что говорил.)

Как огромная бойня — напоминание о каждодневной трагедии, так великий поэт — обострённый случай человека и напоминание, что можно не потерять, не очерстветь и не утратить...

* * *

Бродский: «Смерть — это то, что бывает с другими».

Фолкнер в «Шуме и ярости»: «Девственность ведь выдумка мужская, а не женская. Это как смерть, говорит, — перемена, ощутимая лишь для других...» (Это говорит отец Квентина.)

Джузеппе Томази ди Лампедуза. Князь, герой его романа «Леопард», говорит молодому племяннику Танкреду: «Смерть — это то, что случается только с другими».

* * *

Довольно кукусься! Бумаги в стол засунем!
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Почему на вопрос Липкина (или Тарковского?): не написать ли «парикмахер Антуан», — Мандельштам обвинил его в отсутствии слуха? Было бы слишком гладко зарифмовано? В «Франсуа» рифма звучит не в упор, но — располагаясь на благородном расстоянии?.. И тут меня осенило!

Вот что написано в книге воспоминаний «Господин Пруст» Селесты Альбаре: «Часто я видела, как он в постели занимался ногтями, и с какой тщательностью! Но зато сам он никогда не брился, а если не выходил из дома и никого не ждал, так и оставался небритым. Но когда ему нужно было куда-нибудь идти, я быстро бежала к г-ну Франсуа, неподалёку, на бульваре Малерб. Он, наверное, ходил ещё к отцу г-на Пруста. Г-н Франсуа сразу же являлся, это было всегда вечером; весь набор его инструментов — ножницы, кисточки, щётки и бритвы — так и лежал у нас на бульваре Османн».

Мандельштам просто не представлял себе другого имени для парикмахера.

* * *

Женщина, потерявшая рассудок (как теперь говорят: деменция), помнит не больше трёх-четырёх фраз, которые всё время повторяет. Подходит к зеркалу, видит своё отражение и произносит одну из них: «Ты меня любишь?»

* * *

У Набокова в рассказе «Порт»:

«Попался навстречу негр в колониальной форме, — лицо как мокрая галоша», — это расизм по нынешним меркам. Неужели Набоков ещё не запрещён в Штатах?

А вот, скажем, так: «Вошёл англичанин с лицом как бледная поганка», — совсем другое дело.

* * *

Абсолютная оригинальность Набокова, если не причислять его к детективщикам, в том, что читатель для него соперник, которого он хочет перехитрить. Как в шахматах, до которых он был большой охотник.

Всегда есть шах, за которым следует мат. Допустим, в рассказе «Удар крыла» мат — это смерть Изабель. Но до этого есть шах: опьянение Керна, его сон с заходом в комнату Изабель, прилёт ангела и удар крыла, предупреждающий её смертельный полёт на лыжах на следующий день.

В рассказе «Месть» — ложное подозрение мужа-профессора, что жена ему изменяет (в шахматах такое недоразумение называется зевком). Мститель подкладывает в её постель скелет горбуна, что приводит к смерти жены от испуга (профессор-биолог привёз его для университетской коллекции). Мат. Трагикомическая история с кукольным финалом. Напоминает увлечение Набокова закалывать бабочек.

Рассказ «Случайность» — не встреча в поезде из-за набора зевков-случайностей двух поневоле разлучённых, и как результат — самоубийство Алексея Лужина. Мат.

То же и во многих других его трудах. Всегда есть обманный ход, ловушка. И очень часто Набоков заигрывается и «ставит мат» уже не в естественной «шахматной партии», а в «шахматной задачке»...

Ситуация в повествовании из жизненной и живой превращается в мёртвую и придуманную. Ситуация — да, но проза — нет.

* * *

Жизнь дана человеку, чтобы привести себя в порядок.

* * *

Унизительно, когда вас ставят на колени (в прямом или переносном смысле, не важно) и диктуют свои условия, для вас непотребные. Но главное унижение состоит в том, что вы обращаетесь к высшим силам только тогда, когда вас принудили к ним обратиться, лишив связи со всем материальным миром, что вас ткнули мордой в это, и вы насильственно поняли, что высшие эти силы существуют, в то время как связь с ними должна быть непрерывно переживаема, потому что она есть.

* * *

Личная жизнь доводит до личной смерти.

* * *

Оден говорил, что верлибр — это игра в теннис без сетки. Предполагал ли он вариант игры не только без сетки, но и без мяча? Что есть, наконец, игры без зрителей?

* * *

Отсутствие таланта как приём. Можно сделать из этого отсутствия литературу. Изначально безграмотные стали писать неграмотно, делая вид, что это приём. Пустота как приём. Бесчувственность как приём. Культурность как приём.

* * *

Он тот, кто чувствует себя лучше, когда выходит из храма, а не входит в него. То же и с храмом искусств.

* * *

Хочешь вызвать к себе ненависть человека — облагодетельствуй его.

* * *

Чувство собственной правоты — спасительный ход обделённых.

* * *

Страшно, когда взрослый человек прибавляет в росте.

* * *

Культура — красивая жизнь смерти.

* * *

Финальная ремарка в пьесе:

«Люди подходят друг к другу, выражают соболезнования и расходятся».

* * *

Талант в этой прозе есть, но больше — ничего. «Талантливость мне мерзостью постыла».

* * *

Бергман говорит о том, что муки совести — это кокетство, поскольку они ничего не меняют. Постдостоевский субъект. Мучающемуся совестью не может прийти в голову мысль о том, что он кокетничает. А вот то, что происходит с Бергманом, — это кокетство и есть. Без мук совести. Всё оправдано великим фильмом. Кажется, он увлекался фашизмом?

* * *

Мой друг меланхолично молвил по поводу спасшихся во время пандемии: «Так всегда было во время эпидемий, возьмите хоть чуму 542 года. Выжили только хоккейные вратари».

* * *

Подсознание у всех одинаково, так что нечего делать из него искусство.

* * *

Если бы я не осветил Т. светом её любви ко мне, она так бы и жила в медленном потускнении своих недоразвившихся начал.

* * *

Репортёр из Москвы, затянутой дымом: «Люди выходят из дому только по большой нужде».

* * *

Во фразе из «Подростка» — «Улыбка была до того добрая, что, видимо, была преднамеренная» — весь Ф.М.Д.

Человек Достоевского? Бездарный скрипач, воображающий себя гением. Спивается. Но главное: он хочет оставаться бедным и несчастным, чтобы у него было оправдание его непотребной жизни.

* * *

Людей к старости начинает пугать их забывчивость. По-моему, надо радоваться.

* * *

Хороший человек вызывает подозрение.

* * *

В поезде: проводница с биркой-фамилией «Гандюхина».

* * *

Я бы катапультировался. Но некуда. Всюду люди.

Сергей Шаргунов

Юрий Казаков: главы жизни

Моему сыну — Ивану Шаргунову

Пайщики

Мы сидим с Галиной Алексеевной Арбузовой в кабинете Паустовского в его тарусском доме. Беру из её рук знаменитый пожелтевший альманах с берёзками на обложке.

Веха в истории литературы.

На 76-й странице рассказы Юрия Казакова, опубликованные в обход цензуры, ставшие одной из причин большого скандала.

«Пайщики» — так называл своих сотоварищей по этому сборнику Паустовский, и им это ужасно нравилось.

Историю «Тарусских страниц» непросто воссоздать полно и точно из разрозненных паззлов воспоминаний, часто противоречащих друг другу.

Григорий Свирский, в дальнейшем исключённый из Союза писателей и эмигрировавший, вспоминал, что сборник был задуман в Ялте ещё осенью 1958-го как ответ на закрытие «Литературной Москвы» — продуманная «контратака Паустовского».

В ту крымскую осень Свирского посреди ночи разбудили дикие вопли. Он выскочил босой, думая, что случилось несчастье. Это был Василий Смирнов, секретарь правления Союза писателей СССР, который размахивал руками перед лицом Александра Яшина, заходясь в истошном крике: «Жидам проданся! Жидам проданся!»

Вокруг собирались полуодетые люди.

Яшина тогда травили за крамольные «Рычаги».

Наутро Паустовский мрачно сообщил, что раскричавшийся Смирнов «днюет и ночует в Отделе культуры ЦК», писателей ждут очередные тяжёлые времена, и продолжил: «Журналы блокированы... Нужен прорыв. Нужен свой голос».

Сергей Шаргунов — писатель. Лауреат национальной премии «Большая книга» и других литературных премий. Книга о Юрии Казакове готовится к выходу в Редакции Елены Шубиной.

Таруса — то Русь. Говорят, отсюда название этого древнего города. Паустовский поселился здесь в 1955-м в скромном маленьком доме. Он был без ума от здешних пейзажей, но жилось трудно: редкое включение тусклого света, бездорожье, отсутствие водопровода. Переживая за обитателей городка, прежних и новоприбывших, он написал об их проблемах в «Правде». Газетная публикация имела тогда пробивную силу, её прочли в Совете Министров РСФСР, и, как вспоминал Константин Георгиевич, «решено было Тарусе широко и быстро помочь». В городе поставили высоковольтную трансформаторную подстанцию, настелили дорогу, пробурили артезианские скважины, провели четырнадцать километров водопровода. Женщины, до того ходившие на реку, снимали коромысла с плеч и благодарили писателя-избавителя.

Одновременно это место стало пристанищем людей искусства и вольномыслия, из-за концентрации которых Паустовский и сравнивал Тарусу с французским Барбизоном. Тут, за 101-м километром, обитали многие возвращавшиеся из лагерей и неудобные государству.

По воспоминанию Арбузовой, некий заговор — издавать живое и талантливое, обходя цензуру, — возник у них на тарусской подвальной кухне в 1960-м за ужином с соседями: поэтом, фронтовиком, лагерником Аркадием Штейнбергом и переводчиком, киносценаристом Николаем Оттенем, чей дом стал местом пребывания Надежды Мандельштам, а через несколько лет — Иосифа Бродского.

Кроме Паустовского, Штейнберга и Оттена в редколлегию (её никто не назначал, она создавалась сама) вошли и два жителя Калуги, без которых ничего бы не случилось и чьё движение к этой затее было встречным. Это сотрудники «Калужского книжного издательства»: начинающий молодой автор Владимир Кобликов и сразу энергично взявшийся за дело поэт Николай Панченко (его Паустовский прозвал «малиновый поэт»: если выпивал рюмку водки, становился красным). Кстати, это Панченко дал Окуджаве рекомендацию в КПСС. Ещё один человек, чья роль была важна, — главный редактор издательства Роман Левита, по образованию экономист.

Калужане приехали к Паустовскому с предложением выпустить его новую прозу, а он, подумав, сказал, что лучше было бы поддержать молодых, у него есть прекрасные рукописи... Очень вероятно, при этом он подумал о Казакове, о неизданных, замотанных по редакциям рассказах.

Паустовский с друзьями начал собирать альманах. Местному райкому его представили как сочинения «советских писателей о Тарусском крае», где первая часть будет отдана «маякам семилетки» — так с подачи Хрущёва именовали тогда ударников — дояркам, телятницам, свиноводкам, кукурузоводам и другим труженикам села. В первоначальном проекте были далеко не все авторы и произведения, вошедшие в «Тарусские страницы» (даже этого названия ещё не было), но сразу значились рассказы Казакова.

«В Калуге выходит, т.е. собирается выходить, сборник, в котором подбор авторов на удивление, в котором должен быть и я со своими мученическими рассказами», — сообщал Казаков Конечному в начале июня 1961-го из Тарусы, перечисляя тех, кто войдёт: Паустовский, Окуджава (повесть), Слуцкий, Цветаева, «кто-то ещё из хороших»...

«Барбизон» бурлил. Авангардный художник Валентин Воробьёв в своих сатирических мемуарах похвалялся, как летом 1961-го именем «главы прогрессивной партии» Паустовского пробил у начальства в Тарусе выставку картин московских «формалистов», открывшуюся в местном клубе второго июня. «Тарусские старожилы не помнили такого оживления в городе лет сорок подряд. С брички, запряжённой косматой лошадкой, сполз писатель Юра Казаков с бутылкой портвейна в кармане, за ним — его приятель Федя Поленов», — экспрессивно изображал художник. Вскоре выставка была закрыта. При всей гротескности изложения, очевидно, именно тогда и там, в Тарусе, пытались раздвинуть границы дозволенного.

Казаков рано радовался сборнику — трудности возникли с самого начала, ещё на стадии согласования с калужским обллитом.

«Приходилось где-то обманывать, лукавить, — вспоминал Панченко. — Когда я принёс в обком эту огромную стопку бумаги, я, конечно, вместо острых рассказов Казакова положил не острые».

В какой-то момент потребовалось предъявить *те самые* рассказы. По их поводу в июле 1961 года Оттен уговаривал засомневавшегося директора издательства Алексея Сладкова: «Рассказы Ю.Казакова все мы считаем отличными, и особенно высоко ценит их К.Г.Паустовский», и попытался подладить диковатые для советского сознания сюжеты под идеологические запросы: «Рассказ “Запах хлеба” — гневное изобличение городской мещанки, оторвавшейся от сельского труда. Рассказ “В город” раскрывает психологию шабашника, политически актуален и отлично написан. Все мы горой за эти рассказы. Не сомневаемся, что если вы ещё раз внимательно их перечтёте, то согласитесь с нами».

И ведь стал перечитывать! По воспоминанию Панченко, уже завизировав альманах, этот директор вынул из него несколько страниц — увлекло: «Я, пожалуй, ещё почитаю: очень, знаете, зачитался Казаковым». А может, всё не мог решить: допустимо или нет...

Осенью 1961-го, вернувшись со своей возлюбленной Мариной Литвиновой с Севера, Казаков опять наведился на любимую Оку. 10 сентября он извещал Паустовского, что «видался и даже выпивал» с Левитой и понял, как всё шатко: «Его настроение мне очень не понравилось».

Главред издательства просил Казакова рассказать Паустовскому о сложностях и тревогах. Он дорожил своей должностью, у него выходила диссертация, ему была обещана квартира в Калуге. Чувствуя подставу, он начал переживать: а не лишат ли всего? Эх, знал бы, что и не только этого... Левита пожаловался Казакову: давят в обкоме, там не нравятся три вещи — стихи Самойлова, повесть Окуджавы и, собственно, казаковские рассказы, — всё хотят выкинуть, и просил от Паустовского заступничества и твёрдости, и обещал тоже не отступать. «Ясно только одно, — внушал Казаков Паустовскому, — со сборника глаз нельзя спускать, и нужно что есть силы торопить и двигать вперёд дело, чтобы сборник вышел в задуманном виде. Тогда это будет победа и такая вещь, какой можно даже и погордиться. Общипанный сборник никому будет не нужен».

«Как там сборник поживает? — 26 сентября тревожился Казаков из Печор в письме тому же адресату. — Очень хотелось бы узнать».

При этом осенью 1961-го вышла-таки в «Советском писателе» его новая книжка рассказов «По дороге», с которой затащили. Светло-зелёная, небольшая, можно сунуть в карман дождевика — на корешке золотым тиснением: «Юрий Казаков».

Но самые непроходные рассказы всё же были для «Тарусских страниц».

Сборник составлялся не без споров и ссор. «Паусту было на всё наплевать», — в раздражении записал Оттен. Несправедливо, конечно, но понятно, что Паустовский дорожил всеми не в равной степени и верен был главному принципу — дать дорогу новым авторам, которых мало и плохо публикуют, впихнуть побольше «неформата». В альманахе было 320 страниц. Все материалы украшали чёрно-белые картины русских художников, в основном из фондов дома-музея Поленова. Результат коллективных усилий получился несколько эклектичным, впрочем, сквозная тема обнаруживается легко — человечность. У большинства авторов была какая-то искренне-хмельная интонация. И проза, и стихи от первого лица...

Борис Балтер дал повесть «Трое из одного города» о старшеклассниках незадолго до войны, где о самой войне почти не говорилось, но её тень нависала неотступно. Вещь получит потом название, взятое из песни Окуджавы «До свидания, мальчики!», и это Балтер привлёк Окуджаву в сборник с исповедальной повестью «Будь здоров, школяр» о растерянности и страхе вчерашнего школьника на фронте. Ещё одна повесть — приключенческий таёжный травелог в исповедальной манере «Мы обживаем землю» Владимира Максимова. Юрий Трифонов напечатал в альманахе маленький настроенческий рассказ, написанный в Тарусе, «Однажды душевной ночью...»: случайная встреча в ночном Ашхабаде, «где лают собаки и пахнет уборной», с беженцем из Испании — бессюжетно и чарующе, так удававшееся ему сочетание бытовизма и лиризма.

«Тарусские страницы» — это первая серьёзная публикация прошедшего тюрьму и ссылку Наума Коржавина, пронзительно-резкий Борис Слуцкий, Давид Самойлов с небольшой поэмой «Чайная», которую нигде не печатали, о столкновении инвалидов-обрубок войны с начальством, Владимир Корнилов с грубой и откровенной поэмой «Шофёр», которую он читал по домам¹, — о неудачной любви и злключениях на целине. Груб был и Панченко со ставшим хрестоматийным: «Девчонка парикмахершей работала./ Девчонку изнасиловала рота».

В сборник вошли сорок четыре стихотворения Марины Цветаевой, по большей части эмигрантские («Глазами казнённых,/ Глазами сирот и вдов...»). С Тарусой через личные и семейные радости и трагедии была связана её судьба с самого детства. Живя в Париже, она просила начертать на надгробном тарусском камне: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Похоронили

---

¹ И которая ещё в 1958 году была воспрещена к печати Гослитиздатом, а следом был запрещён и альманах «Литературная Москва», куда её собирались включить.

в Елабуге... Завещание, опубликованное в сборнике, вдохновило одного из читателей, киевского студента Семёна Островского, добраться до Тарусы на попутках, найти камень и рабочих и установить ей первый кенотаф уже в 1962 году, правда, простоявший около недели.

Были представлены с тёплым комментарием десять не печатавшихся ранее стихотворений Николая Заболоцкого. Подорванный лагерем, он провёл в Тарусе два последних лета жизни (1957—1958 годы). Рядом шли воспоминания и заметки о расстрелянном Всеволоде Мейерхольде.

Впрочем, не подмажешь — не поедешь. В 2011 году первая жена Владимира Корнилова Галина Корнилова, чей рассказ был опубликован в сборнике, утверждала, что в «Тарусских страницах» «нет ни единого слова о руководящей роли партии в жизни страны и народа», равно как и о «великих свершениях». Она, конечно, забыла. Открывали альманах здравицы в честь родной партии, её Программы и XXII съезда. И никак было не обойтись без того коллективного труженика, который «показывает путь к коммунизму», обладая «новыми коммунистическими чертами характера». Таковы определения из анонимной заметки, проложенной между очерками Паустовского «Городок на реке» и «Хлопот полон рот» Надежды Яковлевой. Яковлева рассказала о странном счастье Анны Козловой, агронома колхоза им. Сталина. На самом деле, автором этого и других портретов «колхозных маяков» была Надежда Яковлевна Мандельштам, объехавшая несколько деревень района. В очерке «Куколки», о тарусских вышивальщицах, одна из которых готовилась выйти на Первомай в красиво расшитой блузке, она без обозначения автора дважды цитировала погибшего поэта — известное «и снова скальд чужую песню сложит и как свою её произнесёт» и из стихотворения, тогда в стране ещё не опубликованного: «Камни трогает клещами, щиплет золото гвоздей», — строка была подана как продолжение старинной величальной песни про то, как жена наряжает мужа на праздник. Бесконечно важное для неё проращивание памяти о любимом.

Арбузова поведала мне байку: потом, когда сборник принялись топтать, Паустовский несколько раз слышал от бонз (он называл начальников бонзами): «Всё у вас плохо, только очерки Яковлевой хороши. Кто такая эта Яковлева?»

Вместе с Мандельштам корректурой в альманахе занималась Фрида Вигдорова, написавшая педагогическую статью о том, как в школе детей изнуряют фальшивыми наставлениями и постоянными запретами и как важно дарить им свободу. Заодно она вступила в полемику с Кочетовым, обвинявшим через «ЛиЖи»¹ новых писателей-«пижонов» в том, что они способны лишь «чирикать», как пушист снег на Никитском бульваре (очевидно, поблизости от Литинститута). «Если литератор не видит, как пушист снег, — возражала Вигдорова, — то какой же он литератор?»

Паустовский выступил с изящными эссе о писателях (Бунин, Олеша, Блок, Луговской), нежно, но многократно нажимая на русскость, бесконечно родную ему и разлитую в природе, провинции, людях, истории и литературе, словно бы

---

¹ Газета «Литература и жизнь», орган правления Союза писателей РСФСР.

заслоняясь от мнительного «охотнорядца», который, заглянув в сборник, выпалит известную брань, как тот самый ночной дебошир в Ялте.

А у Казакова вышли рассказы, до этого везде отвергнутые: «Запах хлеба», «В город», «Ни стуку, ни грюку».

Здесь, на контрасте, видишь, почему его проза могла казаться неуместно старинной, и вспоминаешь Михаила Булгакова, чью литературу — с той же претензией — поначалу не воспринимали запальчивые коллеги по «Гудку».

Теперь, поставленные рядом, эти рассказы как будто утроили свою опасную силу. Нет, они не были столь ужасно аморальны, как мнилось пуристам, но многогранностью героев и ситуаций бросали вызов официальной морали.

В рассказе «Ни стуку, ни грюку» москвич связался с удалым нехорошим попутчиком и забрался с ним в деревню, где тот соблазнил юную телятницу.

Рассказ «В город». «От хорошего не побежишь!» — говорит председателю колхоза, который покидают работники, мужик, тоже решивший уехать. Василию Каманину пятьдесят пять — столько Казаков и прожил (Каманин — его фамилия по матери). Для грязной деревенской дороги писатель выбрал эпитет «исхлюсданная», в дальнейших изданиях исправленный на «исхлюстанная», но можно догадаться, как нравилась ему более грубая и выразительная «д». Хотя и во втором варианте слово редко употребляется в литературе: народное, природное и одновременно оригинальное, авторское. А уж «исхлюсданная»... Вспоминается приписываемое Хлебникову: «А таких, как я, вообще нет». По свидетельству Андрея Битова, Казаков говорил ему о себе именно этими словами: «Такого, как я, никогда не будет!»

«А какой я недавно рассказ написал, если б Вы знали!.. — сообщал он Паустовскому в 1960-м о «Запахе хлеба». — Маленький рассказик, но я им страшно доволен, так, как не был доволен почти ни одним. Его тут в Москве все читают, но печатать наверно никто не будет». И жаловался на «Октябрь», отвергший этот и другие рассказы. Конечно, под влиянием таких писем Паустовскому страстно желалось помочь талантливому Юре и в его лице молодой русской литературе.

Дуся, давно переехавшая в город из смоленской деревни, узнала, что у неё умерла мать. Спустя некоторое время, приехала продать дом, и ей казалось, что она вернулась в свой детский сон, полный запаха хлеба. Когда мальчик-племянник привёл её на кладбище, при виде небольшого сизого креста в суглинке она внезапно испытала дикую боль, поползла к могиле с рыданиями и неизвестно откуда взявшимися словами: «Матушка моя родная, ненаглядная... Кто меня приласкает, кто меня успокоит?» — зарылась лицом в землю. Напуганный мальчик убежал за взрослыми, которые нашли Дусю, стонущей в беспамятстве: «Лицо её было черно от земли». Вот оно — подлинное почвенничество.

А наутро, повеселевшая и спокойная, она рассказывала сестре о своём городском благополучии и собиралась на поезд.

Оммаж «Телеграмме» Паустовского (многозаботливая дочь смертельно опоздала к ждавшей её матери). Но рассказ не только о бессердечии к самому

близкому человеку, оставленному ради новой жизни, а больше, пожалуй, о сиротской тоске по отрубленным корням.

Прежде чем состояться, альманах прошёл не одно испытание и многократно был на грани провала. Чтобы добиться его выхода, ловчить надо было по-всякому: подменяли тексты, давали читать разным цензорам кусками, чтобы сбить с толку, Панченко стирал ластиком с полей карандашные вопросительные знаки и переставлял их в безобидные места. Секретарь обкома по идеологии Сургаков демонстративно положил рукопись под пресс-папье и разлил по рюмкам: «Вздрогнем!» — он доверял Панченко по-товарищески, как фронтовик фронтовику. А когда подписывать сигнальный экземпляр не захотел главный областной цензор Овчинников, альманах всё равно удалось запустить в печать, подогревая работников типографии «четвертинками».

Вдобавок, по утверждению Окуджавы, Паустовский позванивал помощнику Хрущёва по культуре «просвещённому» Владимиру Лебедеву, и тот помогал.

Сборник, в конечном итоге приобретший репутацию чуть ли не диссидентского, выпускался буквально как «трудовой подарок писателей съезду партии»¹. Поэтому и гнали с вёрсткой и печатаньем вопреки любым издержкам, — он должен был выйти и вышел-таки в октябре, буквально к XXII съезду. Первая тысяча экземпляров «Тарусских страниц» (на лощёной бумаге) была изготовлена именно для Кремлёвского дворца, для делегатов. И никто не помешал продавать, и всё смели подчистую!

Как ни странно, эта привязка к съезду была уместной (скорее всего, интуитивно, но, возможно, благодаря тайным кураторам и подсказчикам вроде Лебедева), — ведь именно на том съезде постановили вынести Сталина из Мавзолея и переименовать всё, что названо его именем (получается, Надежда Мандельштам с очерком о соответствующем колхозе зафиксировала уходящую эпоху).

Но почему-то, при всей крутизне выступлений и решений съезда, альманах, который как будто был ко двору — возвращаем имена невинно пострадавших, — не просто впал в немилость, а вызвал кары госаппарата. Почему? Вероятно, из-за идеологической инерции и неприятия системой попыток её перехитрить, поиграть в неподцензурную самостоятельность. Альманах претендовал на право самостоятельного, несогласованного толкования действительности. Но главная причина — внутрилитературная борьба, сопровождаемая доносами наверх.

Следующие тридцать тысяч экземпляров успели выпустить на газетной бумаге.

Владимир Максимов вспоминал, как авторы собрались у Оттена в Москве, в квартире на улице Горького, и в ожидании тиража Борис Слуцкий сказал: «А знаете, товарищи, ведь сейчас совершается история литературы!»

Сборник привезли двумя грузовиками и стали продавать не где-нибудь, а на площади Дзержинского, куда сразу набежала толпа. Возможно, уже это было воспринято как дразнящая акция.

---

¹ Роковое повторение: в 1956-м «Литературная Москва» выпускалась к XX съезду партии.

По воспоминаниям Окуджавы, ещё одна счастливая посиделка была в редакции «Литгазеты», но почему-то теперь говорили шёпотом. В кабинет заскочил критик Григорий Соловьёв и с порога объявил с ухмылкой: «Можно громить, не читая. Из-за одних фамилий». Все замолчали. «Ну ты, давай отсюда!» — прошипел Максимов.

Хотя в альманахе и впрямь преобладал «социально опасный элемент», поначалу реакция в столице была сдержанной и даже благожелательной. Позитивные анонсы дали газеты «Советская Россия» и «Московский литератор», но рецензировать сборник никто не спешил — выжидали. Только в популярном еженедельнике «Неделя» (приложение к «Известиям», затеянное главредом газеты Алексеем Аджубеем, зятем Хрущёва) за 19—25 ноября альманах всё же был упомянут, пусть и без названия. По итогам круглого стола, посвящённого «молодому человеку наших дней», было опубликовано несколько реплик. Юрий Казаков сетовал на «воспитательные» разговоры, которые «ведутся с помощью стука кулаком по столу», — читается как намёк на горячечный стиль Никиты Сергеевича, но понятно, что это обобщённый образ охранителя. Казаков говорил о тех, кто после первых же шагов писателя «уже стремится обвинить его чуть ли не во всех смертных грехах», а тот «от рассказа к рассказу» под этим давлением «старается быть более обтекаемым, осторожным, гладким» и теряет себя. Видимо, он чувствовал эту опасность художественного перерождения и так, проговаривая её, ей противился. Обозначив тему: «Какая молодёжь приходит в литературу», — Казаков передал слово Паустовскому. Тот твёрдо определил: «нашей литературной молодёжи трудно печататься» и рассказал, что именно поэтому «мы решили создать у нас в Тарусе сборник». Он обвинил «доктринёров», которые насаждают «приспособленчество в литературе» и из молодых «делают пай-мальчиков». Дискуссию подытожил Василий Аксёнов, тем летом выпустивший в «Юности» повесть «Звёздный билет», сильно раздражившую консерваторов (прежде всего, стилистически). «Честное слово, — сказал он, — мне хочется поддержать Казакова в том, что критика часто бывает несправедлива к молодым писателям. Когда тебя называют “знаменосцем духовных стилиг”, ей-богу, это не очень вдохновляет». И, открещиваясь от обвинений, задумчиво заявил: «Для комсомольцев наших дней понятия “Советская власть”, “коммунизм” естественны, как “папа” и “мама”». Забавно, что, пламенный реакционер, критик Владимир Бушин был упомянут как присутствовавший при разговоре, но ни одного его слова «Неделя» не напечатала.

«Огорчаюсь по поводу молчания прессы о “Тарусских страницах”, — писал 27 ноября Оттен критику Дымшицу. — А ведь это, ей богу, книга, а не ёж! Её можно взять в руки...» — и как будто не знал, кому жалуется, — между прочим, заместителю Кочетова в журнале «Октябрь». Больше того, как следовало из предыдущего письма, Оттен настойчиво добивался встречи с Дымшицем, дабы преподнести сборник.

Впрочем, заметили бы и без этих стараний. «Таруса» — сборник — звонкая пощёчина всем Кочетовым», — в одном из писем отзывался Корней Чуковский.

В памяти Галины Арбузовой запечатлелся приезд «начальника по культуре» из Калуги, которого пригласили на ужин, и последующие домашние разговоры

о том, как он гордо, на свою и общую беду, повёз «Тарусские страницы» на писательское собрание в Москву, и в тот же день взбудораженная группа поспешила в ЦК с донесением. Возможно, речь о собрании московских писателей, состоявшемся 23 ноября в Большом зале ЦДЛ.

В любом случае происходившее стало продолжением сражения между освободительной группой Паустовского и автоматчиками партии.

Оттен просил реакции — и допросился. 22 декабря «Литература и жизнь» опубликовала статью Дымшица «Работать дружно». Не называя фамилий, критик вступался за близкий ему круг, который «не перестают огульно хаять» и персонально за «одного писателя, обладающего острым чувством современности» (Кочетова), оскорбленного «Тарусскими страницами»: «Ответ не замедлил появиться — он “грянул” из Москвы через Калугу...» Несколько раз прилежно упомянув избавление от «культа личности», Дымшиц прикладывал альманах авторитетом первого большевика («То, что Ленин называл интеллигентской шпилькой, — оскорбительный “укол”») и нового хозяина страны («Право же, с такими “полемическими красотами” пора расставаться... Об этом совсем недавно замечательно сказал Н.С.Хрущёв»).

Занятно, что в новом письме Дымшицу Оттен теперь уже пытался его успокоить и даже заверял, что один из немногих ценит кочетовские литературные способности.

Одновременно с просьбами Оттена именно Дымшиц получил партийное поручение на ту же тему — составить аналитическую записку о сборнике. Ах, поручить ему не трудно, он сам отчитываться рад... Поручавший — заведующий сектором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР Борис Стукалин прекрасно знал, к кому обращается. 23-м декабря датирована закрытая рецензия Дымшица, который разобрал сборник, чтобы сделать вывод, что он «решительно не отвечает» Программе КПСС, а многое отразил «превратно и извращённо».

«Не могу одобрить публикацию материалов Марины Цветаевой, носящих резко-выраженный индивидуалистический характер», — сообщал ответственный читатель. Его не порадовало и то, как Паустовский «захлёбывается от восторгов» в отношении Бунина. «Напечатать “Жизнь Арсеньева” без купюр у нас оказалось невозможно», — удовлетворённая констатация. А дальше — вслед за Буниным с его «жестоким объективизмом», воспринятым столь «некритично», — в роли ученика Паустовского возникал Казаков, в чьих рассказах это влияние «вновь сказалось довольно отрицательно». Дымшиц признавал, что Казаков «одарённый писатель», но тем хуже для этого издания, потому что «густо натуралистические, мрачные, с отталкивающими персонажами» картины выглядят художественно убедительнее жизнеутверждающих, но слабых очерков Надежды Яковлевой.

В тот же день, 23 декабря, что, думается, неслучайно — вдарим все вместе, близок Новый год, не успеют ответить, — главная партийная калужская газета «Знамя»¹ опубликовала обширный материал «Во имя чего и для кого?»

---

¹ В газете «Знамя» в 1952-м случилась одна из первых публикаций стихов Окуджавы, учительствовавшего в здешней школе, а первая его книга вышла в этом самом «Калужском книжном издательстве».

с похожими суждениями, но высказанными совсем оголтело, за двумя подписями — завкафедрой литературы местного пединститута Кучеровского и доцента той же кафедры Карпова.

Напомню, так же архангельская газета «Правда Севера» задавала тон в нападках на Казакова. Принцип демократического централизма в действии: сигналы с мест...

Провинциальные разносы отличались прямолинейностью.

Сразу обозначалось, на что и от кого ответ: «Не случайно, что в сборнике берётся под обстрел статья В.Кочетова “Лицо писателя”, в которой он выступил против объективистски-эстетского подхода к изображению жизни и кучки литературных “пижонов”, подделывающих под чуждые нам вкусы». Чуждый сборник с отвращением раскладывался по составу: от Корнилова к Максиму, от Паустовского к Цветаевой, упоминалась и попытка «реабилитировать “мейерхольдовщину”», но отдельной пристрастной вивисекции удостоен был Казаков.

Его «авторская позиция», как утверждалось, свелась к желанию воспевать «уродливые явления жизни», «уродливые страсти», «зоологические инстинкты», «тёмные тона». Переживания Дуси на могиле матери — это лишь «звериный припадок тоски», в рассказе про студента в деревне достигают крайности «цинизм, пошлость и подлость», в рассказе «В город» «поэтизируется звериное начало в человеке», что ясно видно из сцены заклания животного: «Все детали и подробности этого процесса, от сладострастной жестокости Василия и до конвульсий издыхающего барана, описаны с такой обстоятельностью и смакованием, что это сделало бы честь любому правоверному представителю натурализма».

С такими эстетамы надо бы решительно размежеваться, понятно ведь, кто чёрен и грешен («жизнь в рассказах Ю.Казакова лишена одухотворённости, а люди — черт благородства»), а кто светел и свят: «Создаётся впечатление, что авторы сборника забыли известные слова Н.С.Хрущёва, сказанные в речи на III съезде писателей: “...На кляче отрицательного не только из болота нельзя выехать, а и по хорошей дороге далеко не уедешь”...» Нынешнему поколению заповедано возделывать райские сады коммунизма, а тут на тебе — на берегу Оки вырос наглый сорняк: «Читая “Тарусские страницы”, испытываешь ощущение неполноценности бытия, духовной ущербности персонажей. В целом этот сборник может быть только дурным советчиком нашей молодёжи».

В тот же день Оттен писал Дымшицу из Тарусы, что говорил с Паустовским об этой статье, и у них даже появилась мысль подать в суд на «проработчиков». И всё-таки они наивно понадеялись, что статья эта — «плод местной склоки», а не заказуха из центра.

Однако архивы показывают: ещё 16 декабря Калужский обком давал аж в ЦК КПСС объяснительную — всё валили на Паустовского: обещал посвятить сборник сельским труженикам («Тарусский район является одним из ведущих по выращиванию кукурузы»), но, как недвусмысленно намекалось, обманул. Что касается намеченной допечатки, которой к тому времени ждала читающая Россия, обком рапортовал о решении отменить её «из-за отсутствия бумаги»

Платформа искусства

Литература первой четверти XXI века: мысли вразброс

В круглом столе принимают участие:

*Евгений АБДУЛЛАЕВ, Ольга БАЛЛА, Мария БУШУЕВА,
Владимир КОРКУНОВ, Борис КУТЕНКОВ, Александр МАРКОВ,
Михаил ПАВЛОВЕЦ, Николай ПОДОСОКОРСКИЙ,
Валерия ПУСТОВАЯ, Александр ЧАНЦЕВ*

Как-то вдруг выяснилось, что пролетела четверть века.

Страна, с тревогой и надеждой ожидавшая миллениума, — это уже история. За небольшой по её меркам отрезок времени сменилось несколько эпох. И в сфере идей, и в глобальной геополитике, и в области техники и технологий. Менялись цели и приоритетные ценности, трансформировалось общество. В жизнь и в литературу пришли новые поколения. От чего они отрекаются, что заимствуют и развивают и что новое принесли с собой?

В потоке перемен важно нащупать твёрдую почву под ногами. Мы собрали для этой ответственной миссии десятку волонтеров — активно работающих литературных критиков.

Наводящие вопросы:

1. Если сравнить с литературной жизнью такого же периода века XX (события и тенденции, литературные поиски и направления, организации и группы, бытование писателей), то окажется, что... —?

2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

*Евгений Абдуллаев, литературный критик, прозаик,
поэт (Ташкент)*

«Остались люди. Значит, есть надежда»

1. С XX веком вообще что-то трудно сравнивать. Особенно с первой его половиной. Сгущение исторического времени, плотность событий — просто невероятная. В том числе и в литературе. Вот только один 1925 год, только русская литература. «Собачье сердце» Булгакова. «Донские рассказы» Шолохова. Сборник малой прозы Пастернака. Цветаева пишет своё «Рас-стояние: вёрсты, мили...». Мандельштам — «Сегодня ночью, не солгу...» и «Из табора улицы тёмной...». Можно ещё перечислять. Впрочем, ретроспективно всё выглядит всегда гуще, чем это видится современникам.

И всё же, по густоте событийного ряда первая четверть века прошлого и нынешнего резко отличаются. Собственно, начало XXI столетия совпало с завершением довольно интенсивного политического существования и выходом в историческую паузу. Даже военные конфликты и теракты первых годов нового века были, по сути, длинным следом 90-х. Дальше шла полоса инерции.

В новом столетии общество продолжало доживать предыдущее, двадцатое, но без его исторических ломов и тотальных трансформаций. Доедать его остатки. Договаривать его идеи (потерявшие весь свой взрывной смысл), досматривать его фильмы, донашивать его джинсы, рубашки и куртки (разве что производимые теперь большей частью в Китае).

То же и с литературой. У нас пока ещё литература XX века. Включая ту, которая считает себя «модернистской». Препарирует остатки модерна первой четверти прошлого века. Но и это неплохо.

Последние три года что-то стало сдвигаться. Писать снова становится трудно и больно. Подул ветер истории, пока локально. Ещё нельзя сказать, как это сказал сто лет назад Мандельштам: «Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз...»

Возникла необходимость не просто в поисках нового языка — а новой системы языкового мышления.

Вместо этого все говорят об искусственном интеллекте. Что скоро он за нас всё будет писать. И, вероятно, читать — тоже только он. Сам писать и сам читать. А мы не сможем даже переквалифицироваться в управдомы, такой должности теперь нет.

Кстати, начало этого века как раз совпало с широким распространением Интернета. И радостью по этому поводу. В случае литературы, как выяснилось, необоснованной. Интернет, запрудивший сознание информацией, легкодоступной, бесплатной и, чаще всего, бесполезной, уничтожил треть смысла в том, что зовется литературой. Сейчас приход ИИ грозит уничтожить вторую треть.

На третью бегут с топорами и вилами борцы за нравственность.

Впрочем, столетие назад тоже казалось, что всё кончается. «С кем ни начнешь беседу — все говорят, — русская литература кончилась, отдала богу душу, репёжм поросла. А была когда-то великой, была великим обличением и совестью, теперь прикрыла лицо, стала великим молчанием». Это Алексей Толстой писал в 1918 году.

Будем надеяться, переживем и нынешний метеоритный дождь.

2. Конечно, с позиции сегодняшнего дня, нулевые кажутся почти расцветом.

Поколения читателей, воспитанные на советском культе литературы, были ещё многочисленны и активны. Толстые журналы, хотя и затягивали пояса, всё ещё рулили в литпроцессе. Появились какие-то государственные вливания, и частные меценаты пока ещё были щедры; издательств, игравших на равных, было много; новых литературных проектов (журналов, фестивалей, премий) было много. Цензуры фактически не было.

Но что касается надежд... Может, у кого-то тогда были; у себя их не диагностировал. Тиражи продолжали падать, гонорары скукоживаться, новые гоголи — не являться.

Но, главное, уходил читатель. Отчасти в мир иной (особенно наиболее активный, из «шестидесятников»). Но чаще — в иные миры: визуальные, музыкальные, информационные, ставшие благодаря Интернету предельно доступными.

В 2010-м Лев Данилкин сравнил литературу нулевых с «клуджем»: программой, которая теоретически не должна работать, но почему-то — работает.

Почему она всё-таки работала в нулевые, — смотри выше. Почему она работала в 2010-е? Скорее, по инерции. Плюс благодаря неожиданному оживлению библиотечной системы.

Почему она работает сегодня — самый большой вопрос. Все прежние «рабочие элементы» или вышли из строя, или выведены из него. Или вращаются, но уже из последних сил. Остались, правда, люди. Значит, есть надежда.

3. Сразу признаюсь: почти за четверть века литкритической работы так и не научился высокому искусству составления топов и рейтингов. Как-то ранжировать 10—15 книг (на какую-то конкретную премию, например) ещё могу — и то, с сомнениями и вздыханиями. А тут — «за два с половиной десятилетия...», да ещё «самые глубокие...».

Вообще, всё это мне напоминает начало из «Сороки на виселице» Эдуарда Веркина: «Год, когда никому не известный Феликс Конрад напечатал рассказ “Бабушка-удав”, был удивительно удачным для литературы — на Земле и в пределах расширявшейся ойкумены опубликовали почти полторы тысячи романов, четыре тысячи восьмьсот повестей, двадцать три с половиной тысячи рассказов. В тот год вышли “Вертопрах”, “Гадание на рыбьих костях”, “Сын грома” и “Скорость дня”, “Волчий пастырь” и “Бродячая зима”, у Конрада не было ни малейшего шанса остаться замеченным».

Вот и мне отобрать из всех этих тысяч текстов, вышедших за последние 25 лет в России и «и в пределах расширявшейся ойкумены», сложновато. И не только потому, что и вышло (и прочитано) очень много, и ойкумена, особенно в последние годы, сильно расширилась. Главное, помнишь об условной «Бабушке-удаве», которую ты мог просто пропустить, а вот она-то и останется...

Чтобы совсем не выглядеть отлынивальщиком, какие-то книги всё-таки назову. Не «самые-рассамые», но те, что, возможно, стоило бы прочесть. Учитывая специфику журнала — русскопишущих авторов, живущих в постсоветских государствах (по одной книге); за исключением Азербайджана, Туркмении и Таджикистана (увы, недостаточно знаком с их современной русскоязычной литературой).

Итак, двигаясь с северо-запада на юго-восток:

Эстония. Ян Каплинский, «Белые бабочки ночи» (Таллин: Kite, 2014). Удивительные, прозрачные верлибры, на которых отдыхают глаз и сердце. Если бы выбрал прозу, назвал бы любую книгу Андрея Иванова.

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

Латвия. Сергей Тимофеев, Stereo (Рига: Орбита, 2012). Тоже верлибр, но более сложный и парадоксальный.

Литва. Лена Элтанг, «Каменные клёны» (М.: АСТ, Астрель, 2009). Вязкая и одновременно очень тонкая метафорическая проза.

Беларусь. Сложно выбрать что-то одно: тянет упомянуть и прозу Ольгерда Бахаревича, и Александра Филиппенко... Назову из относительно последнего: Хелена Побяржина, «Волсарб» (М.: Альпина Нон-Фикшн, 2023): погружение в историю места, и идиллическое, и тревожное.

Украина. Тут тоже сложно выбрать что-то одно. И всё же: Александр Кабанов, «Бэтмен Сагайдачный» (М.: Арт Хаус медиа, 2010), наверное, самая известная и яркая его книга.

Молдова. Едкая и печальная антиутопия «Табор уходит» Владимира Лорченкова (М.: Эксмо, 2010).

Грузия. Инна Кулишова, «Фрески в воздухе» (М.: ИП Елена Алексеевна Пахомова, 2014); тонкая, ломкая, очень интимная лирика, при этом чуткая и к религиозным темам, и к политическим болевым точкам.

Армения. Тут даже особых сомнений нет. Мариам Петросян, «Дом, в котором...» (М.: Гаятри / Livebook, 2009).

Казахстан. А вот здесь сложно выбрать из многого. Назову «Перигей» Михаила Земскова (М.: Бослен, 2009), с которой у меня началось знакомство с современной казахстанской литературой — потом были и Юрий Серебрянский, и Илья Одегов, и Айгерим Тажи, и Аман Рахметов и многие другие.

Узбекистан. Шамшад Абдуллаев, «Неподвижная поверхность» (М.: НЛО, 2003). Не очень близкий мне поэтический голос — но представить без него современную литературу Узбекистана невозможно.

Киргизстан. И снова — проблема выбора. Алексей Торк или Владимир Лидский? Или недавно появившийся ex nihilo Даниэль Бергер? Пожалуй, Бергер, — хотя его проза наименее всего связана с киргизскими реалиями. Просто сейчас как раз читаю его новый роман, «Воскрешение из мёртвых» (М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2025) — увлекательный, пестрый, мастерски сделанный...

Даже если какого-нибудь Феликса Конрада пропустил, выглядит небедно.

Как аналогичный список будет выглядеть через 25 лет, боюсь загадывать. Ожидания у меня не слишком радужные (разве что вроде радужных потоков на мокром асфальте). Но будем двигаться дальше. А что ещё остается?

Ольга Балла, литературный критик (Москва)

«Большие разломы не только катастрофичны, но и плодотворны»

1. Как ни смотри, сравнение с 1900—1925 годами (это же несколько культурных эпох, и все громадные!) упорно получается совсем не в нашу пользу. Где сейчас фигуры масштаба, скажем, Александра Блока, Николая Гумилёва, Вячеслава И. Иванова,

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

Василия Розанова, Михаила Кузмина, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Константина Вагинова (вспоминаю практически в режиме импровизации; кто ни вспомнится — всё огромная величина)? Где теоретики уровня, скажем, Юрия Тынянова, Романа Якобсона, Виктора Шкловского? Где нынче взрывной культуротворческий процесс второго-третьего десятилетия XX века? Даже самых важных и любимых авторов у меня не поднимается рука с ними сопоставить — разве что (раз уж мы о масштабе) одну только Ольгу Седакову, но и та свои основополагающие тексты написала в основном в прошлом столетии. Впрочем, очень радует своей неизменной и необыкновенной продуктивностью и креативностью Михаил Эпштейн, — вот его-то я и назову человеком четверти столетия (хотя такого вопроса и не задавали, смайл).

По страшности и смертоносности, по катастрофичности разломов наше время, как ни старается, всё-таки (слава Богу) сильно уступает, по крайней мере, пока, времени Первой мировой, революции и Гражданской войны (да и бытование писателей, стоит признать, существенно легче тогдашнего), но ощутимо уступает оно ему и в общей витальности (тогда — громадной), и в мощи культуротворческого утопизма. Мы гораздо беднее внутренне. Не лучше ли воскликнуть, цитируя одного из авторов тех времён: «Не сравнивай: живущий несравним...»

Но не сравнивать, конечно, не получается.

Главное, на чём сравнение всё-таки держится, — это понимание того, что большие разломы (в один из которых мы, думаю, ещё только входим, отчасти уже и вошли) не только катастрофичны, но и плодотворны (и оторвать друг от друга две эти их стороны, кажется, невозможно). В результате трагических событий последних лет начала активной формироваться словесность и мысль на нашем языке за пределами России; возникло несколько очень осмысленных зарубежных русскоязычных издательств, работа которых, я совершенно уверена, пойдёт и уже идёт на пользу культуре, связанной с русским языком, и людям, которые на нём думают. Мне представляется, разрыв между оставшимися и уехавшими по разным причинам сегодня не так фатален, как было во времена первой (раз уж мы говорим о её временах) волны русской эмиграции, и рано или поздно, так или иначе две части этого расколовшегося материка соединятся, мы, живущие здесь, освоим то, что делается там, и, может быть, и сами сможем оказаться чем-то им интересными.

2. У меня нет чувства, что какой бы то ни было из манифестов, возникших в эти два с половиной десятилетия (мне вспоминается разве что «Манифест новой жизни», в котором юная Валерия Пустовая году в 2004-м провозглашала «новый реализм»), существенно изменил культурный ландшафт вообще и литературный в частности. То ли дело проекты! В этом отношении было и есть много интересного и плодотворного. Роль их как раз в том, что они создают и меняют литературный ландшафт.

Прежде всего, это существующий с 2004 года проект «Культурная инициатива» в лице Данила Файзова и Юрия Цветкова, — который с недавних пор ещё и издательский.

Далее, это появившиеся в минувшую четверть века порталы (они же проекты): «Арзамас», «Горький», «Полка», деятельность которых, поскольку они интернет-проекты, выходит далеко за столичные пределы и охватывает всё русскоязычное пространство; и электронный журнал о поэзии «Кварта», созданный Богданом Агрисом и Валерием Шубинским. Мне видится также интересным и перспективным также посвящённый поэзии интернет-проект «несовременник» во главе с Вячеславом Глазыриным.

-
1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
  2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

Необходимо назвать литературтреггерскую деятельность Бориса Кутенкова с коллегами (состав коллег менялся, Кутенков остаётся неизменным), — такой множественный проект с разными, но родственными друг другу компонентами: «Полёт разборов», «Этап роста» и мемориальный проект «Они ушли. Они остались» — выявление и публикация текстов рано умерших и недостаточно замеченных поэтов.

Издательство «НЛО» (вот уж если кто сформировал целый культурный пласт, так это, конечно, они!) и «Издательство Ивана Лимбаха», — каждое из которых, несомненно, проект, и весьма продуманный, а в случае «НЛО» ещё и разветвлённый — они издают не только книги (притом сериями), но и несколько журналов. Оба издательства возникли ещё в 90-х годах прошлого века, но, вне всякого сомнения, решающим образом определили интеллектуальную жизнь (в основном, наверное, столиц, но тем не менее) первой четверти нынешнего. Среди важных издательских проектов стоит назвать «Носорог» и петербургское Jaromir Hladik Press Игоря Булатовского.

А ещё был замечательный издательский проект Макса Фрая «ФРАМ» — истинная радость наших 2000-х.

3. Российская проза (скорее, проза на русском языке, не ограничивающаяся пределами отечества):

- 1) Феликс Максимов. Духов день. — М.: Амфора, 2010;
- 2) Михаил Шишкин*. Письмовник. — М.: АСТ, Астрель, 2010;
- 3) Сергей Соловьёв. Адамов мост. — М.: Центр современной литературы, 2013;
- 4) Андрей Тавров. Матрос на мачте. — М.: Центр современной литературы, 2013;
- 5) Александра Петрова. Аппендикс. — М.: НЛО, 2016;
- 6) Мария Степанова. Памяти памяти: Романс. — М.: Новое издательство, 2017;
- 7) Линор Горалик**. Все, способные дышать дыхание. — М.: АСТ, 2019;
- 8) Дмитрий Бавильский. Красная точка. — М.: ЭКСМО, 2020;
- 9) Александр Чанцев. Духи для роботов и манекенов. — СПб.: Пальмира, 2023;
- 10) Алексей Макушинский. Димитрий. — Баден-Баден: Freedom Letters, 2023.

Поэзия:

Прежде топ-списка стоит сказать: наша четверть века дала по меньшей мере двух больших поэтов, и начавших писать и состоявшихся именно в это время: это Василий Бородин (1982—2021) — отдельных книг не называю, имея в виду всё написанное им в целом, и Богдан Агрис (1973—2024) — писать он начал раньше, но большим поэтом стал в XXI веке (Дальний полустанок. — М.: Русский Гулливер, 2019; Паутина повилика. — М.: Русский Гулливер, 2021; Поворот земель. — СПб.: Jaromir Hladik Press, 2025). Ещё одной значительной поэтической фигурой, по-моему, должен быть признан Андрей Тавров (1948—2023) — он писал в прошлом веке под именем Андрей Суздальцев; самое же значительное создал уже под именем Таврова в нашем столетии). В списке назовём, пожалуй, его первым.

- 1) Андрей Тавров. Проект Данте. — М.: Водолей, 2014 и Плач по Блейку. — М.: Русский Гулливер, 2018.
- 2) Ирина Ермакова. Седьмая. — М.: Воймега, 2014;
- 3) Мария Степанова. Spolia. — М.: Новое издательство, 2015; Против лирики: Стихи 1995—2015. — М.: АСТ, 2017 (на самом деле я бы перечислила все её книги, выходившие как раз в эту четверть века, начиная с 2001-го);

---

* Внесён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

** Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

- 4) Григорий Дашевский. Стихотворения и переводы. — М.: «Новое издательство», 2015;
- 5) Сергей Шестаков. Другие ландшафты. — М.: atelier ventura, 2015;
- 6) Русская поэтическая речь — 2016. В 2 т. — Т. 1: Антология анонимных текстов. Сост. В.К.Кальпиди, Д.В.Кузьмин, М.В.Волкова. — Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2016; Т. 2.: Аналитика: тестирование вслепую. — Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2017;
- 7) Мария Галина. Четыре года времени. — Ozolnieki: Literature without borders, 2018. (и её, и Льва Обороина я бы тоже дала большим списком, но надо же в конце концов что-то выбрать);
- 8) Олег Юрьев. Стихи и другие стихотворения. — М.: Новое издательство, 2011; О Родине: Стихи, хоры и песенки 2010—2013. — М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК)», 2013; Стихи и хоры последнего времени. — М.: НЛО, 2016; Петербургские кладбища. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018;
- 9) Лев Оборин. Часть ландшафта. — М.: АСТ, 2019;
- 10) Игорь Вишневецкий. Собрание стихотворений 2002—2020. — М.: НЛО, 2021.

Зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод):

- 1) Петер Надаш. Книга воспоминаний / Перевод с венгерского Вячеслава Середы. — Тверь: Kolonna Publications, 2015;
- 2) Эзра Паунд. Кантос. Перевод, вступительная статья и комментарии Андрея Бронникова. — СПб.: Наука, 2018;
- 3) Фернанду Пессоа. Книга покоя / Перевод с португальского Александра Дунаева. — М.: Ад Маргинем, 2020;
- 4) Ольга Седакова. Перевести Данте. Комментированный перевод с итальянского «Божественной комедии». — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020;
- 5) Иоанн Креста [Хуан де ла Крус]. Песни души: Полное собрание стихотворений / Пер. с исп., вступ. ст. и коммент. М.Игнатьевой. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021;
- 6) Ханс Хенни Янн. Река без берегов. Т. 1—4. Перевод с немецкого Татьяны Баскаковой. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2013—2021;
- 7) Чарльз Олсон, Роберт Данкен, Дениз Левертов. От «Чёрной горы» до «языкового письма»: антология новейшей поэзии США. — М.: НЛО, 2022;
- 8) Симона Вейль. Тетради. Тт. 1—4 / Перевод с французского Петра Епифанова. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015—2022; Она же. Статьи и письма. 1934—1943 / Перевод с французского Петра Епифанова. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023;
- 9) Пауль Целан в переводах Алёши Прокопьева, всё — СПб.: libra: Мак и память (2017); От порога к порогу (2020); Решётка речи (2022); Этого Никто Роза (2024);
- 10) Гомер. Одиссея / Перевод с древнегреческого Григория Стариковского. — СПб.: Jaromir Hladik Press, 2025.

Нон-фикшн, философия, эссеистика:

- 1) Василий Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий. — М.: Вагриус, 2002;
- 2) Андрей Балдин. Новый Буквоскоп, или Запредельное странствие Николая Карамзина. — М.: Бослен, 2016;

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
 2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

- 3) Игорь Сид. Геопозтика. Пунктир к теории путешествий: Эссе, статьи, комментарии. — СПб.: Алетейя, 2017;
- 4) Михаил Эпштейн (как бы он не занял у нас весь список, поэтому его книги назовём одним пунктом): Отцовство: роман-дневник. — М.: Никея, 2014; Клейкие листочки: мысли вразброс и вопреки. — М.: Arsis Books, 2014; Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2016; От знания — к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016; Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. — М.: Группа компаний «РИПОЛ-Классик» / Панглосс, 2019; Постмодернизм в России. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019;
- 5) Ольга Седакова. Вещество человечности: Интервью 1990—2018. — М.: НЛО, 2019;
- 6) Дмитрий Бавильский. До востребования: Беседы с современными композиторами. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014; Он же. Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи Твиттера в шести частях и тридцати пяти городах. — М.: НЛО, 2020 [и это второй мой человек первой четверти столетия];
- 7) Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. / Под ред. Г.Л.Тулчинского, М.Н.Эпштейна. — СПб.: Алетейя. Вып. 1 — 2003, вып. 2 — 2020;
- 8) Людмила Гогтишвили. Лестница Иакова: Архитектоника лингвофилософского пространства. — М.: ЯСК, 2021;
- 9) Владислав Дегтярёв. Барокко как связь и разрыв. — М.: НЛО, 2021; Он же. Память и забвение руин. — М.: НЛО, 2023;
- 10) Елена Косилова. Бессилие. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2024;

Теория и история литературы, лингвистика. Некоторые пункты этой топ-десятки будут двоиться:

- 1) Наталия Азарова. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу. — М.: Логос, 2010;
- 2) Александр Житенёв. Поэзия неомодернизма. — СПб.: ИНА-ПРЕСС, 2012;
- 3) Дмитрий Кузьмин. Русский моностих: очерк истории и теории. — М.: НЛО, 2016;
- 4) Николай Богомолов. Разыскания в области русской литературы XX века. Т. 1—2. — М.: НЛО, 2021;
- 5) Людмила Зубова. Языки современной поэзии. — М.: НЛО, 2010. Она же. Грамматические вольности современной поэзии. 1950—2020. — М.: НЛО, 2021;
- 6) Юрий Орлицкий. Стих и проза в культуре Серебряного века. — М.: ЯСК, 2019. Он же. Стихосложение новейшей русской поэзии. — М.: ЯСК, 2021;
- 7) Пётр Казарновский. «Изображение рая»: поэтика созерцания Леонида Аронсона. — М.: НЛО, 2025;
- 8) Осип Мандельштам глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма. В 2 т. / Составление О.А.Лекманова* и Л.М.Видгофа. Предисловие О.А.Лекманова*. Комментарии О.А.Лекманова*, С.А.Киселёвой, О.В.Бартошевич-Жагель, Л.М.Видгофа, Д.В.Зуева. — СПб.: Вита Нова, 2025;
- 9) Михаил Павловец. Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX — начало XXI века. — М.: Издательство НИУ ВШЭ, 2025;
- 10) Полка: История русской поэзии. — М.: Альпина нон-фикшн, 2025.

---

* Внесён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Критика:

- 1) Кирилл Кобрин. Письма в Кейптаун о русской поэзии и другие эссе. — М.: НЛО, 2002;
- 2) Валерия Пустовая. Толстая критика: российская проза в актуальных обобщениях. — М.: РГГУ, 2012; Она же. Великая лёгкость. Очерки культурного движения. — М.: РИПОЛ классик, 2015;
- 3) Юлия Подлубнова. Неузнаваемый воздух: книга о современной уральской поэзии: монография. — Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2017;
- 4) Валерий Шубинский. Игроки и игральщица: Избранные статьи и рецензии. — М.: НЛО, 2018;
- 5) Илья Кукулин. Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. — Екатеринбург, М.: Кабинетный учёный, 2019;
- 6) Виталий Лехциер. Поэзия и её иное: философские и литературно-критические тексты. — М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2020;
- 7) Ирина Роднянская. Книжная сотня. — М.: Русский мир, 2021;
- 8) Андрей Левкин. Искусство прозы, а заодно и поэзии / Сост. С. Снытко, А. Заполь. — М.: НЛО, 2024;
- 9) Лев Оборин. Книга отзывов и предисловий. — М.: НЛО, 2024;
- 10) Александр Чанцев. Включим в этот список одним пунктом весь корпус сборников критических статей автора, которые он издаёт раз в пять лет: Когда рыбы встречают птиц: Книги, люди, кино (СПб.: Алетейя, 2015), Ижицы на сюртуке из слов (СПб.: Алетейя, 2020), В какой-то детской стране: На линии времени (СПб.: Руграм / Пальмира, 2025).

Мария Бушуева, литературный критик, прозаик (Москва)

«Зеркальность истории — не миф»

1. Вопросы интересные, требующие историко-литературоведческого анализа и времени, поэтому я позволю себе ограничиться даже не критическим, а социально-психологическим срезом, более поверхностным, наверное, чем подразумевается в вопросах. Да, казалось бы, сто лет отделяют прошедшую первую четверть XXI века от аналогичного периода века XX, однако, как это ни удивительно, какие-то сходные тенденции обнаруживаются. Вот, на первый взгляд, малозначимый литературный факт: лидером продаж 2024 года стала незадолго до этого ушедшая красноярская писательница Анна Джейн (Потапкина). Работала она в нише литературы для подростков, писала романы «про школьную любовь» — а в начале XX века пользовалась огромной популярностью Лидия Чарская со своими героинями-гимназистками. Или факт более весомый: разнообразие поэтических направлений, что тогда, что сейчас. В 2000-е возникли течения «нового эпоса», вирд-поэзии, социально-актуальной поэзии и так далее. Серебряный век был склонен к театрализации — и современные поэты часто выступают как актёры, создающие свой поэтический театр. Однако первая четверть XX века вместила не только Серебряный век, но и революционные события,

-
1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
  2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

перевернувшие жизнь обычных людей и переформатировавшие платформу искусства. Эмиграция, репрессии, голод — всё это отразилось на судьбах прозаиков и поэтов, оставив шрамы времени на лице литературы.

Есть и ещё одна общая тенденция, которую современные авторы пока не воспринимают слишком серьёзно: политики стремились поставить литературу на службу идеологии, а сегодня, учитывая законодательно подтверждённое отсутствие идеологии, их последователи решили, видимо, заполнить литературой эту брешь. Прошедшая конференция «Большой стиль» (готовится и новый журнал с таким же названием), на которую съехались литературоведы и критики со всей страны (правда, столица отреагировала на важное событие вяло), призвана была, по отзыву одного из участников конференции, выработать основу «нового “большого стиля” и “нового канона”». Не правда ли, это похоже на разработку канона социалистического реализма, возникшего чуть позже, в начале 30-х годов XX века? Так что зеркальность истории — не миф.

2. Когда Элис Манро получила Нобелевскую премию (2013 год), критики писали, что она продолжает традицию чеховского рассказа. Многие современные известные зарубежные авторы подчеркивали в автобиографиях влияние классической русской литературы, особенно Достоевского и Чехова. А вот с определённой частью современной российской прозы, в том числе премиальной, произошло обратное: она выбрала ориентиром зарубежную литературу, главным образом американскую. Появился даже литературоведческий термин: «американский стиль». На мой взгляд, частично этим (еще до 2022 года) обусловлено ослабление интереса за рубежом к русской современной прозе. Умному читателю интересен не скопированный с его собственного менталитета, а другой, необычный, незнакомый. Приведу забавный пример: один модный современный критик написал: «Селин первым показал, что в мире может тотально разочароваться не только циник, философ или бунтарь, но и обыватель, мелкий пошлый человек, статист истории, потребитель. Это было гениальное прозрение XX века, предвосхитившее все его массовые неврозы...» То, что Луи-Фердинанд Селин оказал огромное влияние на литературу, отрицать нельзя. Однако отмеченное «гениальное прозрение XX века, предвосхитившее все его массовые неврозы», стало достоянием литературы ещё в конце XIX века благодаря Чехову, которого, в отличие от зарубежных критиков, российский, видимо, просто не читал... Признаюсь, проза трёх десятилетий представляется мне беднее и слабее и зарубежной прозы (подражание обычно проигрывает подлиннику), и поэзии. Как раз русская поэзия первой четверти XXI века весьма богата и многообразна: наряду с традиционной просодией, сохраняющей лучшие черты классической поэзии, существуют и верлибр, и «тёмные стихи», и «бессубъектная лирика», и много чего ещё, дополняющего и расширяющего поэтическую вселенную. И это несмотря на трудности современных поэтов: минимальные гонорары (или отсутствие оных), крошечные тиражи (кстати, такие тиражи были и в начале прошлого века), вынужденную замкнутость на творчестве своей возрастной группы (не полезную для личностного развития и движения литературы), отсутствие такой большой аудитории, как на сайте Стихи.ру, откуда некоторые авторы шагнули в издательства. Поэзия интересна, разнообразна, талантлива и далеко не всегда соотносится с теорией, порой опережая и критический, и литературоведческий анализ. Поэтические тексты-манифесты вспыхивали и тут же гасли. С манифестами прозаиков, думается, произошло то же: в 2023 году прозвучал манифест «Новой волны деревенской прозы», который вызвал, как отрицательные мнения, так и положительные, а есть ли результат? И кто из читателей помнит яркий

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

вызов манифеста «нового реализма», постепенно превратившегося в аналог отвергаемого соцреализма с элементами древнего натурализма и «грязного реализма»? То, что литературоведы обозначают в прозе как «новое», имеет давние корни. К примеру, романы, названные нашей критикой — «автофикшн», сочинялись и в позапрошлом веке, родоначальником российской «мифологической прозы» вполне можно назвать Гоголя и так далее.

Говоря о прозе трёх десятилетий XXI века, нельзя обойти две проблемы: сетевую литературу и появление текстов, сочинённых с помощью Искусственного интеллекта (ИИ). Сначала — об ИИ: во многих сферах он полезен, а вот в словесном творчестве и полезен, и опасен. С одной стороны, на ИИ можно скинуть вспомогательную рутину: поиск материала, корректуру и пр. С другой — литературу могут затопить мёртвые компилятивные подделки: если недостает таланта, сюжет романа или рассказа не способна вести художественная интуиция, зато имеются компьютерные навыки и коммерческие ориентиры, — такой автор будет использовать нейросеть. Разумеется, толпа проглотит и провозгласит, что это модно и современно, насмехаясь над теми талантливыми писателями, которые сохраняют верность живой литературе. Только не стоит никого осуждать: общество переболеет и этим, ИИ займёт своё место. А сейчас он уже проник и в сетевую литературу, что закономерно. Кстати, на сайте Author Today авторы набирают тысячи прочтений, имея донаты, иногда весомые. Люди собираются там разные, есть и одарённые. Страна по-прежнему читающая, только уровень читаемого достиг порога массового чтения, призванного увлечь, развлечь и отвлечь. В меньшей степени это коснулось поэзии. В 90-е её хоронили, но в 2000-х она воскресла...

3. На третий вопрос я отвечу коротко: имена высветит история. Вполне возможно, в 2050 году выяснится, что в первой четверти XXI века в России писали прозу и стихи никем не признанные гении. А глубокие, яркие и важные статьи и книги, конечно, есть и сейчас.

Владимир Коркунов, литературный критик, поэт (Москва)

«В чём-то все поколения — от античных поэтов до нас — схожи»

1. Время, вопреки некоторым утверждениям, не циклично — скорее, оно развивается, ускоряясь. И параллели, которые мы можем заметить, лишь подчёркивают эти перманентные изменения. Но как футуристы искали смыслы в сочетаниях и комбинациях слов/звуков/букв, так и современные поэты-верлибристы ищут новое, уплотняя, а порой затемняя смысл, скрыто-явно цитируя тексты из корпуса мировой поэзии. Как тогда, так и сейчас перед молодыми поэтами встают фигуры-ориентиры; и вместо старших символистов Блока и Брюсова можно назвать Андрея Таврова и Шамшада Абдуллаева, а вместо младших, например, Андрея Белого, — Михаила Бордуновского или Евгению Суслову.

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

Конечно, имена условны. И у каждой группы найдутся свои эталоны. Тем более размежеванность сообщества сегодня особенно ощутима: и в стилистическом, и в социально-политическом плане. Следование символизму/акмеизму уступило место метареализму или Языковой школе. А западники-славянофилы находятся на очередном витке не только противостояния, но и развития.

Эти параллели напоминают некую игру в ассоциации. При том, что каждое следующее поколение поэтов, прозаиков, эссеистов и критиков потенциально пишет лучше предыдущего, учитывая ошибки, а главное, достижения предшественников. Хотя в чём-то все поколения — от античных поэтов до нас — схожи. И тогда, и сейчас мы пишем о жизни и смерти, любви и разлуке, окружающем мире. Только облекая мысли в слова/приёмы, тождественные времени.

2. Меня всегда настораживали тексты-манифесты (и тщательно спаянные группы), поскольку каждый автор — индивидуален. Может быть, поэтому Шамшад Абдуллаев не до конца принимал название «ферганская школа»; а «новый реализм» — явление, объединившее во времени нескольких ярких, но стилистически разных авторов.

Но даже справедливые ярлыки — дело скорее не авторов, а критиков. Тот же Абдуллаев отмечал цепкость и точность статей Кирилла Корчагина о «ферганцах», а Валерия Пустовая последовательно очерчивала круг новой *живой* литературы, показывая, что молодая сильная проза есть. Скорее, здесь стоит говорить об объединении, взаимоподдержке, а не тождественности. Что особенно важно в турбулентные времена.

И во главе угла — талант участников того или иного сообщества, без которого их и упоминать не было бы смысла. (А манифесты, даже написанные загоя, — потом.)

3. Составлять топ-лист за четверть века — задача предельно субъективная. В том числе по отношению к себе, поскольку забыть даже что-то критически важное — просто. Приведу 10 книг/текстов, не претендуя на объективность.

1. Виктор Астафьев, *«Прокляты и убиты»*. Пожалуй, самая страшная книга, прочитанная мною-подростком, когда я сопротивлялся спекуляциям (идеологически окрашенные герои подавались *всегда* в тёмных тонах и др.), но вчитывался в каждую строчку книги-исповеди, понимая, что у правды много лиц, и жертвы/участники глобальных катастроф имеют право на свою интерпретацию событий, за которую они порой платили своей кровью.

2. Николай Старшинов, *«Лица, лики и личины»*. На момент выхода двухтомника (1994, 1996) я зачитывался воспоминаниями Шершеневича, Мариенгофа и др. — но здесь расстояние предельно сближалось с ещё живущими людьми, что добавляло книге остроты, а мне — желания дальше изучать литературный процесс.

3. Роман Сенчин, *«Елтышевы»*. Роман, с которым у меня сложные отношения: увлекательный вначале, ближе к концу переходит в фарс, кинохронику жестокости, беспроглядного мрака, которой я-читатель в своё время не поверил. Но почему раз за разом я возвращаюсь к событиям книги, хотя после её прочтения прошло почти 15 лет?

4. Юрий Бит-Юнан, Давид Фельдман, *трёхтомник о Василии Гроссмане*. Эти книги тоже стали частью моей литературной учёбы, и даже сейчас я вспоминаю о них, думая о советской литературе, тех жертвах и компромиссах, на которые шли писатели, чтобы в итоге прийти к своей «Жизни и судьбе».

5. *Время сердца. Переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана. Перевод Татьяны Баскаковой, Александра Белобратова и Алёши Прокопьева.* Эпистолярный жанр

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

во многом сформировал меня. Я всегда с интересом читал письма Есенина, Набокова, Шкловского... И конечно, удивительно тонкая, страстная, печальная книга Бахман и Целана стала и моим *временем сердца*.

6. Учебник «Поэзия» (составители Наталия Азарова, Кирилл Корчагин и Дмитрий Кузьмин). Учебник стал для меня пропуском в мир сложной, ранее не до конца понятной предельно современной литературы. А возможно, особый интерес к нему вызвали споры и дискуссии — чего (только с взаимным уважением сторон) очень не хватает литпроцессу сегодня.

7. Павел Нерлер, *Con Amore. Этюды о Мандельштаме*. Мандельштама я полюбил и через его стихи (но текстологически уточнённая книга, которая у меня сохранилась из того времени, — 1990-го года выпуска, поэтому я не указываю её в списке), и через подвижнические труды Павла Нерлера. Особенно важным для меня стало это лично-литературоведческое «итоговое» исследование.

8. Серия антологий о поэтах, ушедших молодыми «Уйти. Остаться. Жить» (Сост. Борис Кутенков, Николай Милешкин, Елена Семёнова и др.). К этой серии мемориальных антологий и книг в литературном сообществе отношение разное — от неприятия до благоговейного трепета «как бы не попасть на эти страницы». Однако нельзя не отметить поистине миссионерскую работу Бориса Кутенкова и С^о по сохранению памяти рано ушедших поэтов. Тот случай, когда проект может перерасти своего создателя — и остаться в истории литературы.

9. Андрей Тавров, «Проект Данте». Opus magnum поэта, прозаика и философа — попытка написать свою книгу, схожую по масштабу и концентрации мыслей с «Божественной комедией» или «Одиссеей». В ней раскрывается эпически-херувимский образ мышления Таврова, заражающего идеей создания новой Утопии, чьё значение будет в полной мере осознанно значительно позже.

10. Шамшад Абдуллаев, «Очевидность юга». Собрание стихотворений и главная поэтическая книга Шамшада Абдуллаева. Михаил Бордуновский начал работу над ней несколько лет назад, ещё при жизни поэта, объединив уже вышедшие сборники и новые стихотворения. По сути, это последняя верифицированная возможность соприкоснуться полноценно и без купюр с эдемом его сновидческого мира.

Бонус. Антологии текстов о слепоглухоте «Я-тишина» и «Мы-сердце».

Пользуясь возможностью, хочу назвать две антологии текстов о слепоглухоте, к появлению которых я был причастен. В них — стихи, проза, эссеистика как зрячеслышащих, так и слепоглухих людей. И если главная цель литературы — обратить внимание на человека, его боль, радости и обретения (в целом: на чувства), то эти книги, возможно, подбираются особенно близко к пограничным (видению и невидению, слышанию и неслышанию) и уязвимым состояниям нашей жизни.

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
 2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

*Борис Кутенков, литературный критик, поэт, культуртрегер,
редактор (Москва)*

«Приходит пора отвечать за себя поодиночке»

1. Что исторические аналогии хромают на обе ноги: какие-то соответствия есть (например, небольшие тиражи поэтических сборников в Серебряном веке), но натяжек и различий будет больше. Признаться, не кажется репрезентативным анализ двадцати пяти лет российского литпроцесса: литература начала 2000-х — совсем не та, что в 2014-м, а в 2014-м — кардинально не та, что в 2025-м. Можно было бы посвятить этому целую лекцию, и лучше с субъективных позиций (каждый читал что-то своё, даже если много), но в рамках короткого опроса — нет. Напрашиваются параллели «переломных» 20-х годов того века и сегодняшнего дня, тенденции грустные: определённые рифмы можно найти в книгах Натальи Громовой, как то «Судьба советского критика. 40-е и 50-е годы». Но в условиях принципиально другого существования литературы, опять же, поостережёмся от аналогий. «Никакое литературное событие сегодня не может вызвать серьёзного резонанса» (А.Василюк); я бы добавил, что может, но не по эстетическим причинам. Рад, что в конце нулевых и в десятые нашему поколению ещё удалось застать этот резонанс — пусть и внутрилитературный, но из точки «здесь и теперь» понимаешь, что это было единение, пусть даже порой и в полемике. Сегодня появление сильных имён, увы, не сопряжено с каким-либо серьёзным вниманием и консенсусом — в силу политизации литературного поля. Стараемся делать, что можем, в этих условиях.

2. Роль манифестов традиционно ничтожная, и чем больше они расходятся с реальностью — тем, на мой взгляд, лучше для конкретного проекта. Поколенческие манифесты всегда страдают натужным пафосом. Пример: «Старушка-критика откинула копыта. Мы, группа вольных критиков, швыряем свое гортанное “нет” в обрюзгшее лицо общественности. И заявляем: долой комфортное искусство!» в 2015 году при появлении нового сайта Rara Avis. Скучно, братцы... Гортанное «нет» не нашло воплощения на практике, и слава богу. К счастью, в 2020-е таких «низвергающих» тенденций не наблюдалось, ибо выросло умное поколение зумеров, нацеленных на созидание, а не на поверхностное подражание футуризму.

Что до ожиданий — всё как всегда: остался не «новый реализм», остались Сергей Шаргунов как прозаик и Валерия Пустовая как критик; всё измеряется силой персонального таланта, любовью к литературе и работоспособностью. Даже если в конкретный момент что-то коллективно провозглашается, то затем приходит пора отвечать за себя поодиночке, а большинство идущих в ногу вымывается из процесса (разочаровываются, оказываются более прагматичными или же надломленными недооценкой). Последнее для меня — болезненный момент, стараюсь по мере возможности сопротивляться этой тенденции в своей педагогической и культуртрегерской практике). Остаются, как заметила Лидия Гинзбург, самые упорные или же не приспособленные ни к чему другому.

Но нужно отметить ещё и такой фактор, как противостояние неизбежно скапливающейся инерции — оно позволяет длить конкретный проект, только

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

видоизменяя его и видоизменяясь. Из уверенных сбывшихся обещаний, авторы которых «изменяли себя, не изменяя себе» (М.Гаспаров), отмечу деятельность Prosodia, издательства «Воймега», системную литературную деятельность как Дмитрия Кузьмина с его проектами, так и его оппонента Евгения Абдуллаева. За каждым из этих проектов и культуртрегеров чувствуется система эстетических установок, которая трансформируется, оставаясь в определённых рамках самостояния.

3) Разделю свой ответ на три пункта — в соответствии со своим основным кругом чтения: поэзия, книги и статьи о поэзии, нон-фикшн о литературе и времени.

Поэзия:

1) *Денис Новиков*, два собрания сочинений, вышедшие усилиями издательства «Воймега»: *«Виза»* (2007) и *«Река-облака»* (2018). Масштаб этого поэта ныне никому доказывать не приходится, а потому — позвольте не объяснять.

2) *«Русские стихи. 1950—2000»* (М.: *Летний сад*, 2010). Антология, составленная Иваном Ахметьевым, Германом Лукомниковым, Владимиром Орловым и Андреем Урицким. Эта книга позволяет серьёзно переосмыслить иерархическую картину второй половины XX века — в отношении как забытых и невспомненных имён, так и классиков, которые здесь тоже предстают по-новому.

3) Книги *Олега Дозморова*: *«Смотреть на бегемота»* (М.: *Воймега*, 2012), *«Уральский акцент»* (М.: *Воймега*, 2019), *«Хорошие песни»* (Пальмира, 2022), *«Необязательное присутствие»* (Екатеринбург, издательство Уральского университета, 2025) и *«Тень друга»* (М.: *Пироскаф*, 2025). На мой взгляд, никто в современной поэзии не умеет так работать с «прозаической» основой стихотворения и с непредсказуемостью сюжетных поводов.

4) *Анна Горенко*, *«Успевай смотреть»* (Издательский проект ИВО, Иерусалим: 2014). Можно было бы отметить и другие издания этой рано сторевавшей израильской поэтессы (1972—1999), но это самое репрезентативное. Сила масштаба и метафорического дара огромны и, к счастью, оценены критиками противоположных флангов: «ошеломляюще талантливая» (М.Кудимова), оценки И.Кукулина, Д.Давыдова и др. Впрочем, сейчас на свои реплики о Горенко всё чаще слышишь: «Ахматова?», так что пора переиздавать.

5) *Алексей Сомов*, *«Грубей и небесней»* (М.: *ЛитГОСТ*, 2021). Вроде бы не нужно упоминать книги, к которым сам имел отношение как составитель, но это избранное сарапульского поэта, прозаика и эссеиста (1976—2013) не могу обойти вниманием. Помимо того, что просто значительное явление, — новый повод для разговора об этике и эстетике в поэзии, о трагедии и житейской катастрофе, которые перевоплощаются, космизируются, становятся творческим невероятием.

6) *«Русская поэтическая речь — 2016: в 2-х тт. Т. I. Антология анонимных текстов»* (Челябинск: *Издательство Марины Волковой*, 2016) и сопутствующие проекты Марины Волковой и Виталия Кальпиди. Уникальная «безымянная» антология, заставившая вновь задуматься об анонимности автора, непредвзятости критического отношения, вообще об авторстве поэтического текста. Я с удовольствием участвовал и в «попутных» проектах, связанных с этой анонимностью. Жаль, что с уходом Марины Волковой из литпроцесса куда-то в нём подевался и энергичный креатив.

7) *Александр Переверзин*, *«Вы находитесь здесь»* (Пальмира, 2020) и *«Ежедневная пропасть»* (Ростов-на-Дону: *Prosodia*, 2024). Мгновенные переходы между жизнью и смертью, путешествие в потусторонних мирах как в собственной комнате — при удивительном предметно-акмеистическом взаимодействии с вещными интерьерами этой комнаты.

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

8) Книги Ростислава Ярцева: «Нерасторонный праздник» (М.: ЛитГОСТ, 2021), «Свалка» (М.: Формаслов, 2023), «Тризна» (М.: Стеклограф, 2025). Никому из молодых поэтов не удавалось столь явно вернуть поэзии кажущийся архаическим пафос «высокого» — так, чтобы это становилось самым мышлением и самой стиховой плотью.

9) Дебютные книги Стаса Мокина «Дневник» (Самиздат, 2023) и «Японский бог» (СПб.: журнал на коленке, 2024). «Новая наивность», как охарактеризовал это направление поэт и культуртрегер Валерий Горюнов. Лирический герой Мокина обживает «детское» пространство в координатах взрослого и пугающего мира, а с ним и дарит нам рефлексию о поэтическом инфантилизме, а также о технике стиха и ослабленной версификации. На мой взгляд, один из самых многообещающих поэтических дебютов 20-х.

10) Ян Сатуновский, «Стихи и проза к стихам» (Виртуальная галерея, 2012), составление и подготовка текста Ивана Ахметьева. Об этом поэте двумя строками не обойдешься, о подвижнической деятельности Ахметьева и Владимира Орлова — тоже. Что важно для меня? «Нахальство знать, что это стихи», по Сатуновскому.

Нон-фикшн о литературе и времени:

1) Уже упомянутая Наталья Громова, «Судьба советского критика. 40-е — 50-е годы» (М.: Эллис Лак, 2009). Книга — часть трилогии, включающей сюжеты из жизни советских писателей предвоенной и послевоенной поры, одна из многих важных книг о советском времени, написанных Натальей Громовой. Но именно эту сейчас читаю и принимаю близко к сердцу. Эхо её историй отчётливо доносится до сегодняшнего дня литературы.

2) Сергей Чупринин, «Оттепель. Действующие лица» (М.: Новое литературное обозрение, 2023). Тоже часть трилогии — на этот раз посвящённой оттепельному периоду. Краткие, фактологически точные и очень субъективные эссе о писателях XX века, захватывающие и создающие панораму неоднозначного времени. Добавил бы и «Вот жизнь моя. Фейсбучный роман» (М.: Рипол Классик, 2015) — заметки главного редактора «Знамени» о советской литературе, и третью часть «Оттепели» («Неповиновение», М., НЛО, 2023), и «Критика — это критики» (М.: Время, 2015). Всё, что выходит из-под пера Сергея Чупринина, заслуживает внимания и глубокой рефлексии, но остановлюсь на этих книгах.

3) Мария Степанова, «Три статьи по поводу» (Новое издательство, 2015). Книга, на мой взгляд, совершенно недооценённая как жёсткое, нелицеприятное сканирование периода 10-х годов в соотношении с прогнозами на ближайшее будущее.

4) Владимир Зелинский, «Разговор с отцом» (М.: Новое литературное обозрение, 2021). Кающееся, личное повествование сына об отце — советском функционере и жертве времени; картина безумия внутри одной закрытой империи — через этот по-родственному переосмысленный образ литературного политика.

5) Книги Сергея Федякина «На островках. О русских писателях» (Росток, 2024) и «Геометрия литературы» (Росток, 2025). Очень недооценённые (какое «редкое» слово в этом нашем обзоре...) книги литературоведа, преподавателя Литературного института им. А.М.Горького, в которых особого внимания заслуживают статьи о Серебряном веке, а также об эмигрантской критике и критиках (П.Бицилли, Г.Мочульский, Г.Адамович и др.). Не представляю себе молодого критика без чтения этих трудов.

6) Михаил Эпштейн, «От Библии до пандемии. Поиск ценностей в мире катастроф» (М.: СПб, Пальмира, 2023). Избранные статьи философа, литературоведа, сочетающего

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

в себе уникальные дарования: с одной стороны, смелый и лишённый иллюзий разговор о времени и человеке, с другой — поэтическое осмысление этих сюжетов в свете разнообразного «сопряжения далековатых понятий». Эпштейн — гений, мифолог, безусловный поэт в философии — слишком штучен, чтобы создать школу, но верится, что своих последователей ещё обретёт.

7) Мариэтта Чудакова, «Литература в школе: читаем или проходим?» (М.: Время, 2013). Полемика с консервативными тенденциями в образовании, которые с тех пор только усугубились. А Мариэтты Омаровны нет, чтобы с ними поспорить, и это горе.

8) «Дикоросль» Ольги Балла (Ганновер, Семь искусств, 2020—2025). Ежегодная серия эссе литературоведа, философа, редактора журнала «Знамя». Здесь особенно важна философия трудоголизма, вообще отношения человека и работы, так или иначе вызывающие в памяти «Записные книжки» Лидии Гинзбург.

9) Александр Чанцев, «Духи для роботов и манекенов» (Пальмира, 2023). «Дикопись», которая позволяет не только насладиться чтением, но и затронуть множество неочевидных вопросов — о поэтическом потенциале, который перевоплощается в короткие заметки; о жанровом «гибриде»; о существовании мысли в её мгновенно трансформируемой поэтической мимолётности.

10) Давайте для разнообразия упомяну классику: *собрание сочинений Лидии Чуковской*, вышедшее в 10-е годы в издательстве «Время». От переизданий в этом подведении итогов я хотел отказаться (иначе нужно ещё два-три отдельных списка), но более насущного чтения для нас нет. «Процесс исключения», «Прочерк», «Посмертие», «Памяти Фриды», «Полгода в “Новом мире”», «Дневник — большое подспорье», да и повесть «Софья Петровна» (небесспорная по своим художественным достоинствам, был прав Твардовский, и всё же значимая как симптом), «Записки об Анне Ахматовой» — всё, до последней буквы и запятой. Читать, извлекать этические уроки, думать о конформизме и пределах допустимого молчания. Найман об Ахматовой, кстати, тоже переиздан — и, на мой взгляд, по-настоящему не прочитан.

Нон-фикшн о поэзии:

1) Михаил Эпштейн, «Поэзия и сверхпоэзия» (СПб, Азбука, 2016). Книга о разнообразном существовании поэзии везде, в т.ч. в науке, бизнесе, религии, и о её неуловимой природе — на примерах как Державина, Пушкина, Блока, концептуалистов, метареалистов, так и реалий современного мира.

2) Андрей Тавров, «Нулевая строфа» (Центр гуманитарных инициатив, 2016), «Письма о поэзии» (Русский Гулливер, 2018), «Короб лучевой. Интуиции, эссе и заметки о поэзии и культуре» (Центр гуманитарных инициатив, 2023). Субъективная и выношенная мировоззренческая теория поэта, теоретика, наставника молодых поэтов, опирающаяся на мощную философскую и культурологическую базу. С Тавровым как с религией: можно верить или не верить, он вообще мало доказывает — больше показывает, но вряд ли можно остаться равнодушным. Андрей Тавров покинул нас в 2023-м, и мне искренне жаль молодых поэтов, которые не встретятся «вживую» с его лекциями и разборами.

3) Владимир Козлов, «Зачем поэзия» (Ростов-на-Дону: Prosodia, 2023). Книга о влиянии поэзии на человека, в том числе с примерами из собственного стихотворческого и жизненного опыта. Здесь заострены такие вопросы о роли поэтического, которые другие стесняются затрагивать, а вот Козлов не стесняется и этим будит наше самосознание. Нужно отметить и другую книгу Владимира — «Русская поэзия начала XXI века. Поколения, жанры, фигуры» (Алетейя, 2025).

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

4) Владимир Гандельсман, *«В небе царит звезда»* (М.: Делаландия, 2024). Избранные статьи и отзывы известного поэта, философа, редактора отдела поэзии журнала «Новый берег». Через анализ персональных поэтических систем говорится что-то очень важное о «скачках смысла», причудах, «сладости бессмыслицы» стихотворного текста.

5) Валерий Шубинский, *«Игроки и игральница»* (М.: Новое литературное обозрение, 2018). Субъективная, местами тенденциозная, но неизменно захватывающая версия истории поэзии от критика, литературоведа, редактора журнала «Кварта» — с безупречным проникновением в суть поэтического.

6) Статья Марии Степановой *«В неслыханной простоте»*, вошедшая в её книгу *«Один. Не один. Не я»* (Новое издательство, 2014), — о современной поэзии, её взаимоотношениях с «техникой» и «версификацией». Вроде бы литературная ситуация изменилась, но отчего-то до сих пор хочется возвращаться к этому умному и глубоко отрефлексированному недовольству состоянием поэзии. А вот Степанова из литпроцесса явно куда-то подевалась — и это грустно, её наблюдений в эссеистике не хватает.

7) Статья Нади Делаланд *«Отсутствие знаков препинания в стихотворной речи»* (*Litteratura*, 18 апреля 2020). Через вроде бы частную полемику с Еленой Невзглядовой о пунктуации здесь проговариваются важные вещи о том, что такое поэзия и стихотворение, о живорожденности поэтического текста и его многозначных смыслах.

8) Серия *«Спасибо»* издательства «Синяя гора». Объединю здесь несколько книг: *«25»* Сергея Ивкина, *«Мы и камни»* Константина Матросова, *«Тёмные материи»* Клементины Шишиковой, *«О стихах и стихиях»* Елены Севрюгиной и другие (подробно писал обо всех на виртуальных страницах журнала «Формаслов»). Отличные «вкусовые» антологии, где кратко и субъективно комментируются классические и современные стихи. Эти сборники необходимы, например, на моих преподавательских курсах — ибо позволяют угнаться сразу за тремя зайцами: поговорить о природе поэзии, о персональной системе вкуса поэта и эссеиста, написавшего ту или иную книгу, и познакомиться со стихотворениями, совсем не обязательно хрестоматийными.

Современную прозу читаю только за деньги — может, и есть в ней что-то прекрасное, но меня на это не хватает, за исключением немногих любимых авторов. Всегда открою что-то вышедшее из-под пера Татьяны Толстой или Михаила Турбина. В перевод профессионально не погружён, но отмечу здесь книгу Владимира Поletaева (1951—1970) *«Прозрачный циферблат»* (М.: ЛитГОСТ, 2019), где собраны не только его переводы со многих языков, от Рильке до Тычины и Раисы Боровиковой, но и статьи и заметки о поэзии перевода. Также нельзя не упомянуть соответствующий раздел журнала «Воздух», посвящённый «почтовым лошадям просвещения».

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

Александр Марков, литературовед, философ, культуролог (Москва)

«Модернистский сюжет “поиска себя” сменяется сюжетом “сборки себя”»

1. Если отказаться от оппозиций и не фокусироваться на медийных платформах, коренное различие между четвертями веков видится в изменении доминирующего модуса темпоральности и антропологической оптики. Литература первой четверти XX века, при всем внутреннем разнообразии, была захвачена идеей «монолога Истории» — единого, неумолимого потока времени, в который брошен человек. Неважно, воспринимался ли этот поток как прогресс (у футуристов и соцреалистов), рок (у Ахматовой и Мандельштама) или абсурд (у обэриутов) — он был един и тотален. Задача литературы — дать ответ на этот большой исторический вызов: либо возглавить его, либо противостоять ему, либо описать его травму. Человек в этой системе координат — прежде всего исторический субъект, носитель эпохи. Его частная жизнь значима постольку, поскольку она просвечивается сквозь призму большого времени.

Литература первой четверти XXI века отказывается от этого монолога в пользу полифонии хронотопов. Большое историческое время перестало быть единственным смыслообразующим контекстом. На первый план вышли иные временные и пространственные модусы. Если XX век был веком «оптического» (идеология, проект, картина будущего, которую нужно было увидеть), то начало XXI — это время «тактильного». Реальность познается не через идеологическую призму, а через непосредственное, почти физическое соприкосновение с ее фактурой.

Социолог Марк Оже ввел термин «не-места» — транзитные, лишенные идентичности пространства (аэропорты, вокзалы, торговые центры, hostels). СССР оказывается таким транзитным местом для всей постсоветской литературы, вне зависимости от политических и социальных установок автора, — воображаемым транзитом для всех нас, травматическим и требующим изобрести какое-то новое время, чтобы двигаться дальше. Это биологическое время (проза Светланы Алексиевич, Сергея Лебедева — исследование тела, боли, памяти как материи). Это неомифологическое время (романы Алексея Варламова, Евгения Водолазкина, где история преломляется через вечные сюжеты). Это время частной, «домашней» памяти (феномен «литературы памяти» о советском опыте, от Марины Степновой до Шамиля Идиатуллина, где история — это не лозунги, а запахи, жесты, быт). Пост-историческое время (проза Владимира Сорокина⁴). Человек в этой системе — уже не столько исторический субъект, сколько антропологический случай. Ценность сместилась с типического (герой как выразитель эпохи) к уникальному (личность как носитель специфического, часто травматичного, опыта, не сводимого к общим схемам).

Классический модернистский сюжет «поиска себя» сменяется сюжетом «сборки себя». Идентичность воспринимается не как некая искомая сущность, а как конструктор, состоящий из травм, воспоминаний, культурных кодов, цифровых следов и социальных ролей. Задача героя — не «найти», а собрать работающую версию себя из этих обломков. В поэзии ТГ-каналов очевиден сдвиг от анализа идей и

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?

2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

социальных конструкторов к исследованию аффектов — долингвистических, телесных, дорефлексивных эмоций (стыд, вина, паника, скука, спокойствие). Литература становится инструментом картографии этих внутренних, часто неартикулируемых состояний.

2. Начало нулевых действительно было богато на манифесты и поколенческие проекты. Поколение, заявленное как голос тридцатилетних, пришедших «после всего», искало новые темы вне готовых установок, в том числе установок восприятия. Затем — яркая, но быстро выдохшаяся «новая реалистическая волна» с ее попыткой описать «русскую жизнь как она есть», но давшая в лучших своих образцах (Роман Сенчин) необходимый материал для развития театра и перформативных практик. А затем уже было разочарование не столько в волнах, сколько в форматах различных социальных медиа.

Оглядываясь назад, понимаешь, что роль поколенческих проектов оказалась скорее диагностической, чем созидательной. Ни один из этих проектов не стал доминирующим. Ожидание нового «-изма» не сбылось. Реальность оказалась сильнее: интернет, социальные сети и платформы размыли саму возможность единого поколенческого жеста. Литературный процесс фрагментировался на множество параллельных вселенных: интеллектуальная проза, массовый бестселлер, автофикшн, фанфикшн. Манифесты утонули в ленте новостей. Их роль сегодня исполняют не тексты в толстых журналах, а алгоритмы рекомендаций и виральные обсуждения в телеграм-каналах. Эстетические битвы ведутся не между направлениями, а между форматами внимания.

3. Алексей Юрчак — *«Это было навсегда, пока не кончилось»* (2005, рус. пер. 2014). Фундаментальное исследование позднесоветского общества, давшее язык для описания того, как ритуал и идеология могут сосуществовать с внутренней свободой. Книга, без которой сегодня невозможен разговор о советском.

Мария Степанова — *«Памяти памяти»* (2017). Степанова совершила переворот, стерев границу между поэзией, эссеистикой и документом. Ее работа с семейным архивом — это не ностальгия, а создание новой оптики для взгляда в прошлое, где вещь, фотография, письмо становятся полноправными действующими лицами. Она превратила память из объекта созерцания в активный, драматический процесс.

Сергей Лебедев — *«Люди августа»* (2020). Лебедев создал уникальный жанр — историко-антропологическое расследование, где личная память (внука чекиста) сплетается с археологией советского террора. Его цикл, к которому и относится эта книга, — это не история идей, а история тел, вещей, мест. Он нашел язык для разговора о прошлом, который избегает как сухого академизма, так и спекулятивной патетики.

Шамиль Идиатуллин — *«Город Брежнев»* (2017). Ностальгия не как уютное чувство, а как мощное археологическое исследование советского детства и его мифологии.

Элена Ферранте — *«Неаполитанский квартет»* (2011—2014) в переводе Ольги Ткаченко и Татьяны Быстровой. Роман-открытие, образец литературы «умаления» и долгого времени. Роман, который изменил представления о женской дружбе, не как об идиллии, а как о темной, страстной, разрушительной и созидательной силе.

Михаил Шишкин* — *«Венерин волос»* (2005). Роман, который вывел русскую прозу на уровень сложной европейской языковой полифонии. Слом линейного времени,

---

* Внесён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

сплав голосов переводчика, беженки, писателя; русская история как бесконечный цикл страдания и преодоления. Это был манифест: русский роман может быть не про «судьбу человека», а про саму ткань времени и памяти.

Ольга Токарчук — «Бегуны» (2007, рус. перевод 2010) в переводе И.Адельгейм. Роман представил новую, «мягкую» форму эпичности. Это не линейный сюжет, а созерцательная, антропологическая проза, где тело, путешествие и анатомия становятся метафорами для исследования человеческой природы. Токарчук и ее блестящий переводчик показали, что роман может быть построен не на конфликте, а на связности.

Полина Барскова* — «Живые картины» (2019). Барскова* работает с гиперприсутствием прошлого, его давящей, почти невыносимой телесностью. Её метод — это «тактильная генеалогия». Барскова* исследует блокадный Ленинград и послевоенное время через призму искусства, дневников, фотографий. Но ее подход не аналитический, а аффективный. Она пытается не понять, а прочувствовать боль, холод, голод, зафиксированные в документах. Ее проза — попытка сделать травму снова «живой картиной», вернуть ей утраченный шок. Ключевой вопрос Барсковой* — не становимся ли мы спекулянтами чужой боли, превращая ее в эстетический объект? Её текст постоянно рефлексировал над собственной позицией, над правом писать об этом.

Линор Горалик** — «Имени такого-то» (2022). Этот роман — магический гиперреализм, где миф и жесткая документальность сплавлены воедино. Горалик** совершает радикальный жест: она описывает один из самых трагических эпизодов войны — эвакуацию психиатрической больницы им. Алексеева («Кашенко») на барже по Волге — через призму тотального одушевления мира. Роман вписывается в древнейший жанр «анабасиса» — истории о тяжелом походе и мытарствах. Однако путь баржи-ихтиостеги — это, как заметил поэт и критик Лев Оборин, и «катабасис», нисхождение в ад. Пациенты и врачи, отрезанные от мира, плывут по реке времени и страдания, встречая по пути отчаяние, предательство (донос на главврача-немку) и, что важнее, — милосердие.

Ольга Седакова. *Собрание сочинений в четырех томах* (2010). Седакова — один из немногих современных поэтов, чья лирика наследует не серебряному, а скорее золотому веку, с его онтологической серьезностью и масштабом. Включение этого четырехтомника в топ — это признание не просто выдающихся текстов, но и целостного культурного проекта, альтернативного основной инерции литературного процесса последних десятилетий. Если многие известные нам явления отвечали на вызовы времени через фрагментацию, иронию или документальность, то проект Седаковой — сознательное и последовательное строительство цельности.

---

* Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

** Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

Михаил Павловец, доктор филологических наук, профессор
НИУ ВШЭ (Москва)

«И те же выписки из книг, и тех же эр сопоставленье...»

1. Если сравнить с литературной жизнью такого же периода века XX, то окажется... Окажется, что есть много общего. Пересеклись две традиции: одна шла от советской литературы с её «особым путем», который всё равно привел её — хоть и по обочине — к тому, к чему пришла популярная литература на западе — беллетристика в прозе, прикладные или ориентирующиеся на канон, давно помещенный актуальной культурой в собственный архив. Этой литературе удалось то, что не удалось социалистическому реализму: сопрячь достаточный художественный уровень, не унижающий ни ума, ни вкуса человека образованного, с доступностью («народностью») и занимательностью. Удалось подхватить и развить великие традиции русского демократизма. Борис Акунин*, Виктор Пелевин, Людмила Улицкая** в прозе; то, что получило не совсем справедливое название «интеллигентский шансон» в поэзии (воздержусь от имен, так как поэты обидчивы) показали, что русская словесность умеет быть интересна демократическому просвещенному читателю. Сперва деятельность почившего в бозе издательства «Вагриус», потом — Редакции Елены Шубиной, оргкомитета премии Большая книга (называю только наизначимые институции) не позволили маргинализироваться литературному мейнстриму. Другая линия словесности — выросла из опыта литературы неподцензурной, даже насильственный разрыв с предшествующей культурой русского и мирового модерна воспринявшей в свое время как вызов и проблему и потому развивавшей словесность, может быть, более «элитарную», но и в большей степени связанную с актуальными в мировой культуре процессами и тенденциями, так как развивалась синхронно с ними, а подчас и во взаимодействии. Здесь вместо «Большой книги» — премия НОС или Андрея Белого, вместо толстожурнальной периодики, перебравшейся в интернет, — сразу зародившиеся в сетевом пространстве литературные ресурсы: сначала «Вавилон», потом целая россыпь других, адресованных узким кругам селективных читателей, прежде всего — связанных профессионально с гуманитарной сферой.

Должно быть, главное — как и сто (и двести) лет назад, маятник русской литературы качнулся ещё в конце прошлого века в сторону поэзии, и самое интересное (лично для меня) в первые два десятилетия третьего тысячелетия происходит именно в поэтическом сегменте словесности — либо в поэзии как таковой, либо в поэтической прозе. В этом смысле можно видеть параллель между деятельностью в начале века писательского товарищества «Знание» — и многообразных литературных объединений, издательств и журналов русского модерна, а затем и авангарда.

Но тут, как мне кажется, мы подпадаем под обаяние цифр: литературный процесс 90-х годов тесно спаян с процессом двух последующих десятилетий и представляет

---

* Внесён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

** Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

собой, пусть и противоречивое, но всё же единство — как и Серебряный век русской культуры. Но Серебряный век был свернут в 1917-м — начале 1920-х годов, тихо угасая в эмиграции; нечто подобное повторилось и через столетие, так что последние пять лет мы живем в новом периоде, имеющем все меньше общего с предшествующим, хотя и выросшим на его дрожжах. И вот интереснейшая рифма двух столетий: на исходе первой четверти XXI века, как и сто лет назад, часть литературного сообщества, отчаявшись получить материальную поддержку от своего читателя (не имея, видимо, ни талантов, ни хватки членов писательского товарищества «Знание»), все свои упования обратило к государству, которое должно не только взять на себя материальное обеспечение писателей, но и мобилизацию читателей, а также устранение с литературного рынка тех авторов, кто привлекает читателей без государственной помощи. Создание единого Союза писателей России и передача ему разного рода активов, как и пристальное внимание одних членов литературного сообщества к благонадежности других его членов, крайне напоминает тот гибрид из второй половины 1920-х и начала 1930-х, который в образной форме описал Булгаков в московских главах «Мастера и Маргариты». Ну и главное: позиция этой части писательского сообщества — то ли пушкинского «Пророка» с его «исполнись волею моею» (разве что то глас не Бога, а Государства), то ли шолоховского «мы пишем по велению сердца, но сердца наши принадлежат Партии» (но опять же, это партия — этактистов и филократов). И поскольку мы внутри этого процесса, нам остается только наблюдать за происходящим по пастернаковской формуле: «И те же выписки из книг, / И тех же эр сопоставлень».

2. Одна из важнейших особенностей литературного процесса последней четверти века — дальнейшая специализация и спецификация, все более узкая адресация — так, что мы сегодня говорим о сосуществовании разных литератур, разных поэзий. Если 100 лет назад по-настоящему революционным было формирование отдельного поля детской литературы (адресованной детям, а не втиснутой в их круг чтения), то сегодня читательская партикуляция привела к возникновению литературы янг эдалт, литературы для технарей, для филологов и даже литературы для реконструкторов.

Когда-то мне казался крайне важным текст Дмитрия Кузьмина «Постконцептуализм» — так как в нём была попытка сформулировать, мимо каких вопросов не может пройти ни один современный поэт, — но потом я понял, что заданные в этой статье вопросы просто непонятны целому ряду авторов, которые прекрасно продолжают писать и радовать или огорчать своих читателей, для которых тоже этих вопросов не существует. Мы живем в эпоху гетерохронности — коммюнитарной и генерационной (как показал Илья Кукулин), и нет единства в поколениях, как нет поколенческой однородности в кругах поклонников одного и того же типа словесности. Я не ожидал какого-то расцвета литературы, скорее — наоборот, ожидал читательской партикуляции: малочитающие — перестанут читать вообще; многочитающие — не оставят этого занятия, хотя часть отведенного на него времени будут занимать театр, кино, интернет, другие формы культурного досуга, без которых и само чтение — вряд ли сегодня возможно. Так оно, в общем-то, и произошло. По крайней мере, у меня нет ощущения, что мне нечего читать — скорее вечно недостает на него времени, и это общая жалоба.

3. Мне не очень близка сама идея «топов». Мне кажется, это инструмент либо Большого стиля тоталитарной системы (где должен быть первый среди писателей и первый среди поэтов, а иерархическую пирамиду первых во всех областях венчает первый из первых — Вождь Единого Государства); либо — маркетинговый инструмент

---

1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

общества потребления (которое определять ценность культурного продукта доверяет не государству, а рынку, откуда и само понятие «бестселлер»). Я — не литератор и даже не критик, я преподаватель и немного исследователь, моя задача — дать своим студентам не некий «золотой список» (я вообще противник «списочного подхода» в литературном образовании), но маячки в безбрежном море литературы, помочь разобраться с навигацией и особенностями морского климата. А также дать опыт не только самостоятельного чтения, но и обсуждения прочитанного — в устной и письменной форме. При этом поэзии я вынужденно читаю больше, чем прозы, отечественного — больше, чем зарубежного, нон-фикционального — больше, чем фикционального, написанного 30—50—100 лет назад больше, чем текущего. Досуговое чтение для меня — как поездка инструктора по горным лыжам в отпуск на горнолыжный курорт. Текущая словесность занимает важное, но не исключительное место в пространстве моего чтения. Но я точно знаю, что в прозе стараюсь не пропускать ничего, что выходит из-под пера *Владимира Сорокина**, *Людмилы Петрушевской*, *Дениса Осокина*, *Марии Степановой*, важными книгами последней четверти века считаю «Кысь» *Татьяны Толстой*, «Библиотекарь» *Михаила Елизарова*, «Логопед» *Валерия Вотрина*, «Даниэль Штайн, переводчик» *Людмилы Улицкой*** — это те книги, которые попали, как мне кажется, в нерв времени. В поэзии — если опять же оставить за скобками профессиональные предпочтения, — для меня важно современное творчество многих поэтов поколения и некой предельно общей поэтики «Вавилона»: *Полины Барсковой****, *Игоря Булатовского*, *Даниила Давыдова*, *Михаила Гронаса*, *Геннадия Каневского*, *Андрея Сен-Сенькова*, *Марии Степановой* — и целого ряда других моих сверстников; с почтением читаю старших поэтов — *Сергея Гандлевского*, *Михаила Айзенберга*, *Ивана Ахметьева*; учусь понимать поэтов из поколения моих детей — *Ерога Зайцеве*, *Натальи Игнатьевой*, *Марии Малиновской*, *Анны Родионовой*. Для меня авторитетно и важно все, что выходит из-под пера литературных критиков *Евгении Вежлян*, *Игоря Гулина*, *Дмитрия Кузьмина*, *Ильи Кукулина*, *Льва Оборина* — во всех случаях хочется писать: и др., и др., и др. Все эти критики обладают важным преимуществом: они одновременно и внутри литературного процесса, и вне его, что обеспечивает им объемность видения.

*Николай Подосокорский, историк литературы,
критик (Великий Новгород)*

«Можно говорить о людях-манифестах и писателях-проектах»

1. Если в целом сравнивать русскую литературу первой четверти XX века и первой четверти XXI века, то, с одной стороны, мы видим и там, и там главным образом акцент на описании и понимании современного социума, большого, неустойчивого,

---

* Внесён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

** Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

*** Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

и поиска в нем места для рефлексии, неравнодушного человека, утратившего почву под ногами, одинокого, несчастного, растерянного, изломанного судьбой. Итогом обоих периодов стало жесткое разделение писательского сообщества на работающее внутри родного государства (и внешне всецело подчинившееся его политике и цензуре) и на обитающее за границей (и внутренне утратившее связь с корневой российской нацией и ее актуальными жизненными проблемами). Обе эти категории одинаково подвержены утопическим мечтаниям и при этом, как правило, враждебно воспринимают друг друга. Конечно, русские писатели первой четверти XX века были, в большинстве своем, более серьезными, цельными, честными, они умели лучше создавать силой искусства новые миры и трансформирующие читателя тексты. Нынешние же авторы, как правило, куда менее ответственны относительно высказываемого ими в собственных книгах, и при этом сосредоточены на самих себе, а не на служении богине Фантазии. Торжество позитивизма, нарциссизма и автобиографизма (а «мемуары» теперь пишут уже двадцати- и тридцатилетние авторы, культивирующие свои реальные и выдуманные психологические «травмы» и фобии, гендерные и прочие идентичности, желание любым способом соответствовать текущей медиаповестке) составляют худшие черты современного литературного процесса. Конечно, любые обобщения нуждаются в массе оговорок (дело ведь всегда не столько в жанре, сколько в его исполнении), но если взять такого, действительно серьезного и глубокого писателя-мистика, как Виктор Пелевин, то мы увидим, что даже его основная масса критиков до сих пор воспринимает лишь как саркастического остролиста, жонглирующего случайными смыслами и сюжетами (подобного заядлому постмодернисту) для развлечения пресыщенной публики и наиболее эффективного извлечения коммерческой прибыли из результатов своего труда (хотя на самом деле такие оценки ошибочны). Современная поэзия, в отличие от вершинной поэзии Серебряного века, все больше сосредоточена на пустой игре в слова, идеологическом активизме, общей дегуманизации и десакрализации жизни, погружении в мешанский быт и убогую социальность. Из произведений современной литературы большинство писателей и критиков пытаются изъять тайну, религиозное чувство (не путать с церковностью!), метафизику. В первую четверть прошлого столетия (когда жили и творили Блок, Мережковский, Гумилёв, Вяч. Иванов, Волошин и др.) это все ещё не выглядело столь катастрофично. Разумеется, полностью истребить подлинную глубину в литературе (выражающуюся в свойстве создаваемых текстов реально преображать душу читателя, а не щекотать его нервы) невозможно, но сегодня такого рода произведения существуют как бы на обочине мейнстримного литературного процесса (то есть, по большей части, вне крупнейших институций: премий, союзов, журналов, издательств, СМИ и проч.) и выражаются в жанрах вроде фэнтези, хоррора, фантастики или даже детской литературы.

2. История последних двадцати пяти лет тесно связана с глобальной цифровизацией и глубоким проникновением различных технологий (в том числе интернета и искусственного интеллекта) в жизнь человека. Литература здесь не является исключением. Новые технологии, предоставляющие множество невиданных ранее возможностей для карьерной самореализации автора, вместе с тем, все чаще используются для имитации всего настоящего (эмоций, интереса) и для подавления глубинных духовных запросов, поскольку подчинены, с одной стороны, бизнес-идее безграничного роста потребления товаров и услуг, а, с другой — цели тотального контроля за общим настроением и развитием масс. Заметные манифесты и значимые литературные проекты, как правило, в XXI веке выражаются не в коллективных

-
1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
  2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

текстах и объединениях, а в персональных брендах, воплощающих определенную идеологию и эстетику. В этом смысле можно говорить о людях-манифестах и писателях-проектах (вроде реальных Лимонова и Проханова или вымышленного Шарабан-Мухлюева), не забывая, что любой крупный художник всегда сложнее навешиваемых на него ярлыков и определений.

3. Ограничусь лишь несколькими именами и работами.

В современной прозе самыми глубокими и интересными лично для меня писателями являются *Виктор Пелевин*, *Стивен Кинг* и *Джордж Мартин*. Они умеют гениально создавать новые художественные миры, погружаясь в которые читатель приобретает новый полезный опыт взаимодействия с окружающей средой и со своей душой, а также с чудовищами, которые в них прячутся.

В поэзии я высоко ценю стихи *Татьяны Щербины* (особенно её книгу «Хроники» 2017 года), переводы *Григория Кружкова*. Стараюсь следить за всеми новыми переводами эзотерической литературы, выполненными Анной Блейз.

Самые значимые для меня критические работы — это статьи *Татьяны Касаткиной* в «Новом мире», такие как «Глаз европейского христианства» (2007), «Колонка для живой воды» (2008), «Искусство пережить смерть автора» (2008), «О самоубийстве» (2009) и др. Они (тексты Касаткиной) учат думать о вещах мира на той глубине, на которой думали великие христианские мыслители, не отделяющие мысль от слова и дела.

Валерия Пустовая, литературный критик, прозаик (Москва)

«В литературе всё ново, но узнаваемо»

Когда окидываешь взглядом дистанцию в 25 лет, возникают две оптические иллюзии. То ли неузнаваемо изменилась вся литература — а ты осталась прежней. То ли ты сама переменялась вся, будто другим человеком писала свои первые тексты, — а в литературе всё по-прежнему. Спор о новизне безысходнее спора о птице и яйце: что устарело — эти ваши литературные новости или взгляд, который в упор не видит обновлений? Легко убедиться в том, как сильно раздражаются эксперты и читатели, сетующие на отсутствие достойных внимания событий в литературе, — когда начинаешь предлагать им навскидку имена и публикации.

И всё же мне ближе позиция удивления, впечатление неповторимости. Новые поколения, дебютирующие писатели, дискуссионные книги, премии, форумы — похожи на уровне механики. Но воплощают движение времени — к чему-то, что изнутри литературы мне всегда кажется лучшим. Может быть, потому, что литература, сколько бы ни было её создано, всегда нужна ещё и сейчас, как будто для меня придуманная заново. Неповторимая — потому что остающаяся пока ещё частью процесса, а не вечности.

Лучшая литература — сейчас, потому что ни до, ни после не будет этого чудесного моего с автором совпадения в процессе жизни. Современная литература видится мне хорошеющей, расцветающей — потому что ищущей ключи ко мне.

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

К человеку, который живёт сейчас, в этом ограниченном участке времени, и не сможет жить ни до, ни после.

Поэтому, возможно, у меня стойкое ощущение, что за эти 25 лет литература стала внимательнее к человеку, раскованнее в жанрах, свободнее от выученных правил, шире и разнообразнее в сюжетах. Мне можно сразу предъявить много аргументов против, да я и сама их увижу, если нарочно поищу. Но всё-таки у меня чувство, что новое поколение писателей, как и набирающее опыта и возраста мое поколение, когда-то считавшееся новым, — всё точнее работают с болью современного человека, его самовосприятием и жадой наполненной жизни, и всё спокойнее отодвигают литературные рамки и ожидания, создавая текст из внутреннего искреннего «это надо не кому-нибудь, а мне» и «я хочу об этом сказать».

Мое литературное поколение по старинке искало смысла — новое упражняется в осознанности. У нас было больше внимания к социальному — а новые авторы охотно замыкаются в личном. Мы стеснялись позитива, как принужденного веселья на утреннике, — новые авторы не скрывают, что ищут выход. Это и так, и не так. Когда обобщаешь на поколения и десятилетия, неизбежны искажения, оптический обман. В литературе правдиво только впечатление конкретного человека от конкретного текста — и то до тех пор, пока длится чтение и впечатление. Обобщение — схема. Мне нравится, что в новом поколении не стыдно писать о себе, носиться со своим опытом, проводить терапию ран. Но так могли и до них. Вопрос в акценте, в том, какую схему хочется собрать, каким поколение — представить.

Я не представляю себе новейшую литературу без таких авторов, как, например, Евгения Некрасова, Ася Демишкевич, Светлана Павлова. Но разве не обжигают свежим чувством открытия недавние произведения авторов, от которых вроде бы знаешь, чего ожидать: Романа Сенчина, Дмитрия Данилова, Ильи Кочергина? А эволюция Эдуарда Веркина в автора вне возрастных и жанровых рамок — это правда новость или просто только сейчас это стало так широко воспринято и потому заметно?

Чем измерить не успех — а настоящую удачу, событие в литературе? Тем ли, что о нем говорят, — или тем, что говорят о нем даже тогда, когда инфоповод остыл?

Визитная карточка Романа Сенчина — «Елтышевы», роман нулевых, который недавно переиздали вместе с первыми на него критическими отзывами. Но как много дают для понимания и писателя, и жанра рассказа, и внутренней свободы письма, и расположенности современной прозы к обычному человеку — относительно новые сборники Сенчина «Петля» и «Остановка». Мы запомнили Евгению Некрасову по ее дебютной «Калечине-Малечине», где литература травмы получает поддержку в фольклорной памяти, как героиня — в дружбе с кикиморой. Но «Улица Холодова», документальный роман с элементами автофикшна, исследования, сказки и центона, — ещё более смелый и масштабный художественный эксперимент. В моей дебютной статье я вдохновлялась дебютным же сборником рассказов Ильи Кочергина «Помощник китайца», — и вот у него свежая визитная карточка, куда более сложно устроенное и притом литературно раскованное высказывание «Запасный выход». Но можно ли сказать, что написанные между этими точками книги этого автора — только средство добраться от и до? Ведь в каждой из них — а там и документальные вещи, и экспериментальные, и про историю, и про любовь, и вообще эссеистика — своя самобытность, а следовательно, и самооценочность. Или вот, напротив, ускоренная перемотка авторской эволюции, когда книг и лет минуло не так много: дебютная книга

-
1. Если сравнить литературную жизнь первой четверти XX и XXI века, то окажется, что... —?
  2. Тексты-манифесты, эстетические и поколенческие литературные проекты нового века — какова их роль в момент появления и сегодня?

Аси Демишкевич «Раз мальчишка, два мальчишка» остаётся непревзойденным достижением — если автора сравнивать экологично, то есть только с нею же самой, — тогда как свежее «Там моё королевство» куда более традиционная, обустроенная в понятных литературных рамках вещь, хотя и она много существенного задевает в читателе и волшебнo его увлекает.

Куда теперь записать литературные стенания по поводу беспрецедентно широкого прочтения романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза»? И почему не так остро реагируем мы на ее же «Эйзена», написанного в том же ключе и об исторически смежном опыте? Привыкли, пригляделись? Или Яхина действительно угадала тогда народно требуемое сочетание сложной темы и простой героини? Кто-то скажет: и сюжета, и стилиа простых — но, значит, не настолько уж и простых, раз помним мы в качестве беллетристической сенсации именно её дебют?

А новые критики? Было здорово когда-то критикам претендовать на премию «Дебют» наравне с прозаиками и поэтами. Но вот и новое, профессиональное равенство: критиков молодых и почтенных в соискании премии «Неистовый Виссарион». Критическое событие, жизнеутверждающий прецедент — книга этого года «Зона умолчания», в которой каждый рассказ молодого автора предваряется специально написанным критическим очерком Максима Мамлыги. Но так же свежо и дерзко читаются недавние статьи Ирины Роднянской об эпопее Виктора Ремизова и стихах Дмитрия Данилова.

Я выросла на Форумaх молодых писателей, принадлежу поколению «Дебюта» и видела расцвет и закат АСПИР. Я чуть больше, чем десять лет работала в толстом литературном журнале «Октябрь» — и ушла в декрет как раз в период его вынужденного угасания. Меня называли критиком поколения «нового реализма» — и я только годы спустя задумалась, чего же для меня в этом было больше: манифестации или критики?

Говорят, «новые реалисты» боролись с постмодернизмом, как боллитра с фантастикой, рифма с верлибром, новая драма с театральностью, автофикшн с историческим романом, а комиксы — сразу с литературой. Их всех как будто победила семейная сага, но и она сегодня — «баян».

И только вот такое напишешь, как Александр Снегирёв, чьей визитной карточкой я назвала бы образцово современную — раскованную в жанре и бережную к человеку, суровую к читателю и чуткую к детали — любовную прозу в сборнике «Плохая жена хорошего мужа», — издает гибридный вариант семейной саги, исповеди рода, исторического неромана «По линии матери».

В литературе всё ново, но узнаваемо. Повторяется — и удивляет. Безвозвратно уходит — и перерождается.

Потому что единственно существенная в ней борьба — художественной правды с неправдой, точности — с осечкой. И главная для меня правда о современной литературе — что её пишут, читают и обсуждают. Что с нею дышат, думают, живут.

---

3. Ваш топ-10 за эти два с половиной десятилетия в «номинациях»: российская проза / поэзия; зарубежная проза / поэзия (тексты и перевод); нон-фикшн; критика — самые глубокие, яркие и важные статьи и книги.

Александр Чанцев, литературный критик, прозаик, переводчик (Москва)

Зал высшей прозы

А ведь действительно, четверть века. Как быстро и неуловимо.

1. Тут напрашиваются какие-то исторические аналогии? А если напрашиваются, их следует гнать. Первая мысль, как и первое впечатление, ошибочна часто.

2. Литература, как и любовь, делается ограниченным составом участников, в тишине и без свидетелей. Во всяком случае, никаких манифестов я не припомнил.

3. Все рейтинги и списки вроде top 10 — дело заведомо неблагодарное. Как уместить, по каким все же критериям судить, как ранжировать, как кого-то не забыть? Посему ограничусь ещё — только отечественное, только проза и немного около нее. В награду за подобную схему я написал об 11 книгах — выбрать, кого убрать, я не могу, вычеркивайте сами.

1) *Михаил Гаспаров, «Записки и выписки» (2001)*. Русская литература всегда почему-то боялась, как ереси и чорта, нон-фикшна и умной частности. А очень зря, может, все иначе бы и сложилось.

2) *Эдуард Лимонов, «Книга воды» (2001)*. За «Эдичкой», «Записками неудачника» и «Харьковской трилогией» можно легко и позабыть, что поздний Лимонов пронзительнее и иначе будет.

3) *Михаил Кононов, «Голая пионерка» (2001)*. Кононов великолепный стилист и такой же тихий и незамеченный, как Дмитрий Бакин. В зал высшей прозы они прошли на цыпочках, а не хлопая дверьми.

4) *Владимир Биbihин, «Другое начало» (2003)*. Да и философия в нашем отечестве чаще всего если и не идеологизирована, то максимализирована. Будто настройки эквалайзера на максимум выставлены. Не с трибуны и амвона, а в беседе философствовать стали только недавно: Биbihин, Галковский, Пятигорский, Мамардашвили.

5) *Евгений Головин, «Приближение к Снежной Королеве» (2003)*. Не проза, конечно, но лучше нее. О тайной жизни символов литературы и мифов. Архетипы же никуда не делись, сейчас они вышли из тени и ничего не стесняются. Вон, даже толкаются, потеснили людей — теперь мы с факультета ненужных вещей, а они главное.

6) *Роман Сенчин, «Елтышевы» (2009)*. Я бы очень хотел, чтобы русская литература пошла по какому-то другому пути. Не об этом «русском бедном». Но она не хочет.

7) *Александр Гольдштейн, «Памяти пафоса» (2009)*. Не проза, но в том-то и дело, что эссеистика Гольдштейна — больше проза, чем большинство проз. А тут как раз его список лучших книг прошлого века, так что сам Бог велел.

8) *Виктор Пелевин, «S.N.U.F.F.» (2011)*. Очень хорошо было продолжать любить «Чапаева и Пустоту», а на всего остального ПВО улыбаться одной стороной рта. Но вот так получилось, что мы сейчас живем в мире его фантазии: дроны и андроиды, страны первой и второй важности. Не мог он прозреть что-то другое?

9) *Денис Осокин, «Овсянки» (2011)*. Обращаясь в древнему — фольклору, Осокин оказался крайне современен — кинематографичен. Тот случай, когда книга и кино одинаково хороши, а в своем алхимическом браке маленький мир рождает. А ещё архаика и модерн дают архимодерн — это же наш мир, верно?

10) *Виктор Иванів, «Чумной Покемарь» (2012)*. Обреченный п(р)орыв авангарда, письмо отчаянно неконформное тогда, когда вокруг тотальный реализм и сюр его. «Я так хотел бы разбить окно» (Е.Летов).

11) *Дмитрий Данилов, «Пустые поезда 2022 года» (2023)*. Мне кажется, литература недалекого будущего такой и будет. Максимально безоценочной, сдержанной, сухой человеческий отчет, под которым только очень глубоко эмоции от мира спрятаны.

Ольга Балла

Любовь между землёй и небом

Петер НАДАШ. О любви земной и небесной: Эссе / Перевод с венгерского, вступительная статья О.Серебряной. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2025. — 256 с.

Говоря о любви, живой классик венгерской литературы умудряется выйти едва ли не из всех стереотипов, которые были накоплены европейской культурой внутри и вокруг этого семантически перенасыщенного понятия. Рассуждения, связанные с любовью, Петер Надаш резко уводит на пути, по которым они, кажется, до тех пор не очень-то двигались. Впрочем, европейская мысль начала было двигаться по ним во времена Платона, его усилиями, — неспроста автор на него обильно ссылается (совсем коротко, формула этого пути такова: любовь — наиболее верное движение к самому существенному), но с тех пор избрала другие направления и зашла по ним изрядно далеко.

Ещё резче: говоря о любви, Надаш менее всего говорит о том, что его собратьям по культуре привычно с нею связывать. В самую последнюю очередь это телесное и эмоциональное влечение мужчины и женщины друг к другу с сопутствующей взаимной идеализацией и очень далеко идущими добровольными обязательствами на её основе. Оно — скорее частный случай (сказать ли, что — не такой уж обязательный?).

Переводчик книги Ольга Серебряная в своём предисловии называет этот сборник эссе «самой необычной книгой» автора. Думается всё-таки, что это не совсем так и книга прекрасно вписывается в оба смысловых ряда работы Надаша — художественной прозы и эссеистики, образует мост между ними, выявляет их логические связи. Хотя Надаш переведен у нас далеко не весь, кое-что существенное, по счастью, переведено — и из эссеистики, и из прозы, — и в том числе как раз то, что особенно пригодится читателю для полноты понимания представленных в сборнике теоретических построений автора (а это, вопреки разрозненности изложения и как будто ситуативности высказываний, — именно теоретические построения, притом вполне строгие, внутренне связанные. Можно было бы и философский трактат написать, но такое не совсем в духе автора). Пригодится же тут особенно «Книга воспоминаний», второй большой роман Надаша, вышедший у нас в переводе Вячеслава Середы (памяти которого переводчик посвящает ныне обсуждаемый сборник) в 2015 году. Это художественная проза (жгучая, я бы сказала, в своей художественности проза), написанная — прочитая

автором, а вслед за ним и нами — на основе тех же идей, что в этом сборнике сформулированы в виде вполне теоретических положений.

Итак, в этой книжице, составленной из «Введения в тему земной и небесной любви: подобию праобразов», из прочитанной в сентябре 1989-го в академии «Фидес»¹ лекции «О любви небесной и земной» и — подготовительных заметок к этой лекции, написанных чуть раньше, из которых автор собрал самостоятельный текст, Надаш говорит в некотором смысле то же, что в «Книге воспоминаний», представляет идейное ядро сказанного там — одно из таких ядер, — поэтому тот, кто прочитает две эти книги одним взглядом подряд, несомненно, лучше поймёт обе. «Книга воспоминаний» в смысловом отношении существенно шире темы любви и человека в ней, но основы того, что в понимании Надаша относится к любви, сформулированы именно здесь. Они довольно парадоксальны.

Если, читая «Книгу воспоминаний», читатель найдёт много возможностей для вполне освоенных им типов восприятия: сопереживать героям, отождествляться с ними, — то рассуждения автора «о любви земной и небесной» способны повергнуть его в некоторую растерянность. Ни малейшей лирики. Чистая метафизика.

Вполне возможно, читатель даже окажется разочарован: сексуальность в книге тоже далеко не главная героиня. Надаша-теоретика — того самого Надаша, из-под пера которого вышел напряжённо-эротизированный текст «Книги воспоминаний», — любовь занимает как форма коммуникации; как познание человеком самого себя и других; как способ освобождения (от навязываемых извне правил и требований — в пользу того, «что ему требуется сообразно системе взаимосвязей его качеств и складу его личности»); как моделирование человеком собственной судьбы. В свете этого любовь как взволнованность другим человеком, интенсивнейшее из состояний, оказывается хотя и необходимой, но в конечном счёте инструментальной.

Уточним: Надаш — метафизик очень на собственный лад и, вопреки устойчивому выражению и настойчивости слова «небесная» во всех без исключения здешних заголовках, «небесным» как таковым — в традиционном понимании — не занимается (божественное, ангельское и т.п. — это всё не из его лексикона и не из его понятийного арсенала). То, что он понимает под любовью «земной», означает чувства, состояния и действия, которые вписываются в социальные рамки, формируются под воздействием задаваемых культурой матриц и стереотипов — и, соответственно, ни до чего коренного, единственно настоящего, не добиваются. А вот под «небесной» — то, что до этого коренного и настоящего доходит — и чему до социальных условностей, рамок, матриц и норм нет решительно никакого дела. Мудрено ли, что, как пишет Ольга Серебряная (говоря о «Книге воспоминаний», но, кажется, это верно и за её пределами), «не освобождает, а несёт с собою горе и горечь». Она ломает всё, что в земной жизни не только стесняет, но и оберегает человека, — затем и заведено. Чуждая по своему глубококому существу условностям любого порядка, она оставляет человека беззащитным.

Однако Надаш настаивает: освобождает (что, понятно, не отменяет ни горя, ни горечи).

Метафизика Надаша, таким образом, вращена внутрь доступного нам опыта, — доступного, в принципе, каждому; человеку как таковому — в здешнем, земном,

---

¹ Не путать с сегодняшней *Fidesz* — венгерской крайне правой националистической партией, пребывающей ныне у власти. Тогда, на рубеже исторических эпох, под тем же именем действовало молодёжное леволиберальное движение, и название его было аббревиатурой от слов *Fiatal Demokraták Szövetsége* — Союз Молодых Демократов, теперь не расшифровывают, имея в виду куда скорее латинское *fides* — вера. Парадоксально ли, но в число лидеров того Союза входил и действующий премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, чем, как справедливо замечает Серебряная в предисловии, сходство тогдашнего и нынешнего «Фидесов» и исчерпывается.

досмертном и чувственном существовании. Понятая в надашевском смысле метафизика представляет собой особенное, редко по-настоящему достигаемое измерение этого существования — в него-то и проваливаются любящие (проваливаются, разумеется, не во плоти, но в смысле типа проживаемого опыта), те из них, которые любят действительно, в полную силу и по полной программе, что, разумеется, никоим образом не зависит от их собственной воли и сознательного выбора, — так случается. Это измерение не имеет отношения не только ко всем земным установлениям, но и к самому времени: оно — существование абсолютное, родственное вечности, — а может быть, в каком-то смысле и она сама. В одиночку провалиться в это состояние невозможно, только вместе с адресатом любви; но жить в таком модусе ни постоянно, ни, по всей вероятности, долго невозможно — это опыт по определению экстремальный и уж подавно не может быть ни предписан, ни ожидаем как норма. Приспособить в общекультурных целях, «поставить на службу воспитанию или вере, а то и вовсе институализировать» его немыслимо.

Тело с его влечениями и страстями, несомненно, участвует в проживании этого опыта, ведёт к нему, но что-то подталкивает сказать, что (при всём громадном внимании Надаша-писателя к телесности, к её принуждениям, к тем возможностям, которые она открывает) по самому большому счёту оно тут не главное. Пол и гендер участников взаимодействия принципиального значения тоже не имеют: «У женщин и мужчин есть общее начало, и состоит оно в том, что они люди. Причём роль этого понятия в мышлении заключается как раз в том, чтобы говорить о них в соответствии с их сутью, а не просто как о мужчинах и женщинах. Соответственно, тот, кто рассуждает о них в соответствии с их сутью, не может давать рецепты касательно того, когда они хорошие женщины, когда — хорошие мужчины и как им подобает себя вести. О последнем можно рассуждать только тогда, когда говоришь о женщинах и мужчинах не в соответствии с их сутью». Любящие взаимодействуют своей человеческой сутью и только ею. Соответственно, любовь и есть способ её постижения и, может быть, наиболее верный.

О том, как устроено эмоционально-смысловое пространство, поглощающее влюблённых (слово «пространство» применимо тут лишь очень условно), архаическое, магическое, в котором выходят на поверхность очень древние слои культуры, едва ли не предкультуры, лежащие в её основе и забытые, вытесненные ею, автор не говорит ничего подробного — возможно, подробности и ему самому не очень видны, возможно, они вообще не слишком поддаются здешним-и-сегодняшним формулировкам, — но на само существование этого пространства-состояния он указывает. Изобретая собственную терминологию, Надаш называет его словом «обоюдность» (такое русское соответствие Серебряная подбирает слову *kolcsonosseg*, в отличие от *viszonossag*, которое она передаёт словом «взаимность»). «Взаимность», любовь земная, — то, что строится на общественных нормах. Обоюдность, любовь небесная, — то, что — жгуче, мучительно-счастливо и ненадолго — от социума освобождает. Свобода на двоих.

То есть вполне можно сказать, что Надаш — минув религиозное, трансцендентное измерение бытия — по-своему структурирует посюстороннее его измерение; любовь же как особенное человеческое состояние позволяет, по его мысли, эту структуру выявить. Возможно, что на такое способна только она одна; этого не дано даже религиозному экстазу, которым Надаш тут не занимается. О структуре бытия как такового он, собственно, ничего не говорит — просто не выходит на этот уровень рассуждений, — но говорит нечто, кажется, до сих пор не произносившееся, — по крайней мере, в новейшей европейской истории — о структуре бытия человека. Можно отважиться, пожалуй, сказать и то, что он намечает возможности некоторой новой области мышления: *антропоонтологии*.

Модель культуры, в рамках которой Надаш предлагает осмыслить любовь в обоих её вариантах и отношения с нею человека, к которой он постоянно апеллирует как к едва ли не исходной очевидности, не так оригинальна — он её заимствовал, не проблематизируя, — хотя и довольно малоизвестна. Сам он на её источник не ссылается, но Серебряная, которая не только переводчик, но и философ по исходному образованию, этот источник выявляет: Надаш заимствует периодизацию истории культуры (надо полагать, всех народов вообще), которую предложил немецко-швейцарский поэт Жан Гебсер (1905—1973): «архаика — магия — миф — ментальность — интегральность». Автор предисловия усматривает в использовании этой безоговорочно принятой писателем схемы особенности интеллектуальной культуры — скорее, моды — рубежа 1980—1990-х: «Готовность приспособить под свои нужды любую приглянувшуюся теорию, не обращая внимания ни на её научный статус, ни на контекст, в котором она используется (Гебсер более всего популярен среди теоретиков New Age)». Собственно, в данном случае совершенно неважно, каков научный статус заимствованной Надашем схемы: он не учёный и научных целей не преследует, а схемой Гебсера пользуется как полками, на которых раскладывает собственные соображения для пушей их обзорности. И главное из этих соображений — вовсе не то, как устроена культура, а то, что любовь — это свобода. И, кажется, слово «свобода» здесь главное. И это, думается, тоже примета времени.

Вообще, предисловие Серебряной — чтение, достойное отдельного внимания, поскольку там она, во-первых, вписывает Надаша в большую европейскую интеллектуальную, философскую традицию, восходящую к Платону (но усилиями Надаша и в его едва ли не единственном лице сворачивающую в другую сторону); во-вторых, ставит его в контекст времени, в которое создавались составившие книгу тексты, связывает с этим временем особенности его мышления и речи. В частности, она интересным образом связывает его тогдашнюю манеру изъясняться с Хайдеггером, — на которого Надаш напрямую не ссылается просто уже потому, что «этому мыслителю за скудостью личного опыта сказать о любви было нечего», но дело совсем не в содержании мыслей немецкого философа, а в самом их устройстве: «вошедшее тогда в моду хайдеггеровское обращение с языком», по словам переводчика, Надаш «разделяет в полной мере» (и это при том, что «хайдеггеровского полумистического понимания языка как “дома бытия”» не разделяет совсем): «В те годы — вероятно, на волне усталости от латинизированного наукообразия структурализма и других предельно рациональных течений, включая марксизм, мыслители и писатели по всему миру начинают вдруг “вслушиваться” в язык, потворствовать двусмысленностям, вытягивать “подлинный” смысл из корней слов, то и дело попадаясь на крючок ложных этимологий, отделять приставки чёрточками (мета-физика — это ведь не просто метафизика, а то, что за пределами, поверх, помимо физики), выуживать в глубинах памяти и толщах словарей диалектизмы и устаревшие выражения, подчёркивать созвучия: *die Sprache spricht*, и аккуратно воспроизводить их в переводе: язык язычит. Или нет, говор говорит». Вот и Надаш «следует золотым стандартам философской прозы того времени: употребляет архаичные грамматические формы, «намеренно повторяет слова <...> и смакует созвучия, даже если они не приносят никакого дополнительного смысла <...>, повторяет одно за другим однокоренные временные союзы и наречия». Представляю, какую нелёгкую задачу всё это ставило перед создательницей русского текста, призванного как можно точнее передавать дух оригинала.

Во всяком случае, говоря об одной из ведущих тем и нашей, и не только нашей культуры, Надаш протаптывает нехоженные тропы. По всем приметам, они лежат весьма далеко от мейнстрима — от его стереотипов и инерций. Тем интереснее: высока вероятность того, что дерзнувшим отправиться по ним вслед за автором предстоит открыть неизведанные пространства.

Борис Минаев

Легенда об острове

«Остров зовет художников и поэтов, таясь, как женщина, и, как женщина, мечтая быть открытым и воспетым...» — писал Василий Голованов в своей книге «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий» (впервые, кстати, опубликованной в «Дружбе народов» почти 30 лет назад, господи, как давно).

Василий стремился попасть на остров своей мечты — Колгуев — по совершенно непонятным для нас, его коллег, причинам. Тогда он работал в «Огоньке», отпрашиваясь в командировку то ли на месяц, то ли на два, что было само по себе немыслимо, обрастая географическими и иными знаниями, прочерчивая сложнейший маршрут, настраиваясь на апологию затерянной, никому не известной, никому не нужной точки на карте, где *ничего нет*.

Вот это «ничего» он и собирался исследовать, сопоставляя эти огромные и таинственные пустоты с собственным опытом и собственной душой. Сопоставляя космос природы с космосом человеческого сознания.

Критикой было признано — уже потом, через много лет, — что в жанре нон-фикшн это книжка выдающаяся, невероятная.

Хотя и непростая для восприятия.

....Я попытался рассказать о Василии и его книге творческому коллективу «Пятого театра» из города Омска после премьеры их спектакля «Остров Рикоту». У меня мало что получилось: ну как расскажешь за пять минут о целой книге и тем более о целой жизни?

Герой спектакля (показанного на сцене РАМТа в рамках фестиваля «Уроки режиссуры») журналист Игорь Воеводин приезжает на дальневосточный остров Рикоту, чтобы написать красивый очерк — для спецномера журнала про «отдаленные уголки России». В отличие от Голованова он ставит перед собой скромную задачу: снять красивые фото, снабдить текст живописными деталями... и умотать назад, в родную Москву. Это симпатичный, вполнемышленный и отзывчивый молодой человек, который готов на всё: питаться водорослями, пить настоянный на них же самогон, танцевать с местными девушками, жить в хибаре — единственное, чего он не может себе представить, — что ему придется остаться здесь навсегда.

Реальность дает трещину в тот момент, когда, выпивая, журналист Воеводин обсуждает с местными жителями Москву.

«Да нет никакой Москвы», — уверяют со смехом они. И смех этот ему вдруг кажется довольно жутким.

...А они продолжают настаивать на своем, несмотря на все вполне рациональные вопросы, которые задает им журналист.

Грань между социальной прозой и мистическим хоррором оказывается весьма тонкой — конечно, для населения Рикоту, людей, живущих на берегу огромного океана, разделяющих тюленьё мясо, куда баркас раз в месяц привозит

«бакалею», годами не выдавших помидоров и огурцов, Москва — это какая-то сказка из телевизора.

Также, впрочем, как для жителей тысяч деревень и поселков, рассыпанных в снежной мгле, ледяной пустыне, в тайге и в степи, словом, на просторах нашей Родины.

Но когда они, эти жители, на глазах превращаются в ведьмаков, сирен и русалок и буквально захватывают в сети случайно оказавшегося тут «рыбака», как в древних сказках, — это уже немного другой жанр.

Всех этих людей: сурового, но справедливого начальника цеха, сумасшедшего сторожа с берданкой, который ловит воображаемых шпионов, ошалевшую от женской тоски строгую девушку и чересчур веселую девушку, ошалевшую от того же, — я видел в своей жизни не раз, хотя пытался в такие рискованные командировки, как герой спектакля, не попадать.

Но я никогда не видел, чтобы они преступали границы и ломали рамки. В России начальство всегда выше всего. А журналист из Москвы — это по-прежнему начальство.

И уж тем более не видел, чтобы они захватывали в плен. В фундаменте пьесы Наталии Мошиной, по которой поставлен спектакль, заложено много разного строительного материала: от американского триллера «Авария» с Куртом Расселом до гомеровского Улисса, от романов Лескова до повестей Юрия Рытхэу. Режиссёр Фамил Джавадов (а также художник-постановщик Никита Запаскин и хореограф Аглая Соловьёва) пытаются плавно вывести нас из онтологического (или, как сейчас говорят, хтонического) ужаса «Острова Рикоту» — в другое пространство: сказки о русалках, — наполненное странными песнями, таинственными обрядами, зельями и колдовством.

Но в том-то и дело, что все эти люди на волшебных персонажей совсем не похожи. Они очень настоящие. И здесь не могу не замолвить слово о прекрасных актёрах: обитателей «Острова Рикоту» убедительно и ярко играют Сергей Троицкий, Евгений Точиллов, Анастасия Лукина, Вероника Крымских, Александра Удруханова, Олег Чичко.

Вся Россия — со всеми её комплексами, привычками, неверием и верой, жестокостью и щедростью — вылезает из деталей этого сюжета.

И в сказки тут тоже мало верят, хотя и живут порой по сказочным законам.

Вернусь к Василию Голованову. Да, на острове Колгуев он обрел себя — воплотил свою страсть к «бессмысленным путешествиям» в мощный философский текст, в свою судьбу, в свою историю, в другие свои, будущие, книги, смог описать то, что в принципе не очень-то и поддается описанию, например, то, как страх перед необъятным пространством превращается в восторг и смысл жизни.

...Но сегодня-то мы живем в совсем ином мире.

Возможны ли сейчас подобные путешествия? Не уверен.

На фестивале «Уроки режиссуры» были и другие открытия. Например, спектакль «Властелин мира».

Романами Александра Беляева я зачитывался в детстве, как, наверное, все люди моего поколения, да и предыдущего, да и предыдущего перед предыдущим — тоже. (Про нынешнее — такой уверенности нет.)

Все знают «Голову профессора Доуэля», «Человека-амфибию», «Ариэль», «Остров погибших кораблей», помнят несколько других его вещей — Беляев написал десятки романов, рассказов, повестей. Роман «Властелин мира» не то чтобы из числа самых популярных. Но именно его молодой режиссёр Александр Локтионов взял за основу одноименного спектакля, поставленного им в «Театральном ковчеге

в Дубраве» — то есть в театре из города Сергиев Посад. (В Москве я увидел его на сцене филиала Театра Маяковского.)

...Беляев, как известно, создавал на бумаге мир будущего (как и многие его современники), в котором «возможно всё»: космические города, люди со сверхспособностями, сверхмощные лучи, таинственная энергия, — короче говоря, мир, до отказа набитый головокружительными изобретениями, открытиями, проводками и пробирками, чудесный, волшебный и чарующий. Мир техники, научных идей, непрерывно меняющийся к лучшему. Этот мир будущего, конечно, резко контрастирует для читателя с настоящим (и этот контраст в творчестве Беляева, наверное, неслучаен — поскольку жизнь автора была наполнена не только писательским трудом, но и страшными болезнями, трагическими потерями, борьбой за существование).

Так вот, во «Властелине мира» он создал образ Макса Штирнера, «доктора Зло» (тогда, в 20-е и 30-е годы писатель смело использовал ходячие сюжеты, кочевавшие из романа в роман), который создает машину, передающую мысли на расстоянии. И не только отдельным людям, в отдельные головы, а массам, «населению». Это мысленное излучение меняет жизнь целых городов, стран, а потом и всей планеты — рушатся империи, биржи, рынки, и мир неуклонно движется таким образом к войне.

Режиссёр Александр Локтионов создал на сцене атмосферу старомодного, если не сказать мещанского, романа — поскольку именно несчастная любовь «доктора Зло» стала причиной многих его преступлений и афер, которые описаны театром тоже со старомодной страстью и наивной увлеченностью. Бесконечные любовные признания, горькие чувства, расставания, встречи, страстные лобзания — всё как на старых дореволюционных открытках.

Но вот что интересно.

То, что когда-то Беляеву казалось «научной фантастикой», мыслилось как «таинственная энергия» и вполне соответствовало эстетике «проводов и пробирок», — сегодня оказалось вполне заурядным делом.

Телевидение, помноженное на интернет, сделало возможным *массовый психоз* уже не в романе, а в жизни.

Оно сделало возможным манипуляцию массовым сознанием, причем таких масштабов, которые и не снились человеку, выросшему перед Первой мировой войной. Конечно, и в то время были газеты, «газетная лихорадка» (режиссёр пытается её показать на сцене, но на современный лад), массовые чувства, спровоцированные заметками и заголовками. Впрочем, обходились и без газет: адская паника, жуткие погромы, безумные очереди, — всё это возникало в начале XX века и само по себе. С помощью сарафанного радио.

Но тогда это были «черные дыры», разрывы в историческом времени, катастрофы, ужасные события, не имевшие перманентного характера.

Сегодня это обычная вещь. Вполне себе управляемая. Это наша жизнь. Обычная, повседневная.

Молодой режиссёр попытался совместить несовместимое: романс и социологию, антиутопию и человеческие чувства.

Ну а что ещё делать молодым, как не ставить эксперименты — над собой, над привычными жанрами, над реальностью и искусством?

Слава богу, есть фестиваль «Уроки режиссуры», в течение которого московский зритель смог посмотреть самые неожиданные спектакли — из Самары и Омска, Лесосибирска и Верхнего Уфалея, Барнаула и Сергиева Посада, Москвы и Петербурга.

Жаль, что я не смог посмотреть их все. Повседневная жизнь затягивает.

А может, это всего лишь массовый психоз?..

Summary

Elena Ermolovich. Nine Holes. Long short story

The long short story of E. Ermolovich is a magic spell-story. In a seaside town a retired trash-streamer and one of the dukes of Hell are playing golf. The golf-ball slides down into the hole – and a head falls down onto the scaffold. Chronicles of kings, robbers, princesses, rapidly passing idols... The story of the interweaving of the generations and fragility of the world. And the last tale could save the world if... this world were real.

Poetry

The cycle of poems by Suhbat Aflatuni “The January Saints” is dedicated to The Feast of the Nativity of Christ, to the saints Josef and Mary and St Nino – the enlightener of Georgia. In the fine aphoristic lyric poetry of Yourij Kazarin all the fullness of being is contained. The poems of Ilya Falikov “To Keep the Living Life as a Genre” are about love which doesn’t pass even when irreparable loss happens. The collection of poems by Sergey Popov “The Children’s Questions” is about the problems and challenges of our times.

Sergej Shargunov. Chapters from the future book

Under the heading “The Cultural Stratum” we present some chapters of the forthcoming book by Sergej Shargunov about Yourij Kazakov: the dramatic history of the almanac “Pages from Tarusa” and the fates of its authors and publishers, their relationships, talks and correspondence with K. Paustovskij, I. Erenburg, Y. Dombrovskij...

Literary Criticism

The hot ten of the literary critics – about the processes, tendencies and events of the literary life of the new century in comparison with the early last, about the fates of the literary manifests and projects and about the most important books and texts. Alexander Markov: “The classical modernist subject of “searching oneself” is being replaced by the subject of “assembling oneself”. Identity is conceived not as some target entity but as a constructor consisting of traumas, memoirs, cultural codes, digital trails and social roles”. Evgenij Abdullaev: “It’s getting difficult and painful to write again. The wind of History blew, local until now... There is a need for searching of not just a new language but a new system of verbal thinking”. Valeriya Pustovaya: “The best literature is now because neither before nor after there won’t be this wonderful coincidence of me and the author in the process of life...”

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**
<https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044>

Подписной индекс в каталоге **Почты России — ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте
<http://дружбанародов.com>

Журнал продаётся в магазине «**Фаланстер**»
Москва, ул. Тверская, 17
(вход с Малого Гнездниковского переулка)

Главный редактор: Надеев С.А.

Вёрстка: Елена Жирнова. Корректурa: Елена Лапшина.

Дизайн обложки: Степан Лукьянов.

Учредитель и издатель — АНО Редакция журнала «Дружба народов».

Юридический адрес: 115172, г. Москва, ул. Гвоздева, д. 7/4, стр. 1, кв. 88.

Почтовый адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2, оф. 110.

Электронная почта: dn52@mail.ru. Телефон редакции (499) 5190212.

Сайт журнала: дружбанародов.com

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Эл № ФС77-51026 от 03.10.1912.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Читайте:

**Асель Искакова. Спасибо, доктор!
Дальше — сами. Роман**

«Не смотри ночью в окно. Мало ли что там увидишь», — говорила мама. Я и не смотрю. На шторы смотреть тоже страшно. Вот сейчас папа их раздвинет и найдёт меня.

Бродит по квартире как призрак. Только вот совсем не призрак. Шарк-шарк-шарк.

Сиди тихо, не сопи, не шурши. Вхожу в анабиоз. Может, пронесёт? В прошлый раз он застал меня врасплох. Я спала, и вроде что-то снилось, но тут влезла смутная тревога и подняла мне веки.

Рядом с кроватью — тёмная фигура.

— Пап? Ты чего?

Фигура протягивает руку, хватая меня за волосы и рывком вытаскивает из постели.

— Эй, совсем, что ли уже? Ты что делаешь!

Откуда силы у больного, сошедшего с ума старика? Но рука его тверда и уверенно волочит меня в коридор. В темноте надо мной висит бледное незнакомое лицо, и от пустого чёрного взгляда моя душа куда-то проваливается.

Невысокий, плотный, лысоватый дедок душит похожую на него маленькую пухленькую тётеньку. Рот её широко раскрыт, руки бессмысленно взбивают воздух, в глазах — ужас. Мы с душой кричим: «Давай уже!!» И неожиданно точным движением я бью старика коленом в пах. Старик отшатывается и, прислонившись к двери, что-то бормочет. Душа возвращается.